

▪ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ЦИМПЕРАТОРОВ ▪

Алексей Величко

ПРОЩАНИЕ С ВИЗАНТИЕЙ

16+

История Византийской империи

Алексей Величко

Прощание с Византией

«Автор»

2021

Величко А. М.

Прощание с Византией / А. М. Величко — «Автор»,
2021 — (История Византийской империи)

Книга охватывает последний период существования Византийской империи, завершившийся взятием Константинополя 29 мая 1453 г. османами. Несмотря на крайне тяжелое внешнее и внутреннее положение, Византия в течение двух последних веков по-прежнему являла миру грандиозную духовную, политическую, культурную и военную силу, успешно противостоя попыткам экспансии со стороны турок и Запада. В книге подробно раскрываются события Пятого, Шестого, Седьмого и Восьмого Крестовых походов, а также попытки организации унии с Римо-католической церковью в Лионе и Ферраро, знаменитые исихастские Соборы середины XIV столетия. В центре этого повествования находятся фигуры блистательных Византийских императоров – Феодора Ласкариса, св. Иоанна Дуки Ватаца, Михаила VIII и св. Константина Палеологов

© Величко А. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Династия Ласкаридов	5
I. Император Феодор I Ласкарис (1204—1222)	6
Глава 1. Осколки Византийской империи	6
Глава 2. Феодор I Ласкарис и Никейская империя	14
Глава 3. 5й Крестовый поход	23
II. Император святой Иоанн III Дука Ватац (1222—1254)	32
Глава 1. «Фракийский узел». Попытка унии с Римом	32
Глава 2. Политические комбинации и возрождение Византийской империи. 6й Крестовый поход	41
Глава 3. 7-й Крестовый поход и смерть императора	57
III. Император Феодор II Ласкарис (1254—1258)	65
Глава 1. «Певец царской власти» и византийский «просвещенный абсолютизм»	65
Глава 2. «Мы во цвете лет состарились душой»	69
IV. Император Иоанн IV Ласкарис (1258—1261)	80
Глава 1. Страсти вокруг царственного агнца и «конституционная монархия» Палеолога	80
Глава 2. Возвращение Константинополя. Конец династии Ласкаридов	84
Династия Палеологов	91
V. Император Михаил VIII Палеолог (1261—1282)	91
Глава 1. «Новая Византия» и ее окружение	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Алексей Величко

Прощание с Византией

Династия Ласкаридов

Памяти основоположников
русской византистики и канонической науки
А.А. Васильева, братьев Ф.А. и С.А. Терновских,
протоиерея Петра Лепорского
посвящается эта книга

I. Император Феодор I Ласкарис (1204—1222)

Глава 1. Осколки Византийской империи

«Редко в истории проводились более последовательные мероприятия, чем раздел поверженной Византийской империи», – утверждал один автор; и он, конечно же, прав¹. Не успел еще остыть пепел пожаров после страшного разгрома Константинополя в 1204 г., как на территории Византии помимо Латинской империи образовался целый ряд самостоятельных государств, политически независимых друг от друга. На землях, где обосновались крестоносцы, своими размерами выделялись королевство Фессалоникийское (Бонифаций Монферратский) и герцогство Афинское (Отто де ля Рош). Рядом с ними расположился Иконийский султанат (КейХозров I) и Второе Болгарское царство (Иоанн I Калоян).

Чуть позднее на Пелопоннесе выделилось княжество Ахайя, основанное Гийомом Шамплиттом (1205—1209). Однако он скончался в 1209 г., и Готфрид I Виллардуэн Младший (1209—1229), воспользовавшись случаем, взял правление Ахайи в свои руки. В 1218 г. ему наследовал старший сын Готфрид II (1218—1246), а затем младший сын Вильгельм (1246—1278). Все они были высокообразованными и умными людьми, умевшими организовать добрососедские отношения латинян с местным населением. Князья Виллардуэны твердой рукой сдерживали алчность своих рыцарей и гасили церковные расколы, а потому страна быстро оправилась от былых потрясений и чрезвычайно расцвела, принося своему правителю до 100 тысяч золотых монет ежегодного дохода².

Нельзя не упомянуть нарождающегося Сербского королевства. Уже императорам Алексею I и Мануилу I Комнинам пришлось воевать с правителями (жупанами) сербов – Константином Бодином (1081—1099) и Стефаном Неманей (1196—1202). Но это были лишь первые ростки зарождающейся Сербской государственности. Крещенный по латинскому обряду, Неманя в 1190 г. присоединился к Восточной церкви через миропомазание, получил титул «севастократор» и женился на Евдокии Ангелине Комниной (1173—1211), племяннице императора Исаака II Ангела. В течение нескольких десятилетий после этого Сербия, разделенная на два государства – Рашку и Зету, не выходила из состояния междоусобицы. Но святитель Савва (1169—1236), один из сыновей уже покойного к тому времени Стефана Немани, прибывший с Афона, примирил своих братьев Стефана и Вукана, последний из которых даже заключил союз с Венгерским королем Имре I (1196—1204) и признал власть Римского епископа.

Чтобы укрепить позиции брата, св. Савва предложил тому развестись с Евдокией, которую выгнали едва ли не голой из дома, и взять в жены Анну, внучку Венецианского дожа всемогущественного Дондолю. Правда, Вукан, брат короля, оказался милосерднее: он снабдил несчастную Евдокию всем необходимым и в сопровождении великолепной свиты отправил в Константинополь. А в 1217 г. папский легат венчал Стефана на королевство, после чего тот стал именоваться св. Стефаном Первовенчанным (1217—1228). От этого альянса, конечно, выиграли и Рим, и Сербия, король которой отныне считался самодержавным и легитимным правителем собственного государства³.

Увы, папе Гонорию III (1216—1227) не довелось увидеть свои мечты сбывшимися. Хотя король и передал сербский народ в руки Римского епископа, православная Рашская епархия все еще оставалась под юрисдикцией Охридской архиепископии, где главенствовал знаменитый канонист и церковный деятель Дмитрий Хоматин (?—1238). И Сербия, где проживало довольно много католиков, оказалась своеобразным водоразделом между Восточной и Латинской церквами. Сам св. Савва, разумеется, пошел на альянс с Римом исключительно для при-

обретения политических выгод, не более. Хотя, к слову, сам по себе этот факт с очевидностью свидетельствует в пользу того, что для современников Кафолическая Церковь все еще оставалась единой⁴.

Из византийских владений, помимо воли Латинского императора созданных на осколках Восточной Римской империи, нужно отметить Эпирский деспотат. Основатель государства Михаил I Комнин Дука (1205—1215), незаконнорожденный сын севастократора Иоанна Дуки, приходился родственником сразу трем царственным фамилиям – Комнинам, Ангелам и Дукам, а потому использовал три имени. В молодости он был отдан заложником к Германскому королю Фридриху I Барбароссе, затем служил по финансовому ведомству в Малой Азии. Но настоящую известность, хотя и «черную», Михаил получил после перехода на сторону Иконийского султана.

Во главе шайки турецких разбойников он настолько активно грабил окрестности Меандра, что в 1201 г. Византийский царь был вынужден направить против него целое войско. Затем мятежный аристократ вернулся в Северную Грецию, где имел множество родственников по линии жены и отца, правителя фемы Этолии и Никополя. После взятия Константинополя Михаил явился к Бонифацию Монферратскому, которому обещал завоевать и передать в руки весь Эпир; и тот поверил ему. Но вместо этого Михаил быстро привел в повиновение себе области, густо заселенные греками, и вскоре предстал перед миром в качестве самостоятельного правителя, который в глазах местного населения олицетворял борьбу с ненавистными латинянами. Даже поражение под Кундуrom от пилигримов не подорвало веру эфирцев в своего правителя. Впрочем, пока еще Михаил Ангел Комнин Дука не решался принять титул «император», именуясь «деспотом»⁵.

Первоначально территория деспотата простиралась от Диррахия на Севере до Коринфского залива на Юге. Столицей государства являлся город Арта. Во внутреннем управлении Эпирский деспотат использовал уже созданную ранее византийскую административную систему. Окруженный многими врагами – болгарами, крестоносцами и венецианцами, Михаил I был вынужден сразу же создавать мощную армию, способную противостоять им. Поскольку деспот считал себя самостоятельным правителем, церковная иерархия Эпира также признавала себя независимой от кого бы то ни было. И по приказу Михаила I местные митрополиты приступили к рукоположению епископов. Хотя это было относительно сильное государство, никаких враждебных действий со стороны Эпирского деспота при Михаиле I по отношению к Никейской империи, о которой речь пойдет ниже, пока не наблюдалось, хотя впоследствии ситуация резко изменится⁶.

Другим активным участником тех далеких событий являлась Трапезундская империя, где правил внук Византийского императора Андроника I Комнина Алексей I Комнин (1204—1222), создавший династию «Великих Комнинов». Это новое греческое государство первоначально возникло из двух частей – фемы Халдии, где правил Алексей Комнин, и земель Пафлагонии и Ираклии Понтийской, которыми владел его брат Давид. Отделенная от Никейской империи сельджукскими владениями, она вскоре вышла из борьбы за право являться центром объединения византийцев, став самостоятельным государством с автономными интересами. Однако претензии «Великих Комнинов» называться единственными легитимными Римскими василевсами не прекращались долгое время, что впоследствии создало много напряженности в их отношениях с правителями Никейской империи⁷.

Помимо них, в Мосиполе еще проживал престарелый Алексей III Ангел Комнин, а в Чорлу (Цуруле) нашел пристанище Алексей V Дука Мурцуфл. В Филадельфии в качестве независимого государя утвердился Феодор Манкафа (1204—1208), в долине Меандра – Мануил Маврозом, а в Сампсоне у Милета – Савва Асидин. В Самсуне правил Феодор Гавра, потомок Таронских князей. На Родосе титул кесаря принял Критский архонт Лев Гавала (1204—1240). Впрочем, в описываемых нами событиях никакой самостоятельной роли они не играли⁸.

Но если три греческих государства разом, как конкуренты, претендовали на роль объединяющего центра византийской нации, то интересы и замыслы правителей латинских государств во многом отличались друг от друга. Император Латинской империи Балдуин I Фландрский (1204—1205) мыслил свое государство на западнофеодальный манер: единый государь на фоне ленных наделов независимых вассалов. Но в действительности он стал номинальной фигурой на фоне могущественных ленников, число которых достигло 600, поскольку оказался отстраненным от раздачи земельных наделов. По этой причине Балдуин I не мог создать и полноценной армии – она формировалась исключительно совместным Франковенецианским советом. И хотя император по должности возглавлял его, секретарем являлся правитель венецианской части Константинополя. Этот совет имел власть большую, чем Балдуин, поскольку мог отменять его распоряжения и напрямую руководил военными действиями.

Был принят и основной закон Латинской империи «Assises de Romania», скопированный с Иерусалимского законодательного свода. Для споров императора с ленниками был создан специальный суд, что еще более уменьшило его возможности. Руководимый во всем грекофобом Дандолом, Латинский император совершенно не ставил в расчет византийцев и их интересы – для него они являлись лишь подданными его ленников. И хотя формально было провозглашено равенство Восточной и Римокатолической церквей, в скором времени почти весь греческий епископат был заменен латинским⁹.

Напротив, Бонифаций Монферратский, как наиболее глубоко мыслящий человек среди вождей 4го Крестового похода, намеревался создать прочные основания своей власти. А потому вступил в тесные отношения с византийской аристократией, проживавшей на территории его королевства. Его совершенно не интересовал Латинский император, у которого он втайне надеялся забрать столь понравившуюся ему Фессалию. Свой план Бонифаций выносил в уме еще в те дни, когда в Константинополе выбирали главу Латинской империи. К недоумению всех крестоносцев, он буквально перед днем выборов женился на бывшей супруге императора Исаака II Ангела Марии Венгерской – чрезвычайно очаровательной молодой особе¹⁰.

Тогда этот поступок не был понят никем, кроме, возможно, хитроумного дожа Дандоло, с которым Бонифаций, очевидно, договорился заранее. И тот, как опытный политик, понял, что таким способом Бонифаций формирует легитимные основы своей власти. Дож не ошибся: 12 августа 1204 г. граф Монферратский заключил договор с Венецией, согласно которому итальянцы признавали за ним Фессалоники, а он передавал Республике остров Крит. Стороны специально оговорили между собой все нюансы. И хотя они отметили, что обязуются «не нарушать прав и интересов Латинской империи и императора», но совершенно обошли французов, крайне разочарованных этим соглашением¹¹.

Когда о договоре узнал император Балдуин I, находившийся в те дни в Мосиполе, он буквально впал в шок, обзывая графа Монферратского «криводушным и вероломным изменником». Но Бонифация мало волновали нелестные эпитеты в свой адрес. Он созвал представителей византийцев и поклялся прекратить сношения с остальными латинянами, соблюдая исключительно интересы ромеев. А затем объявил Мануила, сына Марии Венгерской, рожденного еще от Исаака II Ангела, Римским императором, предоставив тому право ношения пурпурной одежды. Это известие окончательно вывело Латинского императора из состояния равновесия. Разъяренный Балдуин отправился в поход, намереваясь захватить Фессалоники и восстановить собственные права.

Он дошел до города, где его встретили местные жители, просившие взять их под свое покровительство – несмотря на все обещания итальянца, византийцы не очень доверяли Бонифацию Монферратскому. Латинский император дал свое согласие и даже подписал хрисовул, сохраняющий за фессалоникийцами их старые права. Но тут поступило сообщение из Константинополя о том, что дож Дандоло настоятельно требует его возвращения в столицу. После этого можно было с уверенностью сказать, что граф Монферратский выиграл дипломатиче-

скую битву у французов. Теперь императору нужно было завоевывать Фессалоники, если он хотел наказать Бонифация¹².

Эта история имела дальние и весьма опасные последствия для Балдуина и попутно подарила шанс на жизнь молодому Никейскому государству, куда в массе своей бежали потерявшие отечество византийцы. Ведь на Фракию претендовали болгары – куда более опасный соперник, чем свергнутые цари Византии или Бонифаций Монферратский. Было чудом, что Латинский император, вектор интересов которого объективно лежал на Востоке, упрямо смотрел на Фракию. Вместо пустых ссор с соотечественниками, ему следовало прибрать к своим рукам малоазиатские владения Византии, пока те были еще очень слабы. И если он хотел не только называться Латинским императором, но и быть им, то Балдуину необходимо было помочь завоевать Вифинию своему вассалу Луи, герцогу Никейскому¹³. Без сомнения, этот поход мог стать гибельным для Никеи, если бы Балдуин не тратил время на выяснение отношений с Бонифацием¹⁴.

Еще одним подарком судьбы стало то, что Балдуин высокомерно отверг предложение о дружбе, направленное Иконийским султаном КейХосровом I (1196—1211). Этим самым он лишил себя могущественного союзника в Малой Азии, совместно с которым мог легко захватить Вифинию и Мезию¹⁵.

Оставив в Константинополе дожа Дандоло, Балдуин вместе с братом Генрихом Фландрским отправился с небольшой армией во Фракию. Но воевать с Мурцуфлом ему не пришлось – того ослепил тесть и выдал латинянам. Вскоре Алексей V был казнен в Константинополе. Как рассказывают, по совету дожа Дандоло бывший Византийский император был сброшен вниз со столпа святого Феодосия – латинянам очень хотелось, чтобы эта казнь была доступна всем для обозрения¹⁶.

Конечно, данная акция не прибавила любви к латинянам со стороны византийцев – каким бы плохим ни был Мурцуфл, он являлся Римским императором. Как известно, в истории Византии насчитывается немало случаев, когда цари не просто свергались конкурентами, но и погибали вследствие дворцовых переворотов. Но разве можно было бы предположить, что василевс, пусть даже и бывший, будет казнен публично?! И его позорная казнь стала откровенной издевкой латинян над византийцами и их традициями.

Алексей III не доставил больших хлопот – его вместе с бывшей царицей Ефросиньей арестовали и отправили в Германию, куда, впрочем, как мы вскоре узнаем, он не прибыл. Казалось бы, теперь Латинский император получил возможность направить свою армию против Никеи. Но и в эту минуту Бог уберег никейцев от страшной опасности, столкнув латинян с новым врагом, выпестованным их собственным высокомерием, – Болгарским царем Иоанном I Калояном, чьи интересы также лежали во Фракии. До некоторого времени болгары искренне желали победы крестоносцев над византийцами, и еще при осаде Константинополя Калоян обещал латинянам прислать 100 тысяч солдат в помощь. Но затем наступил резкий обрыв отношений, который, безусловно, предвидел Бонифаций Монферратский, подталкивая императора Балдуина к походу во Фракию.

Как обычно, вмешались и субъективные обстоятельства. Человек, знающий себе цену, имеющий хорошую и многочисленную армию, Калоян был чрезвычайно щепетильным, когда речь заходила о внешних формах, и как ни в чем не бывало подписывался в документах титулом «император». Когда в том же году Балдуин пожелал принять присягу от Калояна на верность, то возникла первая размолвка. Болгарский царь надеялся заключить союз с латинянами как равный с равными. Но получил надменный ответ: Балдуин заметил, что болгарину надлежало обращаться к Латинскому императору как к своему господину, а не как к товарищу.

Было бы удивительным, если бы Болгарский царь оставил такие выпады в свой адрес без удовлетворения. Война стала неизбежной. После этого можно было с уверенностью говорить, что надежды папы Иннокентия III на продолжение 4го Крестового похода стали совершенно

иллюзорными – при таком клубке противоречий ни о каком походе на Иерусалим не могло быть и речи.

В ноябре 1204 г. французский рыцарь Ренье Тритский во главе отряда из 120 всадников занял Филиппополь, на который претендовали болгары; и жители приняли его с радостью. В свою очередь при поступлении известий о приближении Балдуина многие фракийские города направили своих делегатов к Калояну с просьбой принять их в свое подданство. В этом нет ничего удивительного – крестоносцы на землях Латинской империи устроили настоящий террор, нисколько не считаясь с правами ни византийской аристократии, ни низших слоев населения. Желая привлечь дополнительные военные силы, Балдуин разослал письма в Германию и Палестину, соблазняя рыцарей обширностью свободных владений и богатством поверженной Византии. И не без успеха: из одной только Кремоны приехало около 1 тысячи рыцарей, а из Сирии и Палестины к Латинскому императору прибыло еще 100 рыцарей с оруженосцами и двумя папскими легатами.

Все им, равно как и участникам штурма Константинополя, Балдуин щедро нарезбл владения, совершенно игнорируя права прежних владельцев. Византийцы, чья национальная гордость была попорана осквернением святынь, разорением Константинополя и убийствами мирных граждан, теряли теперь свободу и последнее имущество. Естественно, ни о каком примирении с латинянами с их стороны не могло быть и речи. Тем более что западные христиане относились к византийцам с нескрываемым презрением как к людям «второго сорта»¹⁷.

Такая политика была, по меньшей мере, неразумной и совершенно не учитывала особенности византийского менталитета. Как известно, некоторые прежние Византийские императоры были готовы на воссоединение Священной Римской империи под духовным окормлением Римского епископа. И хотя мало кто из византийцев признавал законным избрание нового Латинского императора, однако они были готовы помянуть имя Римского понтифика на Литургии, как сообщило об этом греческое духовенство папе в 1206 г. Но амбиции и близорукость крестоносцев и латинского духовенства в Константинополе разметали эти надежды на примирение¹⁸.

И совсем не вовремя, поскольку вскоре началась война между латинянами и болгарами. Французский гарнизон в Дидимотихоне был уничтожен местными горожанами, а прибытие болгарского войска вынудило пилигримов спешно очистить Адрианополь. Месяц спустя, надеясь вернуть город, явился сам Балдуин во главе 140 рыцарей и небольшого отряда вспомогательных сил. Но навстречу уже приближался Калоян со своими союзниками половцами, силой до 14 тысяч всадников.

В четверг, 14 апреля 1205 г., под Адрианополем состоялась историческая битва, в ходе которой болгары заманили французов в ловушку и почти всех уничтожили. Сам Балдуин попал в плен, погибли многие знатные лица: епископ Пьер Вифлеемский, Этьен дю Перш, Рено де Монмирай, Матье де Валенкур, Робер де Ронсуа, Жан де Фризе, Готье де Нюлли, Эсташ де Эмон, Бадуин де Невилль и многие, многие другие¹⁹. В точности неизвестно, что происходило с Латинским императором в болгарском плену, но абсолютно достоверно, что там он погиб.

Чувствуя себя хозяином положения, Калоян решительно отказался выполнить просьбу Римского папы Иннокентия III об освобождении Балдуина. Тем более что понтифик вовсе не собирался воевать за интересы Латинского императора. Его письмо Калояну можно отнести к хрестоматийным образцам такта и корректности. Апостолик напомнил, что особой благодарностью отличается Болгарского царя из всех христианских владык, поскольку тот добровольно посвятил Римской церкви свое царство, «как частное достояние святого апостола Петра». В свою очередь, только послушание Апостольской кафедре, полагал папа, позволило Калояну достигнуть таких великих успехов. Нет сомнений, что их интересы совпадают, и даже более того, успехи царя болгар ему дороже собственных. Но поскольку на Западе собирается новое

войско для войны с болгарами, Иннокентий III советует Калояну освободить Балдуина и заключить мир с Латинским императором, иначе франки совместно с венграми могут победить его.

Напротив, письмо брату погибшего Балдуина Генриху Фландрскому, жаждавшему мести, было чрезвычайно лаконичным. Папа настоятельно рекомендовал тому заключить мирный договор с Калояном, т.к. эта дружба принесет им обоим много пользы. «Нужнее дела, чем слова», – закончил понтифик свой монолог²⁰.

Понятно, что в скором времени от владений Латинской империи во Фракии остались только Константинополь, Родосто и Силимврия. Не удовлетворившись, однако, этими успехами, Иоанн Калоян напал на владения Бонифация Монферратского. Летом 1205 г. его полководец Шишман осадил Фессалоники, где находилась Мария Венгерская, и хотя Бонифаций спас свою супругу, всем остальным пришлось пожертвовать. Вслед за этим болгары заняли почти всю Македонию²¹. Ренье в Филиппополе оказался отрезанным от своих соотечественников, и его разгром был лишь делом времени, что и произошло в действительности.

Нужно было предпринимать срочные меры, и взамен павшему императору Балдуину правителем (байлом) Латинской империи 20 августа 1206 г. был избран его брат Генрих Фландрский (1206—1216). Возможно, конкурентом ему мог стать старец Дандоло, но тот скончался спустя несколько недель после страшного поражения франков у Адрианополя²².

Кстати сказать, избрание байла также не обошлось без некоторой конфронтации между французами и венецианцами. Узнав о том, что франки желают остановить свой выбор на Генрихе, венецианцы потребовали безвозмездной передачи им чудотворной иконы Богородицы «Одигитрия». Только после того, как требуемое соглашение было заключено и венецианцы получили величайшую святыню христианства, Генриха Фландрского короновали императорским венцом²³.

Генрих (Анри или Эрик, как его называли соответственно французы и греки), в отличие от многих других латинян, относился к византийцам великодушно и мудро. Если бы все остальные правители латинских государств брали пример с него, история взаимоотношений Запада и Востока могла бы быть иной. Особенно ярко это проявилось в вопросе о веротерпимости. Надо сказать, что если по вопросу об участии папы Иннокентия III в деле захвата латинянами Константинополя существуют разные мнения, то последующая вероисповедальная политика Римской курии оценивается всеми исследователями однозначно. Для папы и его помощников вопрос подчинения византийцев Римской церкви являлся сугубо юридическим. А само подчинение предполагало целый ряд процессуальных действий, включая перекрещение греков и принесение ими присяги апостолику.

Правда, не желая насилия, Иннокентий III призывал латинян проявлять должную аккуратность и терпимость к «недостаткам» византийцев, но его слова оставались не услышанными. Латинские клирики повсеместно грубо вмешались в иерархическую структуру Восточной церкви, упраздняя некоторые епископские кафедры или принижая их в достоинстве. Митрополиты и архиепископы нередко оказывались лишенными своей епархии и становились просто чьимито викарными архиереями.

Например, на Кипре Православная церковь, автокефальная с 431 г., т.е. со времен Эфесского Собора, очень быстро утратила свою автономию. А в 1231 г. состоялось страшное преступление: латиняне сожгли 13 греческих монахов Кипра, отказавшихся принести присягу Римскому папе. На Крите уже к 1220 г. не осталось ни одного православного епископа, а византийским духовенством управлял латинский пресвитер; все хиротонии осуществлялись вообще за пределами острова. Стоит ли удивляться, что многие епископы и клирики стремились эмигрировать в Nikeю, где их статус ни у кого не вызывал сомнений? ²⁴

Попутно папа Иннокентий III направил в столицу Латинской империи легата Пелагия, наделив того патриаршими прерогативами. Желая продемонстрировать всем свой высочайший статус, Пелагий надел на ноги красные сапоги – знак царской власти, и пурпурную одежду.

Таким же цветом была окрашена попона его коня и уздечка. Жестокий и надменный, он в буквальном смысле слова изводил константинопольцев, принуждая принять латинские обряды и признать власть Римского папы. С этим историческим персонажем мы вскоре еще столкнемся.

Перед византийцами возникла сомнительная по перспективе дилемма: или признать апостолика первым архиереем Кафолической Церкви, или принять смерть. Дошло до того, что византийцы напрямую обратились к Генриху Фландрскому с просьбой освободить их от ненавистного папского легата. В качестве ультиматума они заявили: либо Латинский император урезонит зарвавшегося Пелагия, либо они уйдут к своим соотечественникам в Никею и Эпир. Генрих был не настолько глуп, как легат, а потому тут же приказал открыть православные храмы и освободить из тюрем всех греческих монахов и священников²⁵.

Перемена в политике Латинского императора не осталась незамеченной со стороны византийцев, а дикий нрав половцев вскоре ожесточил сердца греков, понявших, что они напрасно надеялись увидеть в Иоанне Калояне своего освободителя. В Филиппополе восстал Алексей Аспьет, с которым болгары разделились очень жестоко, и это было только началом византийского сопротивления. Весной 1206 г. война возобновилась, и болгары тысячами уводили ромеев в плен, принудительно расселяя на берегах Дуная. Как выяснилось, Калоян очень хотел получить прозвище «истребитель римлян», определенно заявляя, что в его сердце уже давно живет месть к византийцам за дела императора Василия II Болгаробойцы.

Но уже во второй половине лета 1206 г. болгарам пришлось испытать на себе крепость латинских рыцарей – отважный Генрих Фландрский смело напал на фракийские владения Калояна, имея большой успех. Он заставил болгар снять осаду Дидимотихона и отвоевал Адрианополь, радостно приветствуемый местными жителями. Затем Генрих нанес Калояну новое поражение, отбив громадный обоз и освободив всех пленных византийцев. Союзники постепенно оставили Калояна – вначале половцы бросили осаду Адрианополя и возвратились в свои становища, а затем от него ушел Никейский император Феодор Ласкарис, примирившийся с франками²⁶.

Успехи латинян были бы несравнимо большими, если бы в военных кампаниях 1205—1206 гг. венецианцы действовали с ними солидарно. Но – ничуть не бывало. Новый дож Венеции Пьетро Дзиани (1205—1229) присвоил себе титул «деспот», подписывал свои документы пурпурными чернилами, как Византийские императоры, и претендовал как минимум на равенство с Латинским императором. Когда Генрих Фландрский отправился в поход на болгар, венецианцы даже не попытались помочь ему, но, воспользовавшись ситуацией, отправились грабить побережье Мраморного моря. Тем не менее позднее Латинскому императору удалось урегулировать с ними отношения, и венецианцы пошли на уступки, опасаясь, что генуэзцы захватят их острова в Ионическом море. Однако время было потеряно²⁷.

В июле 1207 г. Генрих Фландрский имел свидание с Бонифацием Монферратским, с которым договорились о совместных действиях против болгар. Увы, им не пришлось воевать рука об руку – на обратном пути, осенью 1207 г., граф попал в засаду и был сражен стрелой; его голову принесли Калояну в качестве дара. Но и сам Болгарский царь доживал свой век: 8 октября 1207 г. его убил копьем одинловец, любовник царицы, тоже этнической половчанки, которого она же и наняла на эту роль. Так закончилась жизнь самого опасного врага латинян и византийцев, которого греки называли не иначе как «СкилоИоанн» («Собачий Иоанн»)²⁸.

Смерть Калояна оказалась катастрофичной для Второго Болгарского царства – его преемником стал незаконнорожденный сын царя, а племянник Борил (1207—1218), не пользовавшийся авторитетом у болгар, считавших его узурпатором. И вскоре деспот Алексей Слав (1207—1230), правитель Мельника в Родопских горах, объявил себя независимым государем

и стал добиваться Болгарского престола при помощи латинян. А венгры завладели Белградской и Браничевской областями, которые Калоян отвоевал у них в 1203 г.²⁹

В день Святой Троицы 1208 г. Латинский император Генрих получил известия о начале похода болгар на Константинополь. Немедленно собрав ополчение, он выступил к Адрианополю, надеясь отомстить за смерть брата. Но у Веррии его ждало поражение – ранним утром болгары напали на его войско, еще не готовое к бою, и оно едва не погибло. Коекак собравшись с силами, латиняне отправились к Филиппополю, надеясь взять город штурмом. Как выяснилось, местность близ города была разорена, а сзади уже наседали болгары. Однако «храбрость города берет», и в завязавшемся сражении успех сопутствовал уже франкам, развеявшим болгар, как пыль. Сразу после этого к Генриху явился Алексей Слав, признавший себя его вассалом и получивший в лен «Великую Влахию» на Средних Карпатах³⁰.

Впрочем, и эта победа не смогла объединить латинян, живущих своими представлениями о личных правах. По другую сторону Родоп располагались ленные владения ломбардийцев, вассалов Фессалоникийского короля. Когда Бонифация Монферратского не стало, они отказались от своей вассальной присяги и объявили о независимости Фессалоникийского королевства. А один из ломбардийцев – Альбертино из Каноссы, даже напал на Афинского герцога Оттона де ля Роша и отнял у того Фивы³¹.

Положение «византийских латинян» осложнялось тем, что на Западе разгорелась борьба между германскими императорами и Римской кафедрой. Получалось, что весь латинский мир оказался расколотым на две части, одинаково именовавшие себя «империями», а их главы – «императорами Божьей милостью». Интересы императора Генриха Фландрского также далеко не всегда совпадали с желаниями понтифика. Папа жаждал скорейшего подчинения себе Восточной церкви, но Генрих прекрасно понимал, что поддержка им этой духовной экспансии подорвет слабые основы его мирного сосуществования с греками. Кроме того, и латинские бароны, и сам Генрих за истекшее время уже «пропитались» духом византийского «цезаропапизма» и выражали недвусмысленные претензии на руководство церковными делами – по крайней мере в самом Константинополе и в их владениях³².

На некоторое время болгары и латиняне замирились между собой. Генрих Фландрский начал войну на Востоке против Никеи, а царь Борил был занят искоренением ереси богомилов. Но в 1211 г. военные действия были возобновлены по инициативе болгар, недовольных территориальными потерями последних лет. Несомненно, их активные действия против Генриха Фландрского были подготовлены широкомасштабной деятельностью бывшего Константинопольского патриарха Иоанна Каматира, проживавшего в Эпире и желавшего образовать союз византийцев и болгар против латинян.

И его слова попали на благодатную почву: болгары не получили от Рима того, чего хотели, да и латинские обряды не прижились на болгарской земле, воспитанной в византийской культуре. Кроме того, болгарскую аристократию покорила тот факт, что Римский папа под давлением Венгерского короля Имре I, его преемников Ласло II (1204—1205) и Андраша II (1205—1235), соглашался признать венгерский протекторат над Сербией, хотя болгары имели свои интересы в этом регионе³³.

Возникла призрачная надежда создать на месте завоеванных латинянами областей великое Грекоболгарское царство с центром в Константинополе. Поскольку никакой альтернативы Болгарскому царю не было, все считали, что главой нового государства станет Борил³⁴. Примечательно также, что Борил выступил против французов именно в тот момент, когда все силы Латинского императора были брошены на Никею – едва ли это простое совпадение.

В апреле 1211 г. болгарин попытался дать сражение Генриху Фландрскому, но побоялся рисковать и отступил. Зато его брат, севастократор Стрез (1211—1214), напал на латинян, квартирующих в Фессалониках. На его беду, на помощь латинянам пришел Эпирский деспот Михаил I Комнин Дука, при помощи которого французы одержали решительную победу над

болгарами. Резкая перемена политики Эпира, чьи воины еще несколько месяцев тому назад грабили вместе с болгарами Южную Македонию, была вызвана опасением эфирцев за свои собственные территории, могущие стать объектом будущих нападений воинов Борила.

Война продолжалась, но в целом складывалась неудачно для болгар. В октябре 1212 г. Борил потерпел очередное поражение от латинян, которым помогал Алексей Слава, государь «Великой Влахии». Борилу оставалось только просить мира и предложить Генриху Фландрскому в жены свою дочь Марию, девушку необычайной красоты. Свадьба состоялась в октябре 1213 г., и этот союз упрочил отношения болгар с франками. Более того, мудрый Генрих начал переговоры с Феодором Ласкарисом о замужестве на нем своей племянницы, другую родственницу он уже выдал замуж за короля Андраша II Венгерского.

К этому моменту выяснилось, что Болгарогреческий союз – миф. Болгары видели в византийцах лишь своих заклятых врагов, которыми они могли править, но не дружить. В свою очередь греки распознали в Никейском императоре своего мессииосвободителя от ненавистных латинян. После того как их интересы с византийцами разошлись, болгары стали надежными союзниками франков и вместе отправились на войну с сербами, не так давно подержавшими Стрезу при нападении на Фессалоники. Особых успехов эта война не имела, и вскоре вылилась в затяжной спор из-за границ между венграми, болгарами и сербами. Смерть в 1216 г. Генриха Фландрского – лучшего из Латинских императоров, лишила Борила могучего союзника и привела к скорому прекращению его царствования³⁵.

Глава 2. Феодор I Ласкарис и Никейская империя

Говоря словами современника, после взятия латинянами Константинополя вся Византийская империя распалась на части, «как некогда Израиль и Иудея. Одна часть держалась одного вождя, другая – склонялась на сторону другого. Даже когда пробуждалось в народе чувство некоторого рода дружественной связи, то оно выражалось не в том, чтобы все одушевились одной мыслью об обороне отечества, но единственно одними толками об избрании нового царя»³⁶.

Но, как вскоре выяснилось, византийский дух еще не иссяк, и теперь медленно, но верно пробивал себе дорогу через руины, в которые крестоносцы превратили некогда великую Империю. Хотя предыдущие императоры своими поступками и образом жизни во многом скомпрометировали царскую идею, на фоне того, что творили латиняне с Византией, многое было прощено и забыто. «Все грехи дома Ангелов, весь глубокий вред царского абсолютизма бледнели в глазах греков перед страшным впечатлением громадного несчастья, обрушившегося на древнее Византийское царство после кровавых апрельских дней 1204 г.»³⁷. Оставалось лишь найти человека, которому по силам будет объединить разрозненный великий народ, пребывавший, как некогда израильтяне, в изгнании. И им стал великий Феодор I Ласкарис (1204—1222), о трудах и подвигах которого у нас пойдет речь.

Созданная им Никейская империя охватывала обширные территории от Кари и реки Меандра на Юге до Галатийского Понта и Каппадокии, включая в себя Вифинию и Мезию. Почему именно Никея стала новым центром политической и церковной жизни византийцев? Издавна она считалась процветающим и богатым городом с множеством храмов и монастырей. Когда-то давно ее захватили мусульмане, но в ходе 1го Крестового похода пилигримы освободили Никею, вынужденно передав ее императору Алексею I Комнину. Один из современников так обращался к Никее: «Ты превзошла все города, так как Ромейская (Римская) держава, много раз поделенная и пораженная иностранными войсками, только в тебе одной основалась, утвердилась и укрепилась».

Здесь компактно проживало греческое население, а горные хребты и узкие дороги затрудняли захват областей, отошедших под власть Никейского императора. С другой стороны, сооб-

щения между городами Вифинии были также очень затруднены, население еще не забыло тирании Андроника I Комнина и не очень, мягко говоря, доверяло администрации. Повсюду были разбросаны отдельные владения византийских аристократов, которых следовало убедить в священной миссии Феодора Ласкариса. Собственно, ему еще предстояло создать единую национальную власть, которой практически не существовало.

Что это был за человек? Феодор I родился в 1173 или 1175 гг. в знатном семействе Ласкарисов, где был четвертым сыном. Получив соответствующее его положению образование, Ласкарис слыл интеллектуалом и в то же время одним из самых искусных воинов Византии. Внешность Феодора I была самая что ни на есть обыденная: маленького роста, смуглолицый мужчина с длинной черной бородой, одновременно отважный в бою и доступный некоторым чувственным наслаждениям; особенно он любил женщин. Гневливый, но отходчивый, Ласкарис был вместе с тем необычайно щедр к людям, верно служившим ему³⁸.

Именно он стал национальным лидером ромеев, общим и единственным освободителем от латинян. Человек скромных военных дарований, но невероятно энергичный и стойкий, не привыкший впадать в уныние, Феодор I был великолепным организатором, политиком и дипломатом. Поражения лишь укрепляли его волю и, сделав правильные выводы, он всегда умел находить единственно верные шаги в самых сложных и запутанных ситуациях. Но самое главное – он был настоящий патриот своего отечества, нисколько не сомневающийся в том, что его историческая роль заключается не в наслаждении властью, а в освобождении отечества.

В дошедшем до наших дней «Силенциуме» – тронной речи царя присутствуют следующие строки: «Моя императорская власть была свыше поставлена, подобно отцу, над всей Ромейской державой, хотя со временем она стала уступать многим. Десница Господа возложила на меня власть за усердие». Верный идее «единая Империя – единая Церковь», Ласкарис говорил: «И да будет едино стадо и один пастырь», разумея под пастырем, конечно, себя, как императора. И хотя титул Ласкариса не коррелировал с фактическим положением дел, для многих, очень многих византийцев он являлся единственным легитимным царем, продолжателем старых династий³⁹.

Однако Феодору Ласкарису, венчанному патриархом Иоанном Каматиром в Святой Софии императорским венцом, пришлось приложить немало трудов, чтобы снискать доверие и уважение никейцев. Позднее, уже под конец жизни, Феодор I напишет в одном из писем: «Знайте все вы, знайте труды мои и бессонные ночи, переезды из одних мест в другие, козни и злые умыслы коекого, неоднократные поездки к соседним жителям и соглашения, потоки пота. Все пришлось вынести мне и совершить моему царству не из личной корысти – не настолько я честолюбив, сколько люблю свою родину, – но чтобы выгнать из восточных городов западную проклятую рать, безвозбранно вторгшуюся в Ромейскую державу, истреблявшую ее и опустошавшую, как туча саранчи. Чтобы отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена. С таким намерением и убеждением мое царство странствовало вперед и назад подобно прибою»⁴⁰.

Задача, выпавшая на долю Ласкариса, была невероятно трудна. Иконийский султан, с которым резко осложнились отношения, теснил никейцев с Востока, с Запада наступал Генрих Фландрский. На территории самой Никейской империи полыхали огни локальных междоусобиц. Турки прочно утвердились на плоскогорье, в Троаде армяне, давно ненавидевшие греков, выступили в качестве потенциальных союзников всех записных врагов Никеи. Безвластие стояло полное, и каждый рассчитывал только на себя. Неудивительно, что, когда Феодор I после падения Константинополя прибыл в город с женой Анной и тремя дочерьми – Ириной, Марией и Евдокией, никейцы просто отказались впускать его в город, не говоря уже о том, чтобы признать законным императором.

К чести нашего героя, он не испугался, но, деятельно засучив рукава, принялся за дело. Колыбелью Ласкариса стала даже не Никея, а Южная Вифиния и Мезия, где ему пришлось

начинать свою объединительную деятельность при помощи родственников из семейства Ангелов и ближайшего сподвижника знатного аристократа Андроника Контостефана, скончавшегося в 1209 г.⁴¹

С большим трудом уговорив никейцев оставить в городе свою семью, он отправился к Иконийскому султану, у которого нанял войско, и овладел городом Прусом и близлежащими областями. Взамен по договоренности с КейХосровом I он уступил его тестю Мануилу Маврозоу Лаодикию Фригийскую, город Хоны и местность по течению реки Меандр⁴².

Но самой серьезной угрозой являлись, конечно, латиняне. Поскольку император Балдуин искренне считал Никею и Вифинию своим наделом, осенью 1204 г. три небольших отряда французов выступили в Малую Азию. Один из них занял Никомидию, второй направился к Никее. А третий, возглавляемый Петром Брашейлем и Пайеном Орлеанским, занял Пиги и Адрамиттий, отрезав Ласкариса от Трояды. Перед противниками раскинулась Мизия, по которой теперь передвигался Петр Брашейль, имея своей целью захват крепости Лопадий, располагавшейся на переправе через реку Риндак, впадающую в Аполлониадское озеро. Феодор I, находившийся в глубине Мезии, решил ударить французам в бок.

6 декабря 1204 г. на равнине у крепости Пиманинон состоялось первое крупное сражение между никейцами и латинянами⁴³. Как полагают, у греков было 800 тяжеловооруженных всадников, а у французов насчитывалось 140 рыцарей, не считая оруженосцев и прислуги. Сначала, благодаря численному превосходству, победа клонилась в сторону Феодора Ласкариса. Но потом ромеи не выдержали натиска латинян и обратились в бегство. Лопадий встречал победителей «с крестными знаменами и святым Евангелием». Поражение византийцев было полнейшим⁴⁴.

Победный ход латинян застопорился только у Прусы. Осадив этот город, крестоносцы предложили византийцам сдаться, но получили отказ. В отдельных стычках успех попеременно сопровождал каждой из воюющих сторон. Но в целом разрозненные греки уступали закованному в броню и сплоченным единой жадой наживы латинянам. Наиболее тяжелое поражение византийцы потерпели у Кесарии. Там Феодор Филадельфийский решил закрепить свои претензии на независимое царство, но ему противостоял сам Генрих Фландрский, и удача отвернулась от византийцев⁴⁵.

Не расстроившись изза поражения, Ласкарис собрал новое войско, передав командование им брату Константину Ласкарису. В воскресенье, 19 марта 1205 г., во время Великого поста, никейцы подошли к Адрамитии. Как полагают, на этот раз численность их войска была выше – около 3 тысяч солдат. Кроме тяжеловооруженных вифинских всадников присутствовала пехота – знаменитые никейские лучники, отлично показавшие себя в бою под Прусой. Армия французов под командованием Генриха Фландрского включала в себя ударную группировку в количестве 300 рыцарей, 500 конных сержантов и 500 конных лучников («туркополов»). Формально византийцы имели численное превосходство, но в целом их армия уступала французам в качестве и вооружении.

Никейцы напали первыми, стеснили латинян своей численностью, но затем почемуто остановились – видимо, сказалась обычная несогласованность действий между командирами разных уровней. Генрих Фландрский мгновенно оценил обстановку и направил против византийцев «железный кулак» из отборных рыцарей. В скором времени все было кончено – никейцы побежали и потерпели очередное сокрушительное поражение⁴⁶.

От последующих крупных неприятностей Феодора Ласкариса спасла уже не раз упоминавшаяся катастрофа 1205 г. императора Балдуина во Фракии. И есть много оснований полагать, что нападение болгар на Адрианополь и убийство Латинского императора Балдуина в плену явились следствием тайных договоренностей между Ласкарисом и Калояном. Но, получив передышку от французов, Ласкарис тут же был вынужден заняться обороной своих владений от греков Трапезунда.

Давид, брат Трапезундского императора Алексея I, еще и раньше стремился захватить Вифинию, находившуюся в составе Никейской империи, но опасность со стороны сельджуков ранее сковывала его силы. Теперь он решил рискнуть, но ранней осенью 1205 г. потерпел поражение от Феодора Ласкариса у Никомидии. В поисках союзника Давид заключил 23 августа 1206 г. соглашение с императором Генрихом Фландрским. В ответ в 1206 г. Феодор Ласкарис выступил в поход на Пафлагонию и осадил Ираклию, где скрывался Давид. Но подоспевшее латинское войско заставило Феодора Ласкариса снять осаду и вернуться обратно⁴⁷.

Ощувив полезность союза с латинянами, Давид решил укрепить дружеские связи. Он даже пошел на то, чтобы признать свою вассальную зависимость от Латинского императора, хотя православный клир не принял унии с Римом – Трапезунд вообще считался местом прибежища гонимых латинянами греческих священников. Но все равно после 1206 г. военная инициатива Давида в целом постепенно сошла на нет.

В результате Ласкарис неожиданно оказался единственной реальной военной силой в Малой Азии, получив время для передышки и упрочения своей власти. Популярность Феодора I резко выросла – восточные греки справедливо увидели в нем своего защитника и благочестивого царя, при дворе которого строго соблюдались старые обычаи, а священноначалие чтилось невероятно высоко. Свободное время армия и придворные проводили в посте и молитве, самого Ласкариса знали повсеместно как милостивого государя, способного отдать нищему последний кусок хлеба⁴⁸.

Теперь Никея была готова признать над собой власть Феодора Ласкариса. В 1206 г., т.е. спустя 2 года, на общем собрании граждан города Феодор Ласкарис был объявлен деспотом Никей. Но возникла заминка: Константинопольский патриарх Иоанн Каматир категорически отказался венчать Ласкариса – он сообщил всем, что добровольно сложил с себя патриарший сан. Тогда по инициативе Ласкариса местными епископами был избран новый «Вселенский патриарх» Михаил Авториан (1206—1212), образованный человек и горячий патриот своего отечества. Он и венчал Феодора I Ласкариса императорским венцом⁴⁹.

Новому царю в то время было всего 30 лет. Интересно, что Ласкарис взял титул «императора восточных римлян», что вполне соответствовало действительности. Но в правовом смысле этого слова ему передавались бразды правления над всей Византийской империей вплоть до того дня, когда Константинополь будет освобожден от латинян⁵⁰.

Никейская империя была еще очень слаба, а потому весной 1207 г. Феодор I благоразумно решил заключить соглашение с Генрихом Фландрским. Выгода его была очевидна для греков, оставалось силой убедить французов принять мирные предложения. Ласкарис обещал Генриху Фландрскому свою помощь в войне французов с болгарами, чтобы взамен Латинский император отказался от притязаний на владения Ласкариса. Если же Генрих не примет предложенного союза, закончил свое послание Феодор, то его армия может напасть на Константинополь, где практически не оставалось войска, и, таким образом, франки будут зажаты в кольцо осады. Но, опасаясь недовольства вассалов, Генрих все равно не дал положительного ответа.

Тогда Ласкарис собрал всех, кто был у него под рукой, посадил армию на корабли и в субботу третьей недели Великого поста осадил город Киботос. В крепости находилось не более 40 рыцарей – ничтожное по численности воинство, а потому, получив в Константинополе известия о наступлении никейцев, Генрих срочно собрал все силы и поспешил на помощь соотечественникам. На счастье осажденных, он подоспел вовремя. Напав на византийцев из города и со стороны моря, латиняне заставили Ласкариса снять осаду⁵¹.

Но едва пилигримы направились на войну с болгарами, как византийцы вновь вторглись в их владения, осадив уже Никомидию. Оставив болгар в покое, Генрих отправился на Ласкариса, но тот успел оставить спорную территорию. Однако едва Латинский император вернулся в Константинополь, как Ласкарис в очередной раз напал на отряд пилигримов под командованием Дитриха фон Лоса и Гийома дю Перша и разгромил его. Остатки латинян засели

в Никомидии, которую тотчас осадили греки. Пока Генрих вновь собирался против византийцев, местное население активно нападало на французских фуражиров, уничтожая их.

В результате, когда Феодор Ласкарис вновь предложил Латинскому императору перемирие на 2 года при условии передачи грекам Кизика и Никомидии, латиняне дружно посоветовали своему императору согласиться. «Лучше потерять эти два города, чем Адрианополь и лишиться большей части Латинской империи» – был общий итог обсуждения. Соглашение было заключено, никейцы стали союзниками латинян в войне с болгарами, а все пленные франки получили свободу⁵².

После примирения с французами Ласкарис отправился на Юг своего государства, чтобы привести к повиновению отдельные города и области, а также отразить очередное нападение трапезундцев. В 1207 г. Давид Великий Комнин и Генрих Фландрский, нарушивший перемирие с Ласкарисом, начали совместную операцию против Никейской империи, но неудачно – в одном из сражений погибло почти 300 французских рыцарей. Успехи Ласкариса были несомненны и наглядны – территория его государства увеличилась почти вдвое. Помимо Вифинии и Мезии, власть Феодора I Ласкариса признали завоеванные им области побережья Эгейского моря до Меандра с городами Смирной, Филадельфией, Эфесом. Кроме этого, в состав Никейской империи вошли Галатия и Каппадокия, со стороны полуострова ее границы доходили до Филомилия во Фригии. К тому времени авторитет Феодора Ласкариса заметно вырос, и патриарх Михаил Авториан потребовал от православного духовенства принести клятву в том, что оно не будет впредь поддерживать никого, кроме Ласкариса.

Завоевание богатых земель позволило Ласкарису укрепить многие крепости, нанять вполне приличную армию и даже сформировать собственный флот. На его сторону перешел итальянский корсар Стирион, ранее служивший Византийским императорам. Оставалось разделиться с Давидом Трапезундским, политические амбиции которого не уменьшились со временем⁵³.

Конечно, в одиночку Давид уже не мог справиться с Ласкарисом, набравшим большую силу, но ему в очередной раз пришли на помощь франки из Константинополя, крайне обеспокоенные могуществом Никейского императора. Чтобы нейтрализовать Генриха Фландрского и получить признание в Европе, Феодор Ласкарис мудро попытался привлечь на свою сторону папу Иннокентия III, чей авторитет на Западе был почти непререкаем. В своем послании понтифику царь перечислил все беды, которым подверглись византийцы от латинян, упрекнул Генриха Фландрского в нарушении условий мирного договора и просил понтифика выступить посредником между Константинополем и Никеей.

Увы, эта попытка не удалась – в своем ответном письме Иннокентий III ответил не императору, а «знатному мужу Федору», что тот обязан подчиниться настоящему императору Генриху Фландрскому и принести ленную присягу на верность. Поведения крестоносцев папа не извиняет, но тут же поясняет, что они – следствие отпадения греков от Римской церкви (!). В заключение апостолик предлагал Ласкарису направить своего посла в Константинополь, где папский легат мог совместно с ним составить договор о ленной присяге Феодора I Латинскому императору.

Конечно, Никейский царь даже не думал следовать этим советам: Иннокентий III – тонкий политик и дипломат, на этот раз проявил совершеннейшую недалекость и непонимание ситуации на Востоке. Ласкарис уже был настолько силен, что сам Петр Брашейль, победитель греков, охотно дал согласие служить ему против Латинского императора, заставившего его отказаться от лена Кизика. Они даже вместе замыслили поход на Константинополь (!), но вскоре Брашейль попытался изменить Ласкарису, был схвачен и казнен византийцами за измену – говорят, с него сняли кожу⁵⁴.

Расширение Никейской империи и ее укрепление вызвали понятную озабоченность Иконийского султана. И в 1209 г. он при посредничестве венецианцев заключил тайный союз

с Латинской империей против Никеи. Но и Ласкарис предпринял ответные шаги. Он вступил в союз с царем Киликийской Армении Левом II (1187—1219), у которого также были основания опасаться Румсельджуков, и даже женился на его племяннице в 1214 г.; впрочем, брак распался буквально через год⁵⁵.

Постепенно положение дел складывалось не в пользу Трапезундской империи. В 1212 г. Давид, приняв перед смертью монашескую схиму, скончался. А в 1214 г. на его области напали войска Ласкариса и захватили Пафлагонию. Пользуясь случаем, турки тут же оторвали от Великих Комнинов Синоп – важнейший для них выход к Черному морю. После этого территория Трапезундской империи ограничилась землями от Термодонта на Западе до Чороха на Востоке.

Помимо Трапезунда, силу окрепшей Никейской империи почувствовали на себе турки. Первоначально Кей-Хосров I мудро хранил нейтралитет и даже именовал царицу Ирину своей сестрой, поскольку некогда император Алексей III Ангел усыновил его. Но аппетиты султана разгорались, и он был совсем не против подчинить Иконии богатые земли Никейского царства. Повод для войны сельджукам дал бывший император Алексей III Ангел Комнин, обобранный крестоносцами до нитки.

В свое время отосланный в Германию в качестве «ценного приза», он сумел подкупить капитана корабля и высадился вместе с женой Ефросиньей в гавани Салагоре, что находилась под властью Эпирского деспота Михаила I. Деспот очень радушно принял бывшего царя, и, возможно, не без его участия Алексей III Ангел стал инициатором одной хитроумной комбинации, целью которой являлось разрушение Никейского царства и обеспечение первенства Эпира⁵⁶.

Узнав о том, что его зять Феодор Ласкарис стал императором Никейской империи, Ангел, вместо того чтобы подумать о спокойном предсмертном пристанище, взревновал к его славе и в 1211 г. отправился через Эгейское море к правителю турок. Получив аудиенцию у султана, он просил восстановить себя в царском достоинстве, напоминая о старинных дружеских отношениях и обещая горы золота за эту услугу. Султан решил использовать столь удачную возможность поживиться за счет соседа и отправил к Ласкарису послов с вполне реальными угрозами начать войну, если тот добровольно не уступит власть.

Но Феодор I Ласкарис был не тем человеком, которого можно легко испугать. Помолившись Богу и отдав себя в Его волю, Феодор I собрал войско, куда вошел сильный отряд наемников-латинян, и отправился к Антиохии на Меандре, осажденной турками. Марш никейцев был столь стремительным, что сельджуки опешили от неожиданности, увидав врагов рядом с собой уже на 11й день начала войны.

Турок было не менее 20 тысяч, и султан решил, что действия императора как минимум легкомысленны, а сам он обречен. В завязавшейся битве западные рыцари ударили в центр построения турецкого войска и легко пробили его шеренги. Завязалась отчаянная сеча, и тут сказалось численное превосходство мусульман – почти все 800 латинских (вероятно, генуэзских, поскольку их называли «итальянцами») рыцарей погибло в атаке. По счастью, все решил один эпизод.

Уверенный в победе, султан решил сразиться с Ласкарисом и в личном поединке нанести тому сильнейший удар мечом по шлему. Феодор упал, но, влекомый неведомой силой, встал, мечом подрубил ноги султанского коня, а потом добил врага уже на земле. Отрубив сарацину голову, он поднял ее над собой – зрелище полностью деморализовало сельджуков, поспешно бежавших с поля боя. Вступив в Антиохию под радостные крики греческого населения, он вскоре заключил мирный договор с сельджуками, а своего тестя, доставленного в Никею, постриг в монахи, обеспечив тому тем не менее вполне сносное существование⁵⁷.

Это поражение не могло, конечно, кардинально изменить соотношение сил – Иконийский султанат все еще оставался очень крепким и могущественным государством. И не случайно

император Феодор Ласкарис вынужден был признать себя данником нового султана, впрочем, не он один. В скором времени в этом же качестве стал пребывать Трапезундский император. Затем султан сумел отторгнуть от Малой Армении часть земель до Селевкии включительно и в конце концов в 1218 г. столкнулся с Айюбидами, собираясь за год до своей кончины идти походом на Алеппо⁵⁸.

Хотя данная победа не принесла больших территориальных приобретений Ласкарису, ее моральное значение трудно переоценить. Никея воспрянула духом, и теперь не только малоазиатские, но и европейские греки всерьез поверили в Никейскую империю, как собирательницу Византийской державы. Интересно, что Афинский митрополит Михаил Хониат, брат известного византийского историка, прислал Ласкарису поздравление, в котором напрямую предложил приобрести трон святого и равноапостольного императора Константина Великого и поставить его в том месте, где он ранее и находился, т.е. в Константинополе⁵⁹.

Поражение, как уже говорилось выше, не стало критичным для сельджуков. Покойный КейХосров имел трех сыновей, которые после смерти отца разделили его владения. Старший сын Изз адДин КейКавус (1211—1219), султан и преемник отца, остался в Малатье, второй сын – Ала адДин КейКубад (1188—1237) поселился в Токате, третий – Кайферидун Ибрагим – в Анталье. Правда, между братьями тут же возникли несогласия, но вопрос престолонаследия решался великими эмирами, большинство которых было за КейКавуса. За КейКубада был Киокийский царь Левон II (1187—1219) и перване Данишмендида ЗахирадДин Или.

Однако КейКавус довольно быстро разбил коалицию врагов, отправив пленного брата в одну из крепостей в качестве почетного пленника. Вслед за ним был разгромлен и Кайферидун, которого поддерживали франки Кипра. Впрочем, эта война не была легкой, и султан даже обратился с просьбой к Ласкарису освободить одного из своих опытных полководцев, который был захвачен в плен в ходе минувшего сражения с никейцами.

Победа КейКавуса означала заключение мирного договора, который хотя и не рассматривался обеими договаривающимися сторонами как нечто незыблемое, неожиданно просуществовал почти полвека. В течение всего этого времени сельджуки вели в основном войны на Востоке. Объяснение заключается не только в том, что сельджуки были абсолютно убеждены в том, что при желании в любой момент сомнут Никейское царство, а потому не собирались отвлекаться на него. Кроме того, им, конечно, было выгодно иметь некий буфер между собой и Латинской империей в виде Никейского государства. Само собой, грекам также было выгодно поддерживать мир с этим опасным соседом, чтобы успешно бороться с латинскими рыцарями⁶⁰.

Однако победа и последующее замирение с сельджуками ускорили войну никейцев с французами. Генрих Фландрский узнал, что на землях бывшей Византийской империи были распространены послания Феодора I, в которых тот предлагал всем ромеям объединиться под своими знаменами, чтобы отвоевать у «собаклатинян» священный для византийцев Константинополь. Такая постановка вопроса находилась за гранью понимания Латинского императора – он искренне недоумевал, зачем Феодору I Ласкарису, имевшему богатые земли и устойчивое положение, рисковать всем благополучием ради призрачной идеи восстановления Византии.

Так или иначе, но Латинский император решил навязать своему противнику собственную военную стратегию, а потому, спешно собрав войска, первым двинулся в поход на Никею. Уже в июле 1211 г. ромеи потерпели поражение под Пигами, которую осаждало войско Ласкариса, а 15 октября 1211 г. – на реке Риндаке около Лопадия. После этого византийские мобильные отряды отваживались только на мелкие нападения и засады, причиняя тем не менее определенное беспокойство франкам.

13 января 1212 г. Генрих Фландрский занял Пергам. Сначала он думал захватить резиденцию Ласкарисов – Нимфей, городок в 15 км восточнее Смирны. Но затем решил, что не

имеет смысла отвлекаться от главной задачи. Французы повернули к Опсикию, надеясь захватить сильные крепости Лентианы и Пиманион. По счастью для византийцев, замысел Генриха Фландрского не удался, поскольку каждая победа доставалась ему высокой ценой.

В частности, только задействовав все свои силы, Генриху удалось взять крепость Лентианы. Ее защитники покрыли себя бессмертной славой, 40 дней отбивая непрерывные штурмы без воды и пищи. Византийцы ели кожу со своих щитов, но не сдавались. Когда стены пали под стенобитными орудиями, Константин Ласкарис, начальствующий над ними, приказал зажечь огромный костер по периметру, и крепость продолжала держаться. Но герои не могли более удерживать оборону, и летом 1212 г. крепость пала⁶¹.

Латинский император, сраженный мужеством «людей, посвятивших себя Аресу», поступил мудро: он отпустил военачальников – Константина Ласкариса и царского зятя Андроника Палеолога, а остальных воинов взял к себе на службу. Разбив их на отряды, он поставил во главе греков Георгия Феофилопула и отправил охранять восточные пределы Латинской империи.

Однако осада этой крепости поглотила последние силы латинян, и осенью 1212 г. Генрих Фландрский заключил с Феодором Ласкарисом перемирие. Они договорились, что всеми землями к западу от Кимины (так называется гора около Ахирая) вместе с самим Ахираем отныне владеют латиняне. К Ласкарису отошли Неокастра и города Кельвиан, Хлиар и Пергам, а также земли, лежащие между фемами Магидия и Опсикия. Кроме того, Никейской империи стала принадлежать территория, начинающаяся от Лопадия и включающая Прусу и Никею.

Но главное заключалось в том, что Латинский император официально признал существование независимого от Константинополя Никейского царства. Это была выдающаяся победа Феодора I Ласкариса, сумевшего ценой невероятных усилий остановить натиск франков на свои владения. Отныне стратегическая инициатива будет принадлежать только византийцам – латиняне обессилели и уже не могли наступать, как ранее⁶².

После этого Ласкарису выпала большая удача – несколько относительно мирных лет. Использовал их император с большой пользой. Первой его заботой стало войско. Появившиеся средства позволили Феодору I набрать неплохую армию и даже привлечь на свою сторону пленных латинских рыцарей, от которых за свободу он требовал только одного – верной службы. И не ошибся: вскоре отряд французских рыцарей стал одной из ударных группировок никейской армии. Сила Никеи и внутреннее разрушение Латинской империи были настолько очевидны для умных людей, что уже в 1219 г. Венецианский подеста, будущий дож Джакомо Тьеполо (1229—1249), заключил с Феодором I Ласкарисом торговый договор, в котором Никейский царь именовался «Римским императором»⁶³.

Единственное беспокойство теперь доставлял только Эпирский деспотат, сила которого также нарастала. Достаточно было появиться на Эпирском престоле человеку с далеко идущими намерениями, как неизбежно интересы двух греческих государств столкнутся. Так и случилось.

На службе у Ласкариса находился Феодор, брат деспота Михаила I Ангела Комнина Дуки, которого тот просил отпустить к себе. Наперед взяв клятву с Феодора, что он никогда не будет воевать с ним, Ласкарис выполнил просьбу деспота. Но вскоре Михаила I убили, а Феодор Ангел Комнин Дука (1215—1230) стал его преемником. При помощи братьев Константина и Михаила он значительно расширил границы своих владений, присоединив к деспотату Ахриду, Албану, Прилапу и Диррахий. Под Диррахием он нанес поражение новому Латинскому императору Пьеру II Куртене (1216—1217) – Генрих Фландрский к тому времени скончался – как полагают, от яда.

Как рассказывают, после избрания императором Куртене направился в Рим, где папа Гонорий III (1216—1227) венчал его короной, но не в храме Святого Петра, а в другой церкви, наглядно демонстрируя всем, что в его глазах Латинская империя заметно отличается от Запад-

ной Римской империи. На обратном пути Куртене остановился в Диррахии, надеясь сухопутной дорогой добраться до Константинополя. Но в горах попал в засаду, устроенную ему новым Эпирским деспотом. Император погиб в плену, а в Константинополе регентом при малолетнем сыне покойного Пьера Роберте Куртене (1221—1228) была объявлена вдоваимператрица Иоланта Куртене (1217—1219) 64.

Продemonстрировав свои агрессивные планы, Феодор Эпирский в 1222 г. захватил Фессалоники, после чего откровенно заявил претензии на титул Римского царя, не признав, естественно, таковым Никейского императора. И нашел поддержку на Западе. Соблазнив понтифика обещаниями, Феодор Эпирский добился того, что папа Гонорий III провозгласил его царем греков⁶⁵.

Падение Фессалоники первоначально навело на латинян жуткий страх, и маркграф Гульельмо VI Монферратский (1207—1225) отказался от своих прав на город. Всем казалось, что Эпирское царство, врезавшееся клином в латинские владения, может стать основой для восстановления византийской государственности. Естественно, за счет Никейской империи, интересы которой Феодор Эпирский ничуть не учитывал⁶⁶.

Правда, возник довольно щепетильный вопрос: кто будет венчать Феодора Ангела Комнина Дуку на царство? И здесь ему на помощь пришел знаменитый Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин, совершивший это Таинство. В своем послании архиерей ссылаясь на то, что это событие произошло с согласия всего греческого народа, жившего на Западе, синклита, воинства и епископата. Теперь Федор Ангел Комнин Дука начал носить пурпурную одежду и сапоги, переименовал Эпирский деспотат в Фессалоникийскую империю, и его война с Никеей стала неизбежной⁶⁷.

Для нейтрализации этой угрозы Ласкарис предпринял ответные меры. Овдовев к тому времени, Феодор I женился в 1218 г. на Марии, которая приходилась сестрой Роберту Куртене. Однако супруга была бесплодна и не оставила наследника; к тому же через 3 года она скончалась⁶⁸. Но в целом это был полезный в практическом отношении ход.

Помимо этого, были налажены добрые отношения и заключены мирные договоры с целым рядом государств, способных при желании объединиться и смести с лица земли молодое Никейское государство. В частности, в 1219 г. были подписаны соглашения с Генуей и Венецией, а также с новым Иконийским султаном КейКубадом I (1219—1237). Примечательно, что в тексте договора с турками Ласкарис именовался уже «Феодором, во Христе Боге верным царем и самодержцем римлян и присно Августом Комнином Ласкарисом».

Необычайно вырос и авторитет Никейского патриарха. В 1219 г. св. Савва, о ком шла речь выше, в обход архиепископа Димитрия Охридского, которому формально была подчинена Сербская церковь, обратился в Никею для своего посвящения в сан архиерея, что и произошло⁶⁹.

Это событие, многое предопределившее на следующие века, в значительной степени было обусловлено категорическим неприятием Эпирским царем и его духовным наставником Димитрием Хоматином идеи автокефалии Сербской церкви. Зато, разумеется, Феодор Ласкарис ничего не имел против того, чтобы получить набирающего силу союзника и ослабить врага.

Правда, архиерейская хиротония св. Саввы создала несколько серьезных проблем. Первая из них заключалась в том, что полученный св. Саввой титул «автокефальный архиепископ» обычно прилагался к архиереюпримасу, независимому от местного митрополита, и давался исключительно Византийским императором. И потому статус св. Саввы был довольно специфическим: он стал независимым от Константинопольского патриарха архиереем, но его назначение никак не было согласовано с Охридским архиереем, окормлявшим эти территории. Ведь по статусу, как преемник Болгарского патриарха, он ничуть не уступал своему визави в Никее, которого категорически не желал признавать Вселенским патриархом.

В 1220 г. Димитрий Хоматин не преминул направить протест св. Савве, в котором без обиняков напрямую поставил вопрос об этом. «Нет у нас законного царства, – писал он, – и потому не имеет законной силы и твое поставление». Однако его слова остались без ответа. Нет никакого сомнения в том, что этот акт много повлиял на становление и быстрый расцвет Сербского королевства, с первыми лицами которого мы вскоре встретимся еще не раз⁷⁰.

Без всякого сомнения, разочарование Хоматина было тем горше, что не только Сербия, но и далекая Русь откровенно склонялись к признанию Никейского архиерея своим духовным главой, совершенно игнорируя любые иные альтернативы. Уже вскоре после своего избрания Михаил Авториан рукоположил в Киевские митрополиты Матфея (1210—1220), этнического грека, который дожидался архиерейской хиротонии с 1203 г., пока не пошел «под руку» Никейского собрата. Надо сказать, в отличие от некоторых прошлых прецедентов, Никея старалась не вмешиваться в церковные дела русских, напоминая о себе лишь в случаях явных канонических нарушений. Зато культурное влияние Никеи на Русь нельзя недооценить.

Значительнейшая часть русского священства, не говоря уже о епископате, состояла из греков, перебравшихся в Русь из Византии. Повидимому, благодаря им начались многочисленные паломничества русских людей на Афон и создание в Руси новых монастырских обителей. Так, в 1213 г. грек Мефодий основал Почаевский монастырь – будущую знаменитую Почаевскую лавру. В 1218 г. епископ Полоцка привез во Владимир мощи святых и множество духовных книг. Греки назначались послами князей, создавали школы, где во множестве боярские дети обучались греческому языку, создавали русскую школу иконописи. Во многих храмах клир по очереди пел на богослужениях: порусски и погречески. И таких примеров было множество.

Очевидно, именно с этим связан тот факт, что, несмотря на многочисленные посольства и обращения папы Иннокентия III к духовенству и мирянам Руси, наше Отечество осталось в Православии. Более того, уже в скором времени из Киева были изгнаны доминиканские монахи, организовавшие в нем свой монастырь (1233 г.). А в 1236 г. такая же участь постигла доминиканцев, проживавших во ВладимироСуздальском княжестве⁷¹.

Глава 3. 5й Крестовый поход

Пока на территории Византийской империи происходили описанные события, Запад мучился в муках рождения нового, уже 5го Крестового похода. Надо сказать, что перемирие, заключенное в Леванте еще в 1204 г., продолжалось без какихлибо попыток обеих сторон нарушить его. После смерти Иерусалимского короля Амори II регентом королевства при несовершеннолетней наследнице престола Марии (1154—1212), дочери Конрада Монферратского, стал Иоанн д'Ибелин (1205—1210), который заставил баронов Утремера и рыцарские ордена соблюдать условия мира. К слову сказать, матерью регента являлась супруга Иоанна Дуки Комнина, внука Византийского императора Иоанна II Комнина (1118—1143) и Марии Таронитиссы, принадлежавшей к роду правителей Армении. Поэтому едва ли д'Ибелин мог сетовать на отсутствие авторитета в высших кругах, причем не только среди сирийских франков, но и у турок.

Когда в 1204 г. пилигримы захватили мусульманские корабли, он сумел доказать аль Адилю (1200—1218), брату Саладина, что это событие не выходило за рамки установленных правил. Более того, желая сохранить мир, султан предложил регенту несколько богатых сел вблизи Акры при условии пролонгации ранее заключенного договора. Это предложение было радостно встречено рыцарями ордена госпитальеров и тевтонцами, а также баронами Утремера. Однако Великий магистр ордена тамплиеров Филипп де Плисье (1201—1209) сумел убедить Иерусалимский совет, что в данную минуту пилигримы имеют очевидное военное превосходство над сарацинами, а потому мир сохранять не следует; и его мнение одержало верх.

К этому времени принцесса Мария уже достигла совершеннолетия, и Французский король по просьбе аристократов Иерусалима подыскивал девушке жениха. Поэтому, полагал магистр тамлиеров, регент не вправе связывать будущего легитимного короля Иерусалима мирными договорами – пусть тот все решит сам. Разумеется, это привело к началу фрагментарных военных действий между франками и турками.

Суматошные набеги крестоносцев быстро прекратил альМуаззам Иса ибн Ахмад, сын султана, разграбивший предместье Акры и построивший около нее сильную крепость. Отныне эта дорога перестала считаться безопасной для пилигримов. Даже папа Иннокентий III, находясь за тысячи километров от театра военных действий, посчитал опасность для Акры весьма актуальной. Но и турки не смогли развить успех, удовлетворившись мелкими победами.

Тем временем из Франции прибыл будущий муж принцессы Марии Иоанн де Бриенн. Едва ли как мужчина он мог быть ей интересен: Иоанну шел уже шестидесятый год, и он занимал сравнительно невысокую должность одного из военачальников Французского короля. Однако жених прекрасно разбирался в международной обстановке, был опытен, терпелив и честен. 13 сентября 1210 г. де Бриенн высадился в Акре, а на следующий день патриарх Альберт Иерусалимский обвенчал их с Марией. Вскоре новый титулярный король Иерусалима Иоанн де Бриенн (1210—1212) продемонстрировал свои достоинства. В июне 1211 г. по его приказу флотилия под руководством Готье де Монбельяра вошла в Нил и даже разграбила пригороды Дамьетты. После этой демонстрации сил де Бриенн запросил у султана нового мирного договора, который и был заключен в 1211 г.

К несчастью, правление де Бриенна продолжалось очень недолго. В 1212 г. королева Мария умерла во время родов, подарив своему безутешному супругу дочку Иоланту (1212—1228). Ее смерть упразднила легитимные основания власти де Бриенна. По законам Иерусалима он считался королем лишь при живой жене, наследнице престола славных правителей Святого города. А поэтому королевская власть перешла к его дочери, сам же Иоанн был объявлен регентом. В знак утешения через 2 года, в 1214 г., он женился на принцессе Стефании Армянской (1195—1220), дочери царя Левона II⁷².

В такой ситуации едва ли имел смысл инициировать войну с сарацинами, которые вполне удовлетворялись мирным договором. Однако Иннокентий III все равно считал, что Акра находится в угрожающей опасности и потому не оставил надежд организовать новое крестоносное предприятие. Впрочем, не исключено, что таким способом он хотел загладить позор от итогов 4го Крестового похода⁷³.

Всем казалось, что папа предусмотрительно нашел добросовестного исполнителя своей воли. Им должен был стать юный сын короля Генриха VI Фридрих II Гогенштауфен (1194—1250), судьба которого даже в те беспокойные века не казалась обычной. Уже рождение Фридриха было не лишено интриги. Его мать, королева Констанция, лишь в возрасте 40 лет сумела зачать и родить ребенка, а с учетом того, что это был ее второй брак, возникло много домыслов об отце мальчика – не все верили в отцовство Генриха VI Гогенштауфена.

По счастью, вскоре все успокоилось – кроме, конечно, ситуации, когда она оказалась с малолетним сыном вдувой королевой Сицилии после внезапной смерти Генриха VI 28 сентября 1197 г. от лихорадки. И пока его дядя Филипп Швабский (1198—1208) и Оттон IV Брауншвейгский (1209—1215) боролись за императорский титул на континенте, Фридрих жил вместе с матерью на Сицилии. Правда, и там помимо Оттона IV серьезную угрозу юному наследнику (пока еще потенциальному) престола представлял Марквард фон Аннвейлер (1150—1202), имперский стольник, захвативший Палермо⁷⁴.

Незадолго до своей смерти в 1198 г. венценосная дама передала королевство в лен папе Иннокентию III – надежная гарантия для беззащитного мальчика-принца. Таким способом Римский епископ стал сеньором малолетнего наследника Сицилийского престола и его опекуном. Среди назначенных папой воспитателей юного короля числился кардинал Ченчо Савелли

(будущий папа Гонорий III) и епископ Катании Рожер. Помимо них, в числе воспитателей значились другие высшие церковные иерархи: Варфоломей Палернский, Каро Монреальский, Вильгельм Реджийский, Матфей Капуанский и Вальтер Палеария. Таким образом, мальчик оказался под надежной защитой Римской церкви⁷⁵.

В скором времени он невольно освободился от одного из могущественных конкурентов: в 1208 г. Филиппа убил безвестный наемный убийца. Оставался еще Оттон IV, которого германские князья, собравшись, признали законным королем. Однако этот воин, обладавший неимоверной силой и в такой же степени грубый, воспитанный в англонорманнских традициях и совершенно чуждый Германии по духу и привычкам, едва ли мог считаться умным политиком и тем более надежным партнером, в чем папа скоро убедился.

Надежды Иннокентия III, будто Оттон IV предоставит ему полную свободу действий в Италии, не оправдались. Более того, переправившись в 1209 г. через Альпы, чтобы короноваться в Риме, он бесцеремонно отобрал у Римского епископа в пользу имперских владений некоторые папские области. А вскоре после коронации вообще решил направиться в Сицилию, дабы подчинить себе остров. Лишенный военной силы, папа пребывал в отчаянии. И хотя пребывание Фридриха еще не походило на плен, положение мальчика было довольно опасным: целыми днями он бродил по улицам города, подвергаемый всевозможным опасностям и спасаемый от голодной смерти сердобольными горожанами. К слову сказать, его изумительная коммуникабельность и знание многих языков имеют, безусловно, своим источником именно эти годы «свободного заточения».

Поскольку ни у Фридриха с матерью, ни у папы солдат не было, у Римской курии возникла идея женитьбы 15-летнего Фридриха на Констанции Арагонской (1179—1222), молодой вдове короля Эммериха (Имре) Венгерского (1196—1204). За это потенциальная невеста обещала прислать на помощь будущему жениху 500 испанских рыцарей. Потребность в них была так велика, что Фридрих без размышлений принял этот неравный брак и даже вынужденно долго ждал свою возлюбленную в Палермо, куда та прибыла лишь в августе 1209 г.

Попутно папа 18 ноября 1210 г. предал Оттона IV анафеме, и вся Южная Германия моментально отпала от пруклятого императора. Желая поправить свои дела, Оттон вступил в антифранцузскую коалицию, направленную против короля Филиппа II Августа (1180—1223), не так давно вернувшегося из 3-го Крестового похода, куда входили англичане, брабанты и графы Фландрии. Однако 27 июля 1214 г. в битве при Бувине коалиция потерпела сокрушительное поражение, после чего звезда Оттона IV закатилась – он еще немного воевал с датчанами, но без особого успеха⁷⁶.

После долгих раздумий понтифик при поддержке Франции и германских князей выдвинул юного Фридриха в качестве, если можно так выразиться, «антикороля» на Германский трон⁷⁷. И совет князей, собравшийся в сентябре 1211 г., объявил Оттона IV низложенным и водрузил королевскую корону на голову Фридриха II Гогенштауфена⁷⁸.

Торжественная процедура возведения на престол состоялась в любимом городе Карла Великого Ахене 25 июля 1215 г. Очевидно, это событие ознаменовалось кратким соединением интересов различных групп, каждая из которых руководствовалась собственными соображениями. Понятно, что Фридрих мечтал ощутить на своем челе корону императора, пусть и в скором будущем. Папа – получить верного и послушного юного короля. А германские бароны пребывали в полной уверенности, что малолетство короля позволит им решать собственные задачи, хотя бы и в ущерб общенациональным.

На время потакая им, Фридрих пошел на беспрецедентные раздачи имперских владений в руки своим союзникам, хотя – пока это еще не бросалось в глаза – уже начал проводить обратную политику собирания германских земель под флагом императорства. И потому первым мероприятием, которое начал осуществлять Фридрих II, стала не подготовка к Крестовому походу, а получение императорского титула. Так, когда скончался последний представитель

рода Церингенов, у Фридриха образовалась прекрасная возможность вернуть имперский лен, охватывавший почти всю Западную Швейцарию. Конечно же у него не было никакого желания бросать все свои спешные дела и отправляться в сомнительный поход, который, как показала история, ничего, кроме безумных материальных затрат, гибели цвета рыцарства и неудач, не приносил его участникам.

Зато же на призыв Иннокентия III откликнулись... дети. В мае 1212 г. в Сен-Дени, где пребывал Французский король, появился пастушок по имени Этьен, передавший Филиппу II Августу письмо, написанное, по его словам, Самим Христом. Тот приказал мальчику возвращаться домой, но ребенок не послушался и начал широкую проповедь Крестового похода у входа в храм. Этьен был на редкость красноречив, и вскоре под его началом собралось до 30 тысяч детей. Они пешком двинулись к Марселю, абсолютно убежденные в том, что при их приближении море расступится велением Христа.

Когда же этого не произошло, часть детишек, разочаровавшись в своем вожде, вернулась домой. А оставшихся ребят двое купцов – Гюг Железный и Гийом Свинья (иногда нужно, чтобы история сохраняла не только имена героев, но и мерзавцев) предложили бесплатно перевезти на Святую землю. Участь малышей была печальной: купцы оказались работоторговцами и продали детей сарацинам в Багдад и Алжир. Лишь в 1229 г., после заключения мирного договора с сарацинами, часть их была освобождена. Возмездие, хотя и запоздалое, все же настигло двух упомянутых выше негодяев – их повесили по приказу короля Фридриха II⁷⁹.

Но это будет еще впереди, а весной 1213 г. папа Иннокентий III вновь разослал письма ко всем государям Европы, приказав ежедневно совершать специальные молитвы и ежемесячно устраивать особые процессии о даровании Богом победы над неверными. Этот призыв имел большой успех: многотысячные толпы обывателей приносили присягу идти в новый Крестовый поход. Попутно в том же 1213 г. Иннокентий III, находясь в Витербо – маленьком городке в 70 км от Рима, анафематствовал пиратов и корсаров, грабивших пилигримов, а также всех тех, кто продавал сарацинам железо, оружие и древесину для галер⁸⁰.

А после поражения альбигойцев в сентябре 1213 г. при Мюре от крестоносцев высвободились силы, которые Запад мог вновь направить для покорения Иерусалима. Короли Иоанн Английский (1199—1216) и Педро II Арагонский (1196—1213) объявили свои страны церковными ленами, да и Андраш II Венгерский (1205—1235) принял крест⁸¹.

Попутно 26 апреля 1214 г. понтифик отправил небезынтересное послание султану, наивно полагая, очевидно, будто доводы, изложенные в нем, заставят сарацина добровольно вернуть Иерусалим христианам.

«Благодаря свидетельству пророка Даниила, – писал апостолик, – мы узнали, что есть Бог на Небе, Который открывает тайны, изменяет времена и переносит царства, чтобы все признали, что Всевышний властвует над царством человеческим и дает его кому хочет. Это проявляется тем более очевидно, когда Он допустил, чтобы Иерусалим и его пределы были переданы в руки твоего брата, не столько изза его доблести, сколько изза немилости к христианскому люду, прогневавшему Бога. Но Он, согласно пророку, когда гневается, не забывает миловать. Поэтому, желая брать пример с Того, Кто сказал о Самом Себе: “Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем” (Мф. 11: 29), мы смиренно заклинаем твое величество вернуть нам названную землю, дабы изза насильственного ее удержания не пролилось человеческой крови больше, чем уже было пролито, здраво рассудив, что изза ее удержания у тебя прибавится хлопот больше, чем выгод. Давай мы оба отпустим наших пленников и воздержимся от взаимных нападений, так чтобы положение наших людей у тебя было не хуже, чем положение твоих людей у нас»⁸².

Разумеется, ответа не последовало. А потому в обмен на коронацию юный король Фридрих II далтаки клятву Иннокентию III возглавить в 1217 г., когда закончится срок перемирия

с Иконийским султаном, новый Крестовый поход. Папа умер в 1216 г., даже не подозревая, что именно теперь, как никогда ранее, жестоко ошибся в человеке⁸³.

И как только на смену покойному Иннокентию III пришел новый Римский епископ Гонорий III (1216—1127), старый и миролюбивый человек, в прошлом юристадминистратор, король приступил к обсуждению не деталей будущего похода, а условий получения императорства. Фридрих отговаривался тем, что перед началом столь опасного предприятия необходимо упрочить собственное наследство, хотя первые отряды крестоносцев из Германии, Венгрии и Австрии уже начали прибывать в Левант. К ним присоединились известный германский проповедник и ученый Оливер Падерборнский, Иоанн де Бриенн, регент королевства, рыцари из орденов тамплиеров и госпитальеров, а также бароны Утремера⁸⁴.

Султан Египта альКамиль (1218—1238), сын легендарного султана Саладина, вывел свои отряды из Каира, надеясь отбросить крестоносцев, но, застигнутый врасплох, не успел собрать достаточно войска, чтобы рассчитывать на победу. Вождь сарацин разрывался между двумя проблемами: организовать оборону страны от Египта и необходимостью обеспечить собственное верховенство среди братьев, правивших в Дамаске и Джазире⁸⁵.

Попутно с этим часть крестоносцев под командованием Венгерского короля Андраша II, герцога Баварского Людвига I (1183—1231) и герцога Австрийского Леопольда VI (1198—1230) прибыли в Сплит, который встретил их весьма торжественно и радостно. Проведя некоторое время там и дождавшись подхода запаздывающих частей, Венгерский монарх отправился к Заре, где венецианцы взялись перевезти их в Святую землю взамен окончательной уступки этого города Республике. Правда, уже на этой стадии коечто сложилось не так: кораблей, для того чтобы перевезти всех пилигримов, не хватало, и некоторая часть крестоносцев вернулась домой⁸⁶.

Как полагали, со времен 3го Крестового похода христиане не собирали такой многочисленной армии – одних рыцарей собралось более 10 тысяч человек. Но прибыв в Палестину, пилигримы оказались на грани голода, который доводил их до разбоя. Поэтому, во избежание худшего, вожди крестоносцев не стали ждать прибытия оставших отрядов, а двинулись в поход⁸⁷.

Они начали наступление из Акры в направлении Изреельской долины. Султан альАдиль направил альМуаззама Ису ибн Ахмада в Иерусалим организовать оборону города, но у того было мало сил. Поэтому сарацины решили перекрыть дорогу на Дамаск, отступив за Иордан, но, как выяснилось, там большой опасности и не предвиделось. Пилигримы перешли Иордан, поднялись по берегу Генисаретского озера, но не рискнули идти на Дамаск и вернулись в Акру. После Рождества 1217 г. отряд венгров, вопреки советам местных латинян, отправился в грабительский поход к замку Бофор, в долину Бекаа, но лишь понес тяжелые потери вследствие внезапно разыгравшейся снежной бури.

Еще год венгры пробыли в Святой земле, но затем король Андраш II, заболев (как полагают, его пытались отравить какимто зельем – по счастью, неудачно⁸⁸), посчитал свой обет исполненным и, несмотря на негодование Иерусалимского латинского патриарха Рауля и великую анафему, которой его подвергли, отправился в сопровождении короля Кипра Гуго I (1201—1218) и Антиохийского князя Боэмунда IV (1201—1205; 1208—1216; 1219—1233) через владения Иконийского султана в Константинополь, а оттуда – домой⁸⁹.

Тем не менее часть его армии еще оставалась в Акре. И вскоре вся армия пилигримов численностью более 20 тысяч воинов, среди которых все еще насчитывалось до 2 тысяч рыцарей, двинулась к горе Фавор, где располагалась построенная сарацинами крепость, и осадила ее. Мусульмане попытались деблокировать крепость, однако король Иоанн де Бриенн энергичными действиями отогнал их, после чего осада началась (29 ноября).

Однако все попытки взять хорошо укрепленную крепость штурмом провалились. К тому же князь Боэмунд IV пал духом и, ссылаясь на усталость армии, потребовал уже 7 декабря снять

осаду, что и произошло. Лишь горстка венгерских смельчаков безрассудно решила в одиночку захватить город Гезен, но все они были уничтожены сарацинами. После этого действительно оставалась лишь одна надежда – реанимировать старый план Ричарда Львиное Сердце и атаковать сарацин в Египте. 29 мая 1218 г. пилигримы вошли в устье Нила и осадили Дамьетту – крепость, ставшую ключом обороны Египта⁹⁰.

Как казалось некоторое время, совместные успехи обещали очевидные успехи пилигримам, но, как обычно, вмешалось несколько «но». Тщательно продуманная стратегия Рима, на которую тот так рассчитывал, на деле оказалась малоудовлетворительной. Понтифик полагал, что сама по себе возможность заменять крестоносцев, уже подуставших на фронте, новыми соединениями пилигримов, прибавит импульс походу. На деле вышло иначе: едва вожди движения восстанавливали дисциплину между своими подчиненными, как те убывали на родину, а на их место прибывали новые пилигримы, которых еще предстояло приучать к дисциплине. Поэтому никаких существенных результатов крестоносцы пока не добились; осада Дамьетты продолжалась.

Все очень надеялись на скорое прибытие Фридриха II, но тот продолжал свой спор с папой относительно условий императорства. Вместо него в лагерь латинян неожиданно прибыл св. Франциск Ассизский, проделавший путь в Египет в лохмотьях. Он даже явился в лагерь сарацин для переговоров, надеясь склонить султана к переходу в христианство, но аль-Камиль, приняв его за безобидного попрошайку, просто выдворил Франциска вон⁹¹.

Тем не менее осада города продолжалась и даже сопровождалась некоторыми необычными событиями, пополнившими счет чудесам, сопровождавшим Крестовые походы. Когда 24 августа 1218 г. пала одна из башен, к которой крепилась цепь, переграждавшая Нил, пленные сарацины просили показать им белых воинов и рыцаря в белоснежных одеяниях, командовавших пилигримами. Когда недоуменные крестоносцы показали им всех участников штурма, сарацины ответили, что речь идет о совсем других воинах. Тогда христиане поняли, что Бог прислал им в помощь Ангелов, которые и захватили вражескую башню. А таинственный рыцарь, руководивший небесными силами, всеми был идентифицирован как святой Варфоломей, известный как победитель язычников и демонов. В другой хронике описывается помощь крестоносцам со стороны святого Георгия Победоносца, сумевшего запугать сарацин⁹².

В первых числах сентября 1218 г. прибыло еще одно подкрепление взамен отбывшим на родину пилигримам, которое перевез нанятый папой Гонорием III за 20 тысяч серебряных монет итальянский флот. Вслед за ними начали прибывать корабли из Генуи, зафрахтованные графом Эвре де Невером (1175—1222) и Гюго IX де Лузиньяном, графом де Ла Марш (1173—1219), участником еще 3го Крестового похода.

К глубокому несчастью, помимо других архиереев, прибывших для поддержки крестоносцев, корабль доставил к Дамьетте уже знакомого нам легата папы кардинала Пелагия – чрезвычайно властного, самодовольного и исключительно упрямого человека. Его уже отправляли в Константинополь в качестве посланника понтифика, но он своими действиями только усилил злобу византийцев к Римской кафедре. Теперь кардинала перебросили на другой участок борьбы, и он вовсе не желал удовлетворяться ролью наблюдателя.

Используя свое влияние на итальянцев и рыцарские ордена, Пелагий быстро отставил от командования армией короля Иоанна де Бриенна под ту оговорку, что сам готов объединить все собранные в лагере христианские народы до прибытия короля Фридриха II. Увы, смещение де Бриенна с должности главнокомандующего оказалось, как мы увидим, роковой ошибкой⁹³.

Все без исключения пилигримы имели возможность убедиться в замечательных достоинствах экс-короля Иерусалима и рыцаря. Прекрасной характеристикой этого блистательного военачальника и настоящего рыцаря является тот факт, что за все годы своей борьбы под сенью Креста Иоанн де Бриенн не только не накопил средств, но... разорился. Дошло до того, что в 1219 г. он не смог выплатить долг какому-то генуэзцу в размере 200 монет. И лишь благодаря

помощи Великого магистра тевтонцев Германа фон Зальца (1209—1239), уступившего ему половину своей добычи после взятия Дамьетты, Иоанн сумел рассчитаться с кредиторами.

Отставленный легатом, какое-то время Бриенн оставался при армии, а затем, 29 мая 1220 г., покинул Дамьетту, чтобы претендовать на царский трон – Левон II Киликийский уже отдал Богу душу. Однако по невероятному сюрпризу судьбы в дороге умерла его супруга Стефания и их сын, после чего основания у де Бриенна для занятия опустевшего трона исчезли⁹⁴.

Надо сказать, что к сентябрю 1219 г. положение гарнизона и жителей Дамьетты стало отчаянным – у них почти полностью закончились припасы. Желая спасти своих подданных, султан предложил крестоносцам добровольно вернуть под сень Креста Иерусалим, несколько замков и значительную часть Палестины в обмен на снятие осады города. Это было очень выгодное предложение, однако венецианцы, тамплиеры и госпитальеры высказались категорически против него (!), хотя каждым из них двигали собственные соображения. Венецианцам был ни к чему Святой город, зато Дамьетта, как центр торговли, интересовала их гораздо больше. А рыцари орденов опасались изоляции Иерусалима без поддержки со стороны Египта, находя предложение сарацина «даром данайцев», и в известной степени были правы.

Все же в ноябре 1219 г. Дамьетта пала. Войдя в город, усеянный мертвыми телами скорченных от мук голода людей, крестоносцы получили богатую добычу, но развить свой успех не сумели. Правда, в скором времени в Птолемаду по инерции прибыло еще одно подкрепление рыцарей из Голландии, Франции, Италии, до этого отличившихся в боях с маврами в Португалии. Прибытие этих опытных воинов резко подняло боевой дух крестоносцев⁹⁵.

23 апреля 1220 г. папа Гонорий III сдался, наконец, уговорам Фридриха II, венчав его малолетнего сына Генриха (1220—1235) королем Сицилии. А в ноябре того же года императорская корона легла на голову самого Фридриха. В сопровождении священников и сенаторов Рима он выехал вместе с королевой Констанцией из МонтеКарло по старой коронационной дороге. В соборе Святого Петра король поцеловал папе ноги и получил в свою очередь от того «поцелуй мира». Затем Фридрих поклялся в капелле Santa Maria in turribus всегда выступать защитником Церкви и быть покровителем Римскому папе. Тогда же император Фридрих II принял из рук племянника покойного Иннокентия III, епископа Остии Уголино деи Конти ди Сеньи, будущего понтифика Григория IX (1227—1241), крест, возобновив старые обеты, и призвал вместе с собой отправиться в Крестовый поход других дворян⁹⁶.

После этого, в качестве замены ранее применявшемуся посвящению, последовало принятие Фридриха в братство каноников Святого Петра. Уже в императорском облачении он принял обряд помазания, приняв от Римского епископа митру и корону, скипетр и державу. Попутно была коронована и императрица. Правда, эта победа была оплачена высокой ценой: новый император обязался не вводить новых налогов и не взимать старые с духовных князей, которым помимо прочего он делегировал судебную власть на своих территориях⁹⁷.

Слово есть слово, и уже весной 1221 г. в Дамьетту начали прибывать новые отряды пилигримов, снаряженных непосредственно Германским императором. Однако напрасно Пелагий пытался заставить их выполнять свои приказы – солдаты откровенно говорили, что готовы служить лишь под командованием Иоанна де Бриенна. Видимо, инициативы легата не очень пришлись по душе и самому папе, поскольку в скором времени Рим направил кардиналу послание, в котором предлагал тому согласовать стратегию будущего похода с курией. Это тем более касалось какихлибо мирных инициатив, которые исходили от сарацин.

Дело в том, что к тому времени султан альКамиль (альАдил к тому времени уже скончался) еще более расширил свои условия в пользу пилигримов. Он не только предлагал вернуть Иерусалим, но также всю Трансиорданию, Крест Господень, выплатить большую денежную компенсацию и заключить мир на 30 лет. Однако Пелагий, не поставив в известность Рим, отверг это предложение, что выглядело просто глупо, поскольку к тому времени султан

сумел восстановить флот и значительно укрепить свою армию. Но это не остановило кардинала, сумевшего настоять на продолжении похода против сарацин⁹⁸.

Мечтая завоевать весь Египет, он вел себя по отношению к крестоносцам как настоящий тиран. Когда кто-либо из пилигримов желал вернуться на родину, он всякий раз противодействовал под угрозой отлучения и реквизиции всего их личного имущества. Явно переоценив собственный статус, легат направил послания правителям Нумбии, Абиссинии, Грузии и даже правителю монголотатар или татар (под этим термином мы впредь будем называть совокупность монгольских, тунгузских, татарских и тюркских народов, сбитых в общую массу их знаменитым вождем) Чингизхану (1206—1227), которого именовал «царем Давидом», в надежде на подкрепления с их стороны.

Все со дня на день ждали Фридриха II Гогенштауфена, который так и не прибыл, хотя регулярно присылал сильные подкрепления. Откровенно говоря, это было не такто и мало, если принять во внимание тот факт, что в это время император вел активные боевые действия против виднейших аристократических фамилий Германии и сарацин, желая вернуть управление Сицилией в свои руки. Попутно Фридрих II лично разрабатывал серьезный законодательный акт, дошедший до нас под названием «Капуанские ассизы», с которыми связывал широкомасштабные судебные реформы⁹⁹.

Помимо всего прочего, в это же время у Фридриха резко обострились отношения с городами Северной Италии, всегда тяготевшими к независимости. Полагая, что одним из главных виновников политических интриг против него стали школы юристов, император подверг их опале. Первой попала под руку Болонья, затем Милан, Мантуя, Верона, Виченце, Падуя, Тревизо и другие. Этот конфликт затянется на годы, и уже Римскому папе придется выступать в роли миротворца, чтобы военные сполохи в Италии не отвлекали Гогенштауфена от Крестового похода¹⁰⁰.

В отсутствие императора беда не заставила себя ждать: уже в июне 1221 г. крестоносная армия под командованием Пелагия, направившаяся к Каиру, попала в засаду, организованную султаном. Начался разлив Нила, и пилигримы, погрязшие в грязи, голодные и окруженные врагами, оказались на краю гибели. Иоанн де Бриенн вновь стал руководителем экспедиции и, понимая, что ни о каком возвращении Сирии или о завоевании Египта и говорить не приходится, принялся спасать своих товарищей путем мирных переговоров¹⁰¹.

Однако его усилия натолкнулись на эгоизм итальянцев, уже превративших Дамьетту в свою колонию и не желавших ее оставлять. Повсеместно в городе происходили кровавые столкновения между тамплиерами, госпитальерами и венецианцами. С большим трудом бывшему Иерусалимскому королю удалось восстановить порядок. И 30 августа 1221 г. мирный договор был заключен. По его условиям крестоносцы обязались вернуть с таким трудом завоеванную Дамьетту и всех мусульманских пленников без какойлибо компенсации¹⁰².

Оплакивая великое и тяжелое поражение крестоносцев, современник тех событий писал:

Пораженный весьма жестокой раной,
Я вынужден загладить горе горьким рыданием,
Произнести плач и песню
О горестном поражении нашего народа,
Который, осененный знаком Креста,
Уступил врагу Креста, чужеземцу.
Не в битве мечом или посохом,
Но покоренный угрозой голода.
Какая скорбь, какое несчастье,
О какой стыд, какой страх!¹⁰³

Исполнение обязательств перед султаном резко осложнилось вследствие того простого обстоятельства, что буквально в это же время к Дамьетте прибыли новые отряды германских

крестоносцев, направленные Фридрихом II. Они не только были крайне озлоблены на незадачливого Пелагия, так легко разменявшего труды пилигримов на собственную глупость и заносчивость, но и озадачились более насущными проблемами – что делать дальше?

Как всегда, возникло сразу несколько точек зрения, обусловленных различными интересами. Венецианцы особенно негодовали из-за потери Дамьетты, а потому пытались всеми силами удержать город в руках крестоносцев. Но поскольку остальные пилигримы их не поддерживали, венецианцы были вынуждены примкнуть к большинству – собственными силами город они удержать не смогли бы. Наконец, 7 сентября 1221 г. Дамьетта была очищена от христиан и передана султану¹⁰⁴.

Такой итог крестового похода вызвал бурю негодования и критики, причем первым ей подвергся Фридрих II. Таким способом папа Гонорий III решил отвести критику от Римской курии, не самый достойный представитель которой бездарно провалил блестяще организованный поход.

Но император, небольшого роста, пузатенький и с плохим зрением, слыл большим оригиналом и крайне независимой фигурой с какимто фантастическим умением обаять собеседника – его коммуникабельность вошла в легенды. Он был начитан, слыл великолепным лингвистом и свободно владел арабским, французским, германским, итальянским и греческим языками, сицилийским диалектом, латынью, хорошо знал право и медицину, историю, философию, держал на службе мусульманских телохранителей и даже имел гарем (!). Согласимся, при таких чертах характера и личностных качествах трудно оставаться исключительно пасомым лицом, на которого списывают чужие неудачи¹⁰⁵.

В 1221 г. возникла еще одна идея, которая должна, по мысли папы, увлечь Фридриха II (он уже, увы, стал вдовцом) в новый Крестовый поход – его женитьба на Иоланте Иерусалимской, титулярной наследнице королевства, внучке короля Кипра и Иерусалима Амори I. Первоначально эта идея не понравилась Фридриху II: нищая невеста, вдвое младшего его; в приданое Иерусалим – пустой звук и безумные затраты на новый поход ради призрачного успеха. Но потом под давлением понтифика все же согласился¹⁰⁶.

Впрочем, не будем забегать вперед и вернемся к герою нашего повествования, срок земной жизни которого уже истекал. Последним мероприятием Ласкариса стала попытка захвата в 1221 г. Константинополя, когда юный Латинский император Роберт на время отлучился из него с основным войском. Был уже составлен и план кампании, но регент, старый крестоносец Конон де Бетюн, своевременно предупредил своего государя, и тот успел вернуться в город до подхода никейцев. Здесь то и сказалась предусмотрительность Ласкариса: он тут же направил свою жену Марию к брату в качестве посредника, инцидент был улажен, а византийцы и латиняне заключили новый мирный договор, обменяв попутно пленных¹⁰⁷.

Желая упрочить отношения с Латинским императором, Ласкарис решил выдать за него свою дочь Евдокию, против чего решительно восстал патриарх Михаил Авториан. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но в 1222 г. 45-летний император внезапно скончался и был погребен в монастыре Иакинфа в Никее¹⁰⁸.

Слава Феодора I Ласкариса не меркнет с течением веков. В глазах византийцев он стал «родоначальником нации», «новым Моисеем», «божьим семенем»¹⁰⁹. Как писал Афинский митрополит Михаил Хониат, «столица, выброшенная варварским наводнением из стен Константинополя на берега Азии в виде жалкого обломка, тобой принята, руководима и спасена. Тебе надо было бы навеки называться новым строителем и населителем града Константина. Видя в тебе одного спасителя и общего освободителя и называя тебя таким, потерпевшие кораблекрушение во всеобщем потопе, прибегают под твою державу как в тихую гавань. Никого из царей, царствовавших над Константинополем, не считаю равным тебе, разве из новых – великого Василия Болгаробойцу, а из более древних – благородного Ираклия»¹¹⁰.

II. Император святой Иоанн III Дука Ватац (1222—1254)

Глава 1. «Фракийский узел». Попытка унии с Римом

Два брака покойного императора Феодора I Ласкариса не дали ему наследника престола. А его единственный брат Константин Ласкарис погиб еще при обороне крепости Лентьяны в 1211 или 1212 гг. Поэтому новым Никейским царем по общему согласию стал 30-летний святой Иоанн III Дука по прозвищу «Ватац».

Слово «Ватац», повидимому, переводится с фракийского как «кустарник» – прозрачная ссылка на многочисленность этой семьи. Новый царь происходил из прославленного рода фракийских архонтов из Дидимотиха и приходился внуком известному дукe фемы Фракийская в Малой Азии. Но уже в XI веке некоторые представители рода Ватацев состояли членами синклита и находились в родстве с Дуками, Ангелами и Ласкаридами.

Святой Иоанн был женат на третьей дочери Ласкариса Ирине (1221—1239) – женщине энергичной и честолюбивой, чья воля и настойчивость сыграли решающую роль в его избрании. Как и некоторые другие императоры из ранних веков византийской истории, св. Иоанн III Дука стал императором по праву своей супруги, а потому продолжил династию Ласкаридов, не начав собственной. К моменту воцарения св. Иоанн занимал должность протовестиария¹¹¹.

Позднее прославленный Церковью св. Иоанн III Дука Ватац навсегда остался в памяти греческого народа как человек, обрамленный ореолом святости. Император обладал многими достоинствами – был честен, расчетлив, упорен и осторожен. Кроме того, св. Иоанн III по праву слыл замечательным хозяином, умным и бережливым. Как сказал один летописец, «он ничего не делал, не обдумав, и не оставлял ничего, обдумав; на все у него были своя мера, свое правило и свое время»¹¹².

На войне он был терпелив и мужественен, но вообще не одобрял сражений, полагая, что военное счастье изменчиво и ненадежно, а потому на него полагаться нельзя. Царь любил терпением достигать побед. Если было необходимо, он мог всю зиму провести с армией в чистом поле, но добиться перевеса над противником. И действительно, как правило, враги утомлялись и оставляли лучшие позиции, не выдержав капризов погоды и отсутствия продовольствия¹¹³.

Опытный военачальник, св. Иоанн III Ватац сумел создать новую национальную армию из ромеев горных областей Вифинии и других мест. Кроме этого, царь, мудрыми распоряжениями которого государственная казна вскоре быстро стала наполняться золотом, позволил себе сформировать новые отряды из наемников – варягов и генуэзцев. В общем, при нем византийская армия стала сильной, как никогда ранее¹¹⁴.

Хотя личная жизнь Ватаца не была идеальной, он отличался справедливостью и совестью. Для личности св. Иоанна III характерен один эпизод, случившийся с ним уже под конец жизни. Потеряв первую жену, царь женился на 14-летней внебрачной дочери императора Фридриха II Констанции Гогенштауфен, взявшей после замужества имя Анна (1244—1254). Отношения со второй женой складывались «дипломатические»: это был брак по расчету, и нет ничего удивительного в том, что Ватац вскоре страстно влюбился в одну из женщин, входивших в свиту его супруги, – некую Марчессу делла Фрикку. Они открыто встречались, и император даже разрешил возлюбленной носить знаки царского достоинства.

Любовь любовью, однако благочестие превалировало в императоре. Как рассказывают, однажды Марчесса в сопровождении большой свиты направилась в храм на Литургию, но монах Влеммид, известный своей строгостью, затворил перед ней двери изнутри церкви. Посчитав, что ее унизили, пассия Ватаца в гневе обратилась к нему с требованием наказать монаха, но получила неожиданный ответ. Глубоко вздохнув, царь сказал: «Зачем вы советуете

мне наказать мужа праведного? Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы в неприкосновенности и царское достоинство, и себя. Но так как я сам дал повод бесчестить и себя, и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие: злые семена приносят свои плоды»¹¹⁵.

Все современники единодушны в том, что Ватац был весьма щедр по отношению к Церкви. Вместе с первой супругой – царицей Ириной они построили великолепный храм в Магнезии во имя Богородицы, другой – в Никее во имя преподобного Антония Великого. Кроме того, императрица выделила личные средства для возведения в Прусе церкви в честь Честного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. По распоряжению царя на содержании государственной казны находились многие монастыри и больницы, а также странноприимные дома для немощных и нищих¹¹⁶.

Едва ли жесткая национальная политика Феодора I Ласкариса во имя восстановления Византийской империи, продолженная св. Иоанном III Ватацем, могла понравиться византийской аристократии, все более и более расположенной к западноевропейским «личным правам». И практически сразу была предпринята попытка усомниться в правах св. Иоанна III на царство. Два брата Феодора I Ласкариса, севастократы Алексей и Исаак, попытавшись захватить с собой дочь покойного царя Евдокию, невесту Латинского императора Роберта, убежали в Константинополь, надеясь получить оттуда помощь и свергнуть Ватаца. Без сомнения, они имели тайную поддержку со стороны других византийских аристократов, а потому малейший успех предателей мог вызвать широкий резонанс с самыми губительными для Никейского государства последствиями.

Оба севастократы вскоре явились в Троаду с отрядом французских рыцарей и в 1224 г. у Пиманинона встретились с никейской армией, которую вел в бой лично св. Иоанн III Дука Ватац. Это была очень упорная и кровопролитная битва. Видимо, латиняне превосходили численностью византийское войско и, атаковав его, прорвали фронт. Все решила личная храбрость императора, который во главе небольшой группы смельчаков сумел остановить свои дрогнувшие войска и перейти в контратаку. В конце концов удача сопутствовала никейцам, оба брата попали в плен и были ослеплены. В назидание другим остальные изменники были казнены. Как говорят, «нет худа без добра»: после этой блистательной победы Ватаца многие города Малой Азии сбросили в себя власть латинян и присоединились к Никейской империи. Важнейшими из них стали Пиманинон, Лентианина, Хариар и Вервенияк¹¹⁷.

Вскоре благодаря успехам византийского оружия форпост Латинской империи в Малой Азии стал рядовой провинцией Никейского государства. Помимо этого, св. Иоанн III завладел островами Самосом, Хиосом, Митиленой (Лесбосом), Аморгосом и добился признания своей власти со стороны Родосского кесаря Льва Гавалы (1204—1240). Дальше – больше. Никейские корабли вошли в Дарданеллы и начали грабить венецианские колонии на побережье. Затем византийцы без сопротивления овладели Галлиполи, Мадитом, Систом. Во избежание большего зла император Роберт Куртене срочно заключил соглашение со св. Иоанном III, согласно которому к Никейской империи отошел город Пиги, последняя опора латинян на побережье Мраморного моря, и лен Петра Брашейля. Он посчитал за счастье, что Ватац согласился (пока еще) признать область Никомидии франкской территорией и возобновил вопрос о помолвке Евдокии с Латинским императором¹¹⁸.

Сколь Ватаца любили в народе, столь же ненавидели в кругах высшей аристократии – минувший урок научил не всех. В 1225 г. св. Иоанну III пришлось столкнуться с заговором сановников, во главе которого стоял Андроник Нестонг, а в состав заговорщиков входил брат царя и начальник царской гвардии. В это время Ватац собирался выступить в поход на латинян и собрал приличный флот, должный обеспечить поддержку сухопутным войскам. И тут пришло сообщение о начале мятежа. Царь, отдав приказ сжечь готовый к походу на французов флот, дабы тот не достался врагу, вернулся в Никею и обезвредил преступников. Правда,

наказания, которым они подверглись, вновь были мягкими: только двоих заговорщиков император приказал ослепить, остальные отделались легким тюремным заключением. Сам Нестонг, приходившийся родственником царю, оказался в темнице, но св. Иоанн III сделал все, чтобы тот получил возможность бежать из заключения к туркам. С тех пор св. Иоанн III стал гораздо осмотрительнее и окружил себя стеной телохранителей¹¹⁹.

Обсуждая ту или иную проблему, он обычно предлагал высказаться своим придворным, никогда не комментируя их слова. О принятом царем решении вельможи узнавали, что называется, «по факту». Нередко молодые аристократы горячечно выговаривали василевсу претензии на этот счет, но Ватац неизменно хранил мудрое молчание. Опасаясь даже близких родственников, император отодвинул в сторону своих братьев Михаила и Мануила и категорически не желал даровать им высокие чины и титулы¹²⁰.

Захватив стратегическую инициативу, никейцы продолжали наступать по всему фронту против латинян. Об опасности, угрожавшей французам в Константинополе, были прекрасно осведомлены на Западе и, в частности, в Риме, где пытались организовать помощь гибнущему Константинополю. В мае 1224 г. папа Гонорий III отправил послание Французской королеве Бланке Кастильской (1188—1252), жене короля Людовика VIII (1223—1226), в котором содержатся следующие строки: «Сила французов на Востоке уменьшилась и уменьшается, в то время как их противники против них серьезно крепнут. Если императору не будет оказана быстрая помощь, то можно опасаться, что латинянам будет угрожать непоправимый ущерб как в людях, так и в средствах». Он настоятельно просил королеву помочь латинянам в Константинополе¹²¹. Однако в то время Франция активно соперничала с Англией за спорные владения на континенте, и помощь соотечественникам из Парижа поступит еще очень нескоро.

Впрочем, тревоги пока что были преувеличены: Константинополь оставался неприкосновенным до тех пор, пока никейцы не решили вопрос о Фракии. На эту плодородную и богатую местность помимо латинян претендовал Болгарский царь Иоанн II Асень (1218—1241), св. Иоанн III Дука Ватац и Фессалоникийский император Феодор Ангел Комнин Дука. И, разумеется, не случайно – отсюда латинянам могла поступать вооруженная помощь из Европы, и, главное, это был второй (помимо Вифинии) центр компактного проживания греческого населения. Кто подчинит его себе, тот и откроет ворота в Константинополь. Сама логика исторических событий влекла св. Иоанна III во Фракию, и в том же году его войска подошли к Адрианополь (!) под радостные крики горожан.

Однако затем Никейскому царю пришлось столкнуться с сильной армией Эпирского царства, и никейцы уступили Адрианополь Феодору Ангелу Комнину Дуке¹²². К тому времени тот уже захватил Фессалоники, помазался на царство и методично расширял пределы своего государства. Фракийские и македонские города были почти полностью разорены латинскими и болгарскими нашествиями, а потому обреченно признавали на этот раз власть эпирцев, окончательно добивавших их¹²³.

Нельзя поэтому сказать, что симпатии населения были на их стороне. Феодор завел целый штат царских придворных, но порядки в его дворце были болгарские или варварские, как заметил современник. Кроме того, «самодостаточность» деспота, за которую так ратовал Дмитрий Хоматин, Болгарский архиепископ, встретила сопротивление у другого иерарха – Фессалоникийского митрополита Константина Месопотамита, не признавшего Феодора Ангела Комнина Дуку законным царем¹²⁴.

Несложно заметить, что именно поддержка патриарха, резиденция которого находилась в Никее, обеспечила св. Иоанну III Ватацу легитимные основы власти. Дмитрий Хоматин мог сколь угодно долго рассуждать о праве Феодора Ангела называть себя Фессалоникийским царем, но в глазах подавляющей массы византийцев единственным законным Римским императором был только Никейский василевс, которого венчал на царство «Вселенский» патриарх.

Объяснение этому явлению заключается в том, что в среде иерархов Восточной церкви не было и не могло быть даже намека на примирение с Римской кафедрой, помимо всего прочего освятившей тот разгром Византии, который был учинен крестоносцами. Именно Церковь стала носителем национальной идеи, объединителем византийской нации. И в этих условиях подлинным Византийским императором мог стать только тот, кто получил поддержку восточного епископата и монашества, а им был Никейский император¹²⁵.

Но перевес в военных силах был пока на стороне Феодора Ангела Комнина Дуки, помимо всего прочего отличавшегося гибким умом и решительностью. Его успехи против латинян вызывали у северных греков восхищение – его называли «могучим Комнином», «вершителем великих дел». Вскоре он захватил Фессалоникийское королевство – несостоявшееся детище давно уже погибшего Бонифация Монферратского и присоединил к своим владениям целый ряд областей Фессалии и Македонии. Но едва Рим, взволнованный успехами эпирского оружия, объявил о Крестовом походе против Фессалоникийского царства, как Феодор тут же направил посольство к папе, заявив о своей покорности Апостольскому престолу. Обрадованный понтифик немедленно отменил Крестовый поход и даже запретил венецианцам покусаться на Диррахий, который много раз безуспешно осаждали латиняне¹²⁶.

На некоторое время движение никейцев на север приостановилось, что не мешало Батацу удерживать за собой контроль над ситуацией и ранее завоеванными областями. А заодно начать операции на Средиземном море против венецианцев и франков, к сожалению, малоуспешные. Даже номинальное подчинение Родоса Никее было крайне болезненно воспринято венецианцами, поскольку этот остров лежал на перепутье разветвленных торговых морских путей. И при их тайной поддержке родосцы поняли мятеж, с которым оказалось очень не просто справиться. Сам император направился с флотом к острову, но потерпел неудачу от армии Льва Гавалы.

Вторая экспедиция под командованием Андроника Палеолога была успешнее – византийцы захватили остров, но не смогли взять крепость, ключ его обороны. После этого венецианцы открыто заключили договор с Львом Гавалой, согласно которому Родос обязывался предоставить венецианским купцам торговые привилегии и направлять ежегодную «ризу» на престол св. Марка в Венецию. А те соответственно признали его независимость.

Хотя Никея не обладала физическими возможностями воевать с могущественной Венецией, все же св. Иоанн III напал на остров Крит, принадлежавший Республике, надеясь на помощь восставших критян. Однако своевременный подход мощного венецианского флота заставил византийцев спешно отступить, а в налетевшей буре их корабли потонули. Все же никейцы завоевали острова Ретимно, Милопотамо, Кастельнуово¹²⁷.

Относительная неудача у Крита и Родоса не остановила стратегического наступления на дряхлеющую и стагнирующую Латинскую империю, император которой Роберт Куртене окончательно дискредитировал себя в глазах французской аристократии альковными похождениями. Наконец, оставив Константинополь, он отправился в Афины, где и умер в 1228 г. Его преемником стал 11-летний Балдуин II (1228—1261). Слабость Латинской империи стала заметна невооруженным глазом. В этот момент в головах у некоторых французских баронов даже возникла идея объявить регентом Балдуина II Болгарского царя Иоанна II Асеня.

Надо сказать, именно с именем этого царя связан расцвет и пик могущества Второго Болгарского царства. Не казнивший за свое царствование ни одного человека, добрый и благочестивый, но одновременно с этим смелый, решительный, воинственный, хитрый и своенравный, он снискал любовь болгар¹²⁸. Один современник так писал о нем:

«Иоанн Асень, великий и благочестивый царь, сын старого царя Асеня, возвеличил в сильной любви к Богу Болгарское царство больше, чем все предшествовавшие ему Болгарские цари. Он строил монастыри и украшал их золотом, жемчугом и благородными камнями, одарял все святые Божьи церкви многочисленными подарками и проявлял относительно их

большую щедрость. Всякий чин духовный, архиереев, иереев и диаконов он наделял многими почестями»¹²⁹.

Конечно, Асень с радостью принял это предварительное предложение, пообещав взамен отвоевать у Фессалоникийского царства в пользу латинян Адрианополь, а для гарантии обручил Балдуина II со своей дочерью Еленой. Этот союз мог стать губительным для никейцев, мечтавших о воскресении Византии. И, по их счастью, под влиянием Римского папы регентом малолетнего императора был избран другой человек – уже известный нам по предыдущему изложению прославленный герой Иоанн де Бриенн, которому уже исполнилось 80 лет¹³⁰.

Надо сказать, судьба была несправедлива к нему, хотя ее удары постоянно чередовались с совершенно невероятными подарками от этой же капризной дамы. Когда его притязания на царский трон в Киликии рассеялись как дым, он в 1222 г. отправился в Рим, чтобы обсудить с понтификом судьбу своей малолетней дочери Иоланты и самого королевства. Там, к вящему неудовольствию представителей рыцарских орденов, он сумел уговорить папу, что все территории, которые в недалеком будущем будут отвоеваны пилигримами, должны быть присоединены к Иерусалимскому королевству.

Папа соглашался на это предложение при одном условии – что де Бриенн выдаст свою дочь замуж за Фридриха II Гогенштауфена, чья супруга умерла буквально несколькими месяцами перед этим. Понтифик полагал, что, став принцем-консортом Иерусалима, Германский король более охотно отправится на Восток, чтобы отвоевать Святой город. Тем более что незадолго перед смертью супруги германец вновь принес понтифику клятву не позднее чем через 2 года возглавить следующий Крестовый поход. Делать нечего, де Бриенн согласился¹³¹.

Из Рима он отправился во Францию, к своему старому другу королю Филиппу II Августу, который хотя и не был рад этой новости, но тем не менее перед смертью, наступившей в 1223 г., оставил своему старому товарищу наследство в размере 50 тысяч марок для поправки дел в Иерусалимском королевстве. В августе 1225 г. граф Генрих Мальтийский (бывший пират Энрико Пескаторе) прибыл в Акру, чтобы забрать 14-летнюю Иоланту и доставить ее к будущему мужу. 9 ноября того же года в Бризии состоялась торжественная брачная церемония, которая, увы, не прибавила счастья ни Иоланте, ни ее отцу.

Уже на следующее утро, даже не подумав предупредить де Бриенна, Фридрих вместе с молодой женой отправился по своим делам. А когда расстроенный отец наконец-то догнал императорский кортеж, холодно пояснил Иоанну, что никогда не обещал де Бриенну, будто тот останется регентом дочери и после свадьбы. Более того, как выяснилось, Фридрих II присвоил себе наследство, доставшееся де Бриенну от короля Филиппа II Французского, ссылаясь на то, что отныне он сам будет вести дела Иерусалимского королевства.

Однако еще большие разочарования ждали отца юной королевы впереди. Вся в слезах, она рассказала де Бриенну, что в брачную ночь супруг на ее глазах соблазнил одну из фрейлин. Разумеется, эта история со всей откровенностью демонстрировала тот факт, что никаких нежных чувств к своей супруге Фридрих не испытывает. Напрасно де Бриенн жаловался папе на императора – тот лишь разводил руками, будучи не в силах что-либо изменить. После этого германец отправил жену в Палермо, где она и провела остаток жизни, скончавшись в 1228 г. А де Бриенна еще ждала неожиданности: будучи уже пожилым человеком, он в 1224 г. неожиданно вступил в третий брак с Беренгарией Леонской (1204—1237), дочерью короля Кастилии и Леона Альфонса IX (1188—1230), и в апреле 1225 г. его супруга подарила ему дочь Марию де Бриенн (1225—1275), которой судьба уготовила стать в скором времени императрицей Латинской империи¹³².

Затем Иоанна чуть было не поставили на Английский престол. Когда же это предложение не прошло, он был востребован в Константинополь, где, как мы знаем, оставался 11-летний Балдуин II. Разумеется, де Бриенн с радостью согласился на это предложение¹³³.

Назначение де Бриенна регентом Латинской империи спутало, конечно, планы Болгарского царя. В ответ разгневанный Асень вступил в союз с Фессалоникийским царем и укрепил его брачными узами, женив Мануила, брата Феодора Ангела Комнина Дуки, на Марии, своей побочной дочери. Однако вскоре эфирцы начали откровенно тяготиться этой «дружбой», поскольку, как выяснилось, они и болгары претендовали на одни и те же земли Фракии, а в перспективе – и на Константинополь.

Весной 1230 г. царь Фессалии выступил с войском против болгар и в апреле этого же года нынешние враги и вчерашние друзья встретились у селения Клокотницы между Адрианополем и Филиппополем. Асень приказал прибить к копыю расторгнутый Феодором договор и во главе 1 тысячи половцев смело напал на противника, буквально разметав его. Поражение Феодора Комнина Ангела Дуки было полным, более того, он сам попал в плен и был ослеплен. После этого болгары без труда заняли Адрианополь, Македонию и почти всю Албанию. Отдадим должное Иоанну II Асеню: он был милостив к побежденным византийцам и ничуть не ухудшил их положения новыми податями и налогами. Новым правителем Эпирского (Фессалоникийского) царства стал брат ослепленного царя Мануил Комнин Дука (1230—1237, 1239—1241), женатый на Марии, незаконнорожденной дочери Иоанна II Асеня.

Теперь Второе Болгарское царство проявилось во всем блеске своей славы: оно имело границу по трем морям и включало в себя кроме дунайской Болгарии Белград и Браничев, Ниш и Вельбуж, Фракию, Адрианополь, Македонию и Албанию. Супруга Сербского короля приходилась сестрой Асеню, во главе Фессалоникийского царства, вернее, его остатков, стоял зять Болгарского царя Мануил¹³⁴. Сам Феодор Ангел Комнин Дука по причине ослепления уже не мог являться императором, хотя все еще исподволь участвовал в Балканской политике. Конечно, у Мануила был уже «не тот» титул, каким владел Феодор Ангел Комнин Дука, а бледная тень былого величия.

Пока болгары воевали с эфирцами, Иоанн де Бриенн в 1229 г. обручил свою малолетнюю дочь Марию с Балдуином II и мог с оптимизмом смотреть в будущее. В 1233 г. он сумел наконец выступить против никейцев, высадившись в гавани Лампсака. Силы византийцев к тому времени были несколько подорваны войной с Родосом и Венецией, а потому св. Иоанн III решил отступить в Сигриадские леса. Но максимум, что удалось латинянам, – захватить город Пиги вследствие измены одного местного франка. Византийцы заблокировали латинян в захваченной крепости, преградив подвоз продовольствия, и де Бриенну пришлось ни с чем вернуться в Константинополь¹³⁵. Все же регенту удалось нанести грекам несколько сильных ударов, выгоды от которых тем не менее достались не Латинской империи, а венецианцам. Так в 1234 г. Родос признал власть над собой Венецианской республики, равно как и Крит, где в 1235 г. венецианцы сумели разгромить отряд никейцев¹³⁶.

Однако новый союз болгар с Мануилом Фессалоникийским был ненадежен. Как человек горячий, Асень вскоре же сам и нарушил договор, желая полностью подчинить Болгарии Фессалоникийское царство¹³⁷. В качестве ответной меры Мануил написал Римскому папе тайное послание, в котором соглашался признать не только духовную, но и светскую власть понтифика над своим царством. Разумеется, он надеялся, что строгий окрик апостолика сможет остановить наступательный порыв болгарина¹³⁸.

Одновременно с этим, желая получить помощь из Никеи, Мануил отправил послание патриарху Герману (1222—1240), называя того «Вселенским патриархом», «непреложным вождем христиан во всей Вселенной», прося о посредничестве между собой и св. Иоанном III Дукой Ватацем. Никейская сторона ответила благосклонным согласием, и патриарх даже направил в Эпир своего митрополита для хиротонии новых епископов. Но в скором времени от Фессалоникийского царства остались всего дватри скромных удела, одним из которых правил Мануил Ангел Комнин Дука¹³⁹.

В 1235 г. в Галлиполи был подписан мирный договор между св. Иоанном Ватацем и Иоанном II Асенем, предусматривавший союзнические обязательства. По условиям договора Болгарская церковь получала статус «патриархата», находящегося под номинальным главенством Никейского архиепископа¹⁴⁰.

Тем не менее ситуация для Никейской империи оставалась весьма тревожной. Было очевидно, что союз с болгарами ненадежен, а латиняне и турки, с двух сторон нависавшие над последним очагом византийской государственности, в любой момент могли начать (или, вернее, продолжить) экспансию. Это был, без сомнения, самый сложный момент в царствовании св. Иоанна III Дуки Ватаца. Хорошо еще, что в данный момент времени ему удалось установить добрые отношения с сельджуками, но оставался Запад, с которым бороться можно было только через Рим. И император тут же предпринял необходимые меры.

Еще в 1232 г., словно предчувствуя грядущие события, св. Иоанн III дал поручение своему патриарху Герману вступить в переговоры с Римским престолом о возможности заключения унии. Правда, это письмо, переданное папе Григорию IX (1227—1241) с проезжими францисканскими монахами, было написано с позиции равноправного собеседника и вовсе не производило впечатления капитуляции. При всем изобилии почтительных фраз и дружелюбных выражений, оно довольно остро ставило вопрос о некоторых латинских новшествах, не приемлемых для греков. Именно этот термин, вместо традиционного «ромеи», использовал восточный архиерей, и это верное свидетельство тому, что Восточная церковь стала считать себя национальной, греческой — знаковый момент, к которому мы еще не раз вернемся.

Довольно смелая дипломатия царя с Римской курией кажется невероятной на фоне почти абсолютного могущества папства в XIII веке и не очень стабильной власти Никейского императора. Но следует учесть то немаловажное обстоятельство, что новый Крестовый поход против никейцев, которым понтифик мог напугать св. Иоанна III Ватаца, все более и более становился фикцией. Со временем сама крестоносная идея стала получать все более расплывчатое содержание. Да и вооруженные соединения Западной Европы начали отвлекаться на другие цели, например, очень много сил отняла Реконкиста в Испании, где сражалось не менее 50 тысяч паломников из всей Европы.

Иннокентий III еще в 1207 г. объявил Крестовый поход против альбигойцев, что проживали в Южной Франции, и он продлился с перерывами до 1229 г. Хотя данное предприятие слабо коррелирует с нашим повествованием, оно интересно сразу несколькими деталями. Так, в первую очередь обращает внимание то, с каким терпением Римский папа Иннокентий III пытался сохранить мир в Европе и убедить альбигойцев оставить свою ересь. Вовторых, тот факт, что даже такой могущественный понтифик, каким являлся этот предстоятель Римской кафедры, имел довольно условное влияние на европейских государей. Должно быть небезынтересно, что когда апостолик передал Французскому королю Филиппу II Августу буллу, в которой торжественно возлагал на того главенство в грядущем Крестовом походе против еретиков, француз ответил контрпредложением.

В краткой записке, направленной папе, он соглашался отправиться в Южную Францию и разгромить еретиков, но при некоторых непеременимых условиях. Поскольку он в это время вел войну с англичанами, то король потребовал от папы обеспечить ему мирный договор сроком на 2 года с Иоанном Безземельным, обязать французское духовенство собрать необходимые средства для формирования новой армии для войны с альбигойцами. А если вдруг, специально оговаривал Филипп II, во время Крестового похода англичане нападут на его владения, то он вправе направить на них свою «альбигойскую» армию, а папа не должен ему пенять на прекращение крестоносного предприятия. Иными словами, король был готов воевать с еретиками, но за счет Римского епископа (!)¹⁴¹.

Другие направления движения, никак не сходные с прежними крестоносными маршрутами, демонстрировали германские рыцари. Около 1230 г. они начали свой знаменитый «Drang

nach Osten» и почти полностью свернули операции в Леванте. Поэтому папы нередко оказывались бессильными против этого распыления крестоносного движения, не имея под рукой наличных сил для войны с византийцами¹⁴². Естественно, никейцы этим активно пользовались, что отразилось на характере переписки между царем и апостоликом.

В обратном послании понтифик обращается не к «Вселенскому» или «Константинопольскому патриарху», как раньше, а к «главе Греческой церкви». Вкладывая в это словосочетание свой, конечно, смысл, явно уничижительный. Тон его письма, в целом доброжелательный, тоже оттеняли обычные сетования на отпадение греческих священников от Римской материцеркви и отдание себя светской власти. Оттого, считал папа, вера греков охладела, а священнический сан находится в упадке.

В самом начале 1234 г. легаты папы привезли из Рима второе послание, написанное в том же духе. Они были встречены с честью и имели семь заседаний с греческими епископами по спорным вопросам, в первую очередь о Filioque. Никейцы настаивали на неизменности Никео-Цареградского Символа Веры, и диспут был настолько острым, что решением св. Иоанна III его прекратили. Затем речь зашла об опресноках, но с тем же результатом. Тогда патриарх Герман предложил созвать Вселенский Собор, но легаты не поддержали его, а просто уехали в Константинополь¹⁴³.

На Пасху 1235 г. папские послы были приглашены вновь, но уже в город Нимфей, где находилась старинная резиденция дома Ласкаридов. Однако и на этот раз встреча представителей двух Церквей оказалась провальной по результату. Обе стороны высказывали друг другу претензии, и на упрек патриарха Германа, что его имя вычеркнуто из римских диптихов, последовал дерзкий ответ: «Твоего имени никогда там и не стояло, а о предшественниках сам смотри, кто тому виной».

Тогда греческие епископы сообща написали акт о недопустимости опресноков. Латиняне ответили письменным анафематствованием всех тех, кто не признает Filioque, объявили византийцев еретиками и покинули Собор. Восточные архиереи кричали им вслед: «Сами вы еретики!» Дошло до того, что, проигнорировав приказ царя и патриарха, у легатов отобрали вещи и лошадей, пешком отправив в Константинополь¹⁴⁴.

Поскольку примириться с Римом не удалось, св. Иоанну III Ватацу пришлось бороться с мощными, хотя пока еще разьединенными силами. Разочарованный в результатах минувших переговоров, папа призвал Венгерского короля Беллу IV (1235—1270) и Ахейского князя Жоффруа II Виллардуэна (1226—1246) на помощь Балдуину II и отправил Ватацу резкое письмо, требуя от того подчиниться Латинскому императору. Интерес правителя Ахейи более чем понятен: Жоффруа II был женат на Агнессе, дочери Латинского императора Пьера II де Куртене (1216—1217) и считался потенциальным наследником Константинопольского престола.

Ответ св. Иоанна III Дуки не заставил себя ждать. Хорошим литературным языком, но едва сдерживаясь, император достойно ответил папе, позволившему именовать его «знатным мужем Ватацем». «Царству моему подали твое письмо, но царство мое ввиду нелепости написанного полагало, что такое исходит не от тебя, но от “сожительствоющего с крайним безумием” и с душой, полной надменности и дерзновения. Таков тот, кто обратился к царству моему, как к какому-то не имеющему имени и бесславному, неизвестному и незнатному, не будучи научен должному ни опытом действительности, ни величием державы нашей. Твое же святейшество украшено и разумом, и рассудительностью, выделяясь из большинства людей».

И далее: «Ты требуешь признать права твоего престола. Отчего нам не потребовать от тебя признания прав тысячелетней Империи Константина и его преемников, бывших из нашей нации, вплоть до нас. Потвоему, мы нигде не царствуем и не правим, а Иоанн из Бриенна тобой рукоположен в цари. По какому праву? Если мы, принужденные насилием, переменили место пребывания, то наши права на Империю и державу мы неизменно и неотступно удерживаем за

собой, по милости Божьей. Извещаешь нас о грозном сборе крестоносцев. Благовидным предлогом прикрывается, как всегда, жажда власти и золота. Твоя честь нас наставляет не документировать императору Иоанну Бриенну, для моей же пользы. Нужно тебе знать, что мое царское величество не понимает, где на суше или на море расположены владения означенного Иоанна, а потому никогда не покушалось на то, что ему принадлежит. Если же речь идет о Константинополе, который мы желаем у него взять, то мы заверяем и объявляем тебе и всем христианам, что никогда не перестанем сражаться и воевать с захватчиками Константинополя. Мы были бы преступниками перед законами природы, уставами родины, могилами отцов и Божьими святыми храмами, если бы из всех сил не боролись за это!»¹⁴⁵ Достойный и убедительный ответ!

Затем – следующая победа, на этот раз дипломатическая: Ватац сумел склонить на свою сторону могущественного Болгарского царя, все еще обиженного отказом латинян признать его регентом Балдуина II. С 1235 г. они начали совместные действия против французов и венецианцев. Вновь замаячила перспектива Грекоболгарского союза, и на этот раз данное предприятие казалось успешным. Оба царя договорились скрепить мирный договор брачными узами, одновременно с этим заключив военный союз против латинян.

В 1235 г. Асень и Ватац вместе с женами появились под стенами осажденного болгарами Галлиполи, занятого венецианским гарнизоном, где произошла помолвка 11-летнего царевича Феодора Ласкариса, сына св. Иоанна III, и 9-летней дочери Иоанна II Асеня Елены. Затем невеста отправилась в Лампсак, где патриарх Герман в присутствии царицы Ирины совершил торжественное бракосочетание. Болгары получили то, чего так давно добивались от Рима и Константинополя – автокефалии Болгарской церкви и признания ее архиерея патриархом.

В 1235 г. Тырновский архиепископ Иоаким был торжественно провозглашен в Лампсак Болгарским патриархом, чем наносился тяжелый удар по главе западного греческого духовенства, квартировавшего в Охриде, Первой Юстиниане¹⁴⁶. Одной пулей Ватац убил двух зайцев: оказал громадную услугу болгарскому клиру и еще более возвысил собственного патриарха, у которого теперь не было конкурентов.

После этого объединенные никейские и болгарские войска начали масштабное наступление на Латинскую империю. Асень захватил почти всю Фракию, а св. Иоанн III Ватац занял Фракийский Херсонес и прилегающую область от Марины до Ганоса. В этом же году Ватац разгромил город Галлиполи, принадлежащий Венеции, и захватил все области между Мраморным морем и Марицей, включая крепость Цурула. А Асень тем временем опустошил Север Фракии, принадлежащий Латинской империи.

В 1236 г. никейцы и болгары подошли к стенам Константинополя. Но тут сыграла свою роль Римская курия. Папа отлучил Асеня от Римской церкви, а венецианцы совместно с войсками Ахейского князя, насчитывавшими 100 рыцарей и более 800 лучников, сумели прорваться к осажденному Константинополю. Затем Иоанну де Бриенну удалось разбить византийское войско на суше, а венецианцы нанесли поражение союзническому флоту на море.

Маятник весов истории качнулся в другую сторону, разрушив одни союзы и создав другие. 22 марта 1237 г. умер Иоанн де Бриенн, и Асень решил, что ему стал не интересен союз с никейцами. Он быстро сошелся с Римом, испросив прощения и получив его, и заключил мирный договор с Латинской империей. Безусловно, он рассчитывал на то, что теперьто французы признают его регентом Балдуина II¹⁴⁷. Отсюда, как казалось Болгарскому царю, был один шаг к тому, чтобы закрепить свои притязания на Константинополь. Болгарин без какихлибо сомнений порвал соглашение с Никеей и потребовал обратно свою дочь, выданную замуж за царевича Феодора.

К счастью, Болгарский царь не относился к лицам, честно выполняющим свои обязательства – его союз с Римом также оказался недолговечным. Асень вовсе не собирался всерьез признавать главенство над собой Римского папы и вводить в Болгарской церкви латинские обряды. Понятно, что помимо прочих негативных обстоятельств он тем самым резко понижал

бы статус Болгарского патриарха, с таким трудом приобретенный 2 года тому назад. Кроме того, как человек толерантный и мудрый, он не спешил предать богомилов казням, как это произошло в Европе с альбигойцами, чем вызвал новый гнев понтифика.

Уже в феврале 1238 г. папа Григорий IX потребовал от Венгерского короля Беллы IV и Латинского императора Балдуина II начать новый Крестовый поход против болгар, после чего дружба Асень с папой закончилась. К негодованию апостолика, лелеемый им Крестовый поход не состоялся – Асень без труда убедил Балдуина II заключить с ним мирный договор в обмен за обещание оберегать франков от греков.

Удивительно, но в этом невообразимом и непредсказуемом калейдоскопе минутных комбинаций и союзов в выигрыше оказался св. Иоанн III Ватац. Ему удалось миновать рифы политических бурь, рассорить врагов между собой и поддержать высокий авторитет православной царской власти в глазах греков, гордых за то, что их император ни в чем не уступил проклятым латинянам – ни на войне, ни в вопросах веры. И в то же время выбить из рук врагов дипломатическое оружие, продемонстрировав желание идти на разумные компромиссы.

Глава 2. Политические комбинации и возрождение Византийской империи. 6й Крестовый поход

Все же, объективно, положение Никейской империи оставалось очень ненадежным. Продолжалась война за Балканы, и в 1239 г. Асень вместе с франками и половцами начал осаду крепости Цурула. Правда, вскоре болгарин получил известие о смерти своей жены, сына и патриарха Иоакима от моровой язвы. Посчитав это Божьей карой за свои вероломства в отношении византийцев, Асень тут же сжег осадные машины, отвел войско обратно и заключил новый мирный договор с Ватацем¹⁴⁸. Естественно, соглашение с французами было аннулировано, а дочь Болгарского царя вернулась в Никею, к своему юному супругу.

Увы, это была не последняя дипломатическая комбинация Асеня. Вскоре, испугавшись союза св. Иоанна III Ватаца с Германским королем и нарастающей мощи Никеи, Болгарский царь тайно пропустил через свои земли в Константинополь Балдуина II с армией из 700 рыцарей, набранных в Европе, и 20 тысячами вспомогательных сил. В 1240 г. Асень женился на дочери ослепленного им Феодора Ангела Комнина Дуки, освободил тестя и при его помощи взял Фессалоники, захватив в плен Мануила.

Для поддержания внешней преемственности Эпирский трон был передан сыну Феодора Ангела Комнина Дуки Иоанну (1237—1244). Свергнутый правитель Фессалоники Мануил добрался до Никеи, где принес клятву верности св. Иоанну III. При его помощи он соединился с братьями Константином и Феодором и покорил Фарсал, Лариссу и Платамот. Но тут же решил, что не имеет смысла выполнять слова присяги Никейскому царю, и отложился от св. Иоанна III, заключив мирный договор с латинянами в Пелопоннесе. Впрочем, вскоре он умер, горько раскаиваясь в своем клятвopеступлении¹⁴⁹.

А тем временем Иоанн II Асень в очередной раз действовал посвоему: презрев договоренности с византийцами, он присоединился к латинянам Балдуина II, осадившим многострадальную крепость Цурула. Ее гарнизон возглавлял великий хартулларий Иоанн Петралифа – мужественный и опытный военачальник. Но силы были настолько неравными, что спустя короткое время никейцы сдали крепость. Пленных французы не пощадили, и вместе с великим хартулларием отправили в Константинополь, где продали в рабство соотечественникам.

В качестве ответной меры император св. Иоанн III Ватац во главе сильного войска взял города Лакивизе и Никиат, а затем, доверив свой флот неопытному, к сожалению, в морском деле армянину Исфре, направил корабли против латинян. Как и следовало ожидать, в морском сражении малоопытный византийский флотоводец был разгромлен меньшими силами врагов.

На этом военные действия фактически прекратились, и Болгарский царь, исподволь ослабив своего могучего конкурента, поспешил направить к св. Иоанну III посольство с предложением мира, который, конечно, был заключен¹⁵⁰.

Наверняка Болгарский царь на этом бы не успокоился и мог доставить еще много хлопот Никейской империи, но, по счастью для греков, в июне 1241 г. Иоанн II Асень скончался. Его престол достался малолетнему Коломану I Асеню (1241—1246)¹⁵¹.

Смерть великого Болгарского царя означала начало постепенного упадка Второго Болгарского царства, который заметно ускорился под мощным напором монголотатар. Подчинив своей власти близлежащие степные племена, Чингизхан в 1206 г. был провозглашен на курултае правителем монголов, Великим ханом, после чего принялся за завоевание Северного Китая. Вследствие этого во власти Чингизхана оказались не только обширнейшие территории от Афганистана до Черного моря, но и Великий шелковый путь.

Количество награбленного богатства у Чингизхана намного превышало самые фантастические запросы его подданных, а потому он решил заключить мирный договор с хорезмшахом Ала альДин Мухаммедом II (1200—1220), торговля с которым обещала еще большие перспективы. Летом 1217 г. в Хорезм хан отправил к нему трех послов с богатыми дарами и предложением коммерческого сотрудничества. С великой неохотой хорезмшах согласился. Но когда в 1218 г. прибыл первый караван в количестве 450 человек с товарами, некий правитель провинции Отрар, что находится на территории нынешнего Южного Казахстана, не смог побороть искушения и перебил их всех, захватив конечно же товар.

Чингизхан немедленно отправил к хорезмшаху послов с требованием наказать обидчика, но тот лишь казнил нескольких посланников, а остальным обезобразил лица, отослав обратно в ставку великого монгола. Как оказалось, эмир Отрара приходился родным братом матери султана, и та упростила сына пощадить дядю. Война была предпринята...

Весной 1219 г. Чингизхан неожиданным маршем через пустыню появился в тылу хорезмской армии и оказался у Бухары, где нашел союзника. По свидетельству некоторых летописцев, халиф Бухары Ахмад ан Насир (1180—1225) тоже вел борьбу с султаном молодого Хорезмшахского султаната, а потому прибег к помощи монголов. Как утверждают, он даже подарил Чингизхану отряд пленных крестоносцев, но тот, не нуждаясь в них, отпустил рыцарей на свободу. Вернувшись в Европу, те и принесли первые сведения об ужасных завоевателях, не знавших поражений.

Хотя против 150 тысяч монгольских воинов хорезмшах выставил почти 400тысячную армию своих тюрок, успех старательно избегал его. До конца этого и в следующие 4 года монголы покорили практически все города: Самарканд, Нису, Нишапур, Термез, Герат, Пешавар, Газни, Бамиян, Марагэ, Дербент, Астрахань, Хамадан и другие. Сам султан окончил свои дни на одном из маленьких островков Каспия, зато его мать и почти все родственники ответили за все. Султанша окончила свои дни в рабстве, а аристократов монголы, следуя своей традиции, перебили.

Любую попытку сопротивления захватчики топили в крови, на любую обиду отвечали стократно. Когда преемник Мухаммеда II его сын Джелад адДин (1220—1231) казнил 400 пленных монголов, привязав их к хвостам лошадей и протаскивая на утеху толпе, Чингизхан перебил всех пленных тюрок¹⁵².

Конечно же, завоевания Чингизхана не остались незамеченными для сирийских христиан. Они много слышали о том, что хотя сам владыка монголов является язычником, тем не менее любил советоваться с христианским и мусульманским духовенством, причем откровенно предпочитал первых. Более того, многие его сыновья и близкие родственники женились на христианках, а потому пронесся слух, будто бы Господь посылает гибнущему Леванту надежного союзника. По крайней мере, папа Гонорий III в одном из своих писем от 20 июня 1221 г. прямо говорил о войске, которое идет с Дальнего Востока для спасения Святой земли.

Впрочем, последующие события несколько пошатнули веру в столь счастливый итог. Получив отступное от атабека Азербайджана Узбека (1210—1225), монголы в феврале 1221 г. вторглись в Грузию, и при Хунане, чуть южнее Тифлиса, почти тотально уничтожили армию царя Георгия IV (1213—1223), сына царицы Тамары Великой (1177—1213). Как выяснилось, никакой разницы между христианами и лицами других вероисповеданий монголы не знают. Затем захватчики сокрушили Кавказ, прошли через Каспийские ворота, разгромили половцев, а 31 мая 1222 г. нанесли тяжелейшее поражение объединенному войску русских князей на реке Калка. Развернувшись, монголы прошли через Крым, и, возвращаясь на Восток, уничтожили войско волжскокамских булгар и разграбили их страну¹⁵³.

Смерть Чингизхана в 1227 г. на 66м году жизни ничуть не остановила татарскую экспансию. Предвидя возможные конфликты между близкими ему людьми, великий завоеватель заранее разделит Империю между своими четырьмя сыновьями. Старший, Джучи (1182—1227), получил в удел степи Северного Приаралья и кипчакские степи западнее Волги. Второй сын, Чагатай (1185—1242), умерший в 1242 г., взял в правление всю степную зону каракитаев близ Или, ИссыкКуля, Верхней Чу и Таласа, а также Кашгарию и Трансоксиану. Третий сын, Угедей (1186—1241), наследовал земли восточнее и северо-восточнее Балхаша, район Эмеля и Тарбагатая, Черного Иртыша и Урунгу. Наконец, четвертый, младший сын Тулуй (1186—1232), как наследник отцовского очага по монгольскому обычаю, взял себе владения в районе между Тулой, Верхним Ононом и Верхним Керуленом. Весной 1229 г. курултай, или общее собрание монгольской знати, на берегу Керулена подтвердил волю покойного Чингизхана, назначив Великим ханом Угедея (1229—1241)¹⁵⁴.

Новый правитель, действительно самый умный из всех потомков великого монгола, вынужден был сразу же продемонстрировать свою силу. Он, по сути, заново завоевал Иран, где в последние годы находился самый опасный враг его отца ДжелаладДин, который за несколько лет, выпавших ему, сокрушил Кирман, Фрас, Персидский Иран и Азербайджан. Фактически ДжелаладДин частично восстановил Хорезмийскую империю, пользуясь тем, что основные силы монголов были заняты Китаем. Правда, его поступки далеко не всегда были логичны. Так, в скором времени ДжелаладДин рассорился с правителями Иконийского султаната и Дамаска, которые, соединившись, нанесли ему тяжелое поражение в 1230 г. при Эрзинджане. В этот момент Угедей и начал свое вторжение в земли непокорного эмира.

Зимой 1230—1231 гг. 30тысячное монгольское войско под командованием полководца Чормакана вторглось в Хорасан и Рей. ДжелаладДин просто не успел собрать войско для отражения этой атаки и был вынужден бежать, как некогда его отец, от монголов. Местом его последнего пребывания стала Муганская долина, где 15 августа 1231 г. он был убит безвестным курдским крестьянином. А монголы прошли через Азербайджан, а затем разместились на северо-западе Персии, где Чормакан почти 10 лет оставался представителем своего хана¹⁵⁵.

Это были далекие от спокойствия и мира годы. В Азербайджане монголы захватили Маргу, а затем подвергли страшному разорению Диярбакыр и Эрбиль. В Закавказье они разрушили Гянджу, после чего вновь вторглись в Грузию и заставили царицу Русудан (1223—1245) бежать из Тифлиса в Кутаис, район же Тифлиса стал монгольским протекторатом. В 1239 г. Чормакан захватил у Великой Армении некогда принадлежавшие Грузии города Ани и Карс. После этого грузинские аристократы, как вассалы, обязались служить в армии монголотатар.

Следует отметить, что и сам Чормакан, и его преемник Байнджунойон, занимавший свою должность с 1242 по 1256 г., также весьма лояльно относились к христианам. Более того, в 1233 г. Угедей отправил к Чормакану некоего сирийского христианина-несторианца по имени Симеон, прозванного сирийцами Раббаната, которого поставил главным эмиссаром по делам его единоверцев. Тот привез рескрипт Великого хана, согласно которому категорически запрещалось убивать и притеснять христиан, признавших власть монголов. Поскольку же полномочия Симеона Раббанаты были чрезвычайно широки, то многие тысячи христиан были освобождены

дены от рабства и иных невзгод. В мусульманских городах начали в скором времени возводить храмы, погребать умерших с чтением Евангелия, с крестами, свечами и песнопениями¹⁵⁶.

Как и его предшественник, Байнджунойон не сидел без дела и уже в 1242 г. захватил Эрзерум, фактически начав войну с КейХосровом II (1237—1242). 26 июня 1243 г. он разгромил уже войско самого султана, после чего КейХосров II вымолил себе титул вассала Великого хана¹⁵⁷.

В это же время другая часть монголов направилась через донские степи на Запад, где новые пришельцы нанесли страшное поражение половцам, стремительно убегающим от них, и переправились через Истр. Многие европейские правители посчитали за благо нанять остатки половцев на свою службу; не стал исключением и св. Иоанн III Ватац. Одну часть беглецов он расселил во Фригии, вторую – в Македонии и Фракии¹⁵⁸.

Затем вектор нападения татар изменился на Северозапад. В 1236—1241 гг. были завоеваны Волжская Булгария и многие княжества Руси. В 1241 г. внук Чингизхана Батухан (1241—1256) или Батый вторгся в Польшу и Чехию, а его полководец Субудай – в Венгрию. По обыкновению, количество собранного европейцами войска компенсировалось теми разногласиями и сумятицей, которые возникали сразу же. Одни были преисполнены страхом, другие легкомысленно полагали, что при виде венгерского войска враги дрогнут и бросятся отступать, как будто вся предыдущая история монгольских походов была Венгрии совершенно неизвестна. Наконец на Пасху, 31 марта 1241 г., соперники впервые встретились друг с другом; начались военные действия.

Венгерский король Белла IV, командовавший армией, приказал начать атаку, и его рыцари рванулись вперед. Однако монголы, верные своей исконной тактике, забросали венгров стрелами и, избегая фронтального столкновения, ушли за реку Тиссу. Полагая, что победа уже у него в рука, король отдал приказ становиться лагерем перед рекой, чтобы завтра продолжить бой. Ночью к венграм из стана врагов перебежал русский воин, который поведал им, как монголы будут утром атаковать их. Белла IV срочно отрядил своих рыцарей к месту переправы, и когда враги начали ее, венгерские рыцари отбросили татар, многих утертвив. Празднуя победу, латиняне вернулись в своей лагерь, беззаботно проспав всю ночь.

Но утром, 11 апреля, их ждало жестокое кровавое похмелье – монголы установили напротив моста катапульты и их выстрелами смели стражу, должную охранять переправу. Затем, вскочив на коней, степняки напали на венгров. Надо отдать должное – едва проснувшись, рыцари схватились за оружие и попытались остановить атакующего врага. Однако оказался перевес в силах и общая дезорганизованность – контратака захлебнулась. В скором времени пал магистр тамплиеров, принявший участие в битве, а брат Венгерского короля едва не попал в плен.

Отступая, венгры поспешили в свой лагерь, однако монголы, окружив его, продолжали обстрел защитников из луков, нанеся рыцарям тяжелый урон. В отчаянии венгры попытались прорваться, и монголы предоставили им эту «возможность», продолжая истреблять врагов на всем протяжении их бегства, когда последние отряды утратили последнюю организацию и дисциплину. Наконец, беглецов прижали к какому-то болоту, где и погибли их последние остатки. Помимо прочих, смерть на поле боя приняли архиепископ Сплитский Хугрин, епископы Матфей Эстергомский и Григорий Дьерский, а также множество прелатов и монахов.

Сам король смог убежать к Австрийскому герцогу Фридриху II Бабенбергу (1230—1246), где надеялся при помощи половцев хана Котьяна (?—1241) реваншироваться в новом сражении. Однако австрийцы не верили половцам и просто утертвили их хана, после чего последняя попытка сопротивления татарам была уничтожена их собственными руками. Правда, герцог не остался внакладе: за кров, который он предоставил Венгерскому королю, он обязал того выплатить ему 10 тысяч монет и занял три венгерские области.

А монголы растекались широкой бурной рекой, безжалостной и беспощадной, по Венгрии, захватывая пленных и умерщвляя всех тех, кто не представлял ценности. Современники описывали, как их жены, ни в чем не уступая мужья, избивали мечами венгерских женщин и детей. А юные татары, беря пример с отцов и матерей, тренировались сносить головы своим жертвам одним ударом. Наконец, пресытившись жертвами и добычей, монголы сделали привал на задунайских землях, сложив неподалеку от своего лагеря страшный вал из тел убитых ими людей.

В мае 1241 г. король Белла IV вернулся на родину, но любые попытки организовать сопротивление монголам оставались тщетными; пришлось отступать все дальше и дальше на Запад. Венгрия осталась лежать разоренной и обезлюженной...159

Попутно пострадали Хорватия, Сербия, Болгария, также подвергнувшиеся страшному разорению от монголов, свернувших в сторону от Венгрии. В целом монголотатары захватили все территории вплоть до Нижнего Дуная. Сами болгары избежали поражения только благодаря инициативному предложению выплачивать татарам дань, которую они ежегодно вносили хану с 1242 по 1300 г. Монгольское влияние было достаточно сильным и долгим, чтобы Болгария навсегда потеряла лидирующее положение на Балканах, где теперь господство вновь перешло к византийцам¹⁶⁰.

Здесь следует немного остановиться и отметить ту особенность создавшегося на руинах Руси Кипчакского ханства, что, в отличие от Персидского ханства и Китая, завоеванного монголами, местные завоеватели сумели каким-то образом не ассимилироваться с местным населением. «Они, – как справедливо отмечают исследователи, – остались подданными “хана Кипчака”, т.е. наследниками, тюркской орды этого имени, простыми продолжателями дел этих тюрков “куманов”, или половцев, без прошлого и без памяти, чье пребывание в русской степи в конце концов осталось для истории как бы не бывшим».

Более того, принятие «кипчакскими» монголами в скором времени Ислама привело лишь к еще большей изоляции этой ветви монголов. Она не только не приобщила их к культуре Египта или Ирана, но, напротив, превратила в чужаков, которые живут временно и вскоре должны исчезнуть¹⁶¹.

На фоне этих событий св. Иоанна III не испугал ни отказ генуэзцев от союзнического договора, ни известия о приближающихся венграх-крестоносцах во главе с Латинским императором Балдуином II. Было совершенно ясно, что, даже получив некоторый успех, это наступление не могло быть продолжено стратегически. Как ни в чем не бывало он начал наступление из Никомидии и занял Харакс, Дакивизу и Никитиат. Переманив на свою сторону отдельные отряды наемников, сражавшихся у болгар, и присоединив к ним половцев, св. Иоанн III вступил во Фракию.

Против него располагались войска Эпирского царя Иоанна. Император без особого труда победил его, и тот добровольно сложил с себя царский титул, назвался «деспотом» и признал над собой власть Никейского императора. Без сомнения, этот поход 1242 г. мог стать вершиной царствования св. Иоанна III Ватаца, мечтавшего присоединить к Никее всю Македонию. Но в самый разгар кампании он получил сообщения от сына Феодора Ласкариса о том, что на соседние сельджукские государства напали неизвестные им татары¹⁶².

Потерпев поражение в 1243 г., султан Кей-Хосров II тайне мечтал избавиться от этой щемящей его душу вассальной зависимости от монголов и срочно запросил помощи у Никей. Желая разузнать все на месте, император направился в Триполис для переговоров с ним. Он пообещал в целом оказывать туркам содействие, но не сделал ничего конкретного – и весьма мудро, поскольку в противном случае участь Никейского царства оказалась бы незавидной. Зато теперь его тыл был защищен сельджуками, причем и монголы не могли вменить ему это соглашение в вину, поскольку оно не предусматривало совместных действий против них со стороны византийцев; это был исключительно мирный договор, а не военный союз¹⁶³.

Интересно, но это был не единственный маневр, обезопасивший Никею от татарского нашествия. Опасаясь, что монголы вступят в соглашение с Римом, царь направил к папе послов, в очередной раз намекая на возможность заключения унии. И когда в Рим действительно прибыли послы монголотатар, предлагавшие апостолику начать совместные действия против св. Иоанна III Дуки, понтифик под благовидным предлогом отказал им. Кроме того, для обеспечения безопасности своей державы св. Иоанн III построил сеть крепостей в горах с хорошим запасом вооружения и снабдил их крепкими гарнизонами. Таким образом, восточная граница Никейской империи была обезопасена.

Теперь император получил возможность вновь обратить свой взор на Балканы, тем более что вследствие слабости прежних соперников перед ним открывались широкие и ясные перспективы. Благодаря своей выверенной дипломатической игре св. Иоанн III Ватац вскоре приобрел мощного и надежного союзника – Германского императора Фридриха II Гогенштауфена, самого активного, непримиримого врага Римского папы и папской политики. Впрочем, стратегия Фридриха не отличалась от той, которую демонстрировали его преемники. По тонкому замечанию одного исследователя, «в каком бы положении ни находилась Германская империя, для главы ее едва ли было возможно не вступить в войну с постоянно агрессивным папством, с его постоянно заявляемыми претензиями на территорию Италии и на церковную юрисдикцию над всем миром»¹⁶⁴.

Разумеется, император германцев был далек от того, чтоб считать источником своей власти Римскую кафедру. И хотя традиционно для своих современников утверждал, что в законодательстве и судопроизводстве вдохновляется Божеством и является наместником Христа на земле, однако обоснование этого тезиса искал не в Священном Писании, а в своде законодательства императора св. Юстиниана Великого. В его сборнике актов «*Liber augustalis*» присутствуют следующие характерные строки: «После грехопадения природная Необходимость, так же как и божественное Провидение, создали царей и князей, которым поставлена задача быть властителями жизни и смерти для своих народов, устанавливать, какими должны быть состояние, удел и положение каждого человека, являясь как бы вершителями божественного Провидения».

И совершенно справедливо замечено, что эта традиционная для короля миссия была сформулирована не словами Писания или патристических текстов, но почти целиком и полностью заимствована у одного языческого Римского императора, который писал: «Разве я не был избран, чтобы действовать как наместник богов на земле? Я – властитель жизни и смерти для народов. Решение того, каковы будут удел и положение каждого человека, отдано в мои руки. И что Фортуна уготовила каждому смертному, она объявляет моими устами»¹⁶⁵.

Нельзя, разумеется, на этом основании говорить об антиклерикализме Фридриха. А его неприятие папской политики вмешательства в дела европейских государств никак нельзя отождествлять с борьбой против Церкви. Как известно, эта протестная тенденция не обошла стороной практически ни одного из крупных государей Западного мира. Другое дело, что никогда ни до него, ни после Римское папство не сталкивалось с таким могущественным, умным и предприимчивым государем, как Фридрих II Гогенштауфен¹⁶⁶.

Разумеется, эта цельная и сильная натура не пожелала оставлять ситуацию в том виде, в каком она сформировалась еще в годы его тревожного детства. Как повествуют летописцы, уже на своей коронации Фридрих, 21-летний юноша, откровенно дал понять, что не намерен становиться слепым орудием в руках Рима. Именно он положил начало традиции независимости Германии от Апостольского престола¹⁶⁷.

Не желая слыть послушным слугой Римской кафедры, король вступил в незримую борьбу с папой, и точкой приложения разноречивых сил стал Крестовый поход, к которому понтифик упорно на протяжении многих лет склонял Фридриха, а тот под любым предлогом отка-

зывал в удовлетворении его желаний. Да, поскольку клятва императором на сей счет была дана, ее нужно выполнять. Но оставался неурегулированным вопрос времени начала похода короля.

В какойто момент понтифик сумел вырвать у Фридриха обещание, что тот выступит не позднее весны 1225 г. Однако в марте 1224 г. германец попросил перенести начало мероприятия в связи с волнениями мусульман на Сицилии. И действительно, в 1222—1223 гг. ему пришлось не раз вступать в схватку с сарацинами. С великим трудом удалось убедить перенести Гонория III крестоносное мероприятие на лето 1227 г. За это король обещал снабдить крестоносцев Востока средствами в размере 100 тысяч унций серебра, предоставить Великому магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу (1209—1239) флот из 150 судов и набрать за свой счет 1 тысячу рыцарей, которых эти корабли и должны перевезти в Акру¹⁶⁸.

В действительности даже теперь Фридрих II не собирался воевать, находя это занятие неумным и чрезвычайно затратным. За спиной у папы он одновременно вступил в тайную переписку с Иоанном де Бриенном и альКамилем. Султан Египта в то время был сильно озабочен столкновениями с братом – эмиром Дамаска альМуаззамом, установившим союз со свирепыми хорезмийцами, вытесненными из Средней Азии татарами. И вот сейчас египтянин предложил королю отдать Иерусалим и Палестину в обмен на помощь против брата. Конечно, представить себе еще во времена 3го Крестового похода такую ситуацию, когда призыв к крестоносному движению шел не от христиан Леванта, а от сарацин, было немыслимо. Тем не менее жизнь сложнее и многообразнее любых теорий. А потому альКамиль, опасавшийся брата пуще пилигримов, в конце 1227 г. передал предложение Фридриху II участвовать в войне против эмира Дамаска, которому фактически принадлежал Иерусалим, и его союзников из Хорезма.

Однако наступал срок начала Крестового похода, оговоренный с Римским епископом. К тому времени кафедру Святого Петра занимал человек с куда более завышенной самооценкой, чем покойный Гонорий III – тот скончался в марте 1227 г. Новый папа, Григорий IX, человек негибкого характера, ясного ума, имел четкие убеждения о роли папства во Вселенной, почерпнутые из общения с покойным дядей – понтификом Иннокентием III. Суровый и аскетичный, он никак не мог любить сибаритаимператора, а потому Фридриху нужно было поторопиться, чтобы не доводить дело до беды.

Не распространяясь о своих предварительных договоренностях с альКамилем, опасаясь быть отлученным от Церкви за несоблюдение крестоносной клятвы, но и не получив папского благословения на поход (!), 8 сентября 1227 г. Германский император отплыл из Бридзи вместе со своим товарищем ландграфом Людвигом VI Тюрингским (1217—1227), но через несколько дней оба заболели холерой. Пришлось срочно приставать к берегу, хотя несчастный Людвиг скончался еще в море. Фридрих срочно отправил письмо в Рим, в котором обещал, если Господь дарует ему выздоровление, выступить в Крестовый поход не позднее марта следующего года. Но папу Григория IX эта история не растрогала, и 29 сентября 1227 г. он торжественно анафематствовал Германского императора. А в ноябре того же года торжественно повторил отлучение в Соборе Святого Петра¹⁶⁹.

Но лишь совершив этот неприятный для германца акт, папа понял, насколько ошибся. Идея Крестового похода все еще висела в воздухе, не находя конкретного организатора. А поскольку Фридрих был отлучен от Церкви, возглавить поход пилигримов ему было никак нельзя. Разумеется, на меньшее Гогенштауфен и не претендовал – он привык быть первым везде и всегда!

В полной противоположности импульсивному папе Фридрих II разослал по всем христианским землям свое письмо, в котором ясно, здраво и логично объяснил свое положение и причины неучастия в войне против неверных. Все – и тон письма, и его содержание пришлось по душе современникам. Дошло до того, что когда на Пасхальной службе 1228 г. папа Григорий IX начал проповедь с нападок на императора, жители Рима возмутились. Более того, апостолика изгнали из Рима (!), и он был вынужден искать спасения в Витербо, откуда продолжал

свои обличения. Положение понтифика было незавидным: Крестовый поход он уже объявил, но прекрасно осознавал, что если Гогенштауфен не возглавит его и не вернется оттуда победителем, это будет означать моральную смерть папства¹⁷⁰.

Если бы Фридрих играл эту партию пассивно, то вслед за «приобретением» анафемы он мог потерять и права на Сицилийскую корону – ведь остров попрежнему считался собственностью Римской кафедры. Но император был опытным игроком, а потому сделал еще более ловкий ход: невзирая ни на какие анафемы и гневные бормотания Римского епископа, 28 июня 1228 г. отплыл в Святую землю. Общественное мнение тут же склонилось в его сторону. По Европе пронеслась целая серия пророчеств, будто именно Фридриху даровано Богом вернуть Иерусалим христианам, и когда король прибудет свой щит к сухому дереву, проклятому Христом, оно немедленно расцветет. Явно не в пользу Григория IX императора сравнивали со Спасителем, гонимым первосвященником Каиафой¹⁷¹.

Однако ситуация за это время существенно изменилась. От приступа дизентерии скончался враг альКамиля альМуаззам, вследствие чего султан перестал нуждаться в военной помощи императора. Понятно, что условия договора, которые теперь обсуждались между Египтом и Гогенштауфеном, существенно изменились не в пользу германца¹⁷². Впрочем, отношения между двумя монархами все равно стали к тому времени столь тесными, что доверенное лицо султана ФахрадДин был произведен Фридрихом II в рыцари в знак дружбы¹⁷³.

А в марте 1228 г., как уже говорилось ранее, при родах умерла королева Иоланта, даровав жизнь своему сыну Конраду IV (1228—1254), будущему королю Германии, Иерусалима и Сицилии. Теперь Фридрих Гогенштауфен автоматически из короля Иерусалима переходил в статус регента своего сына, по факту рождения ставшего наследственным монархом Святого города. Но эти обстоятельства не смутили Фридриха. 21 июня 1228 г. он прибыл на Кипр, сместил Иоанна д'Ибелина Старого (1179—1236), сына прославленного защитника Иерусалима Балиана II д'Ибелина (1142—1193), регента юного короля Генриха I (1218—1253), и подтвердил свои права на доходы от острова.

Как говорят, встреча двух правителей происходила крайне бурно. Д'Ибелин отличался смелым характером и не собирался уступать вместе с регентством еще и Бейрут, пожалованный ему в 1197 г. королем Иерусалима Амори II (1197—1205) и королевой Изабеллой I (1192—1205). Он открыто заявил, что подчинится лишь приговору Совета баронов Леванта, а до тех пор никакое решение императора не является для него легитимным¹⁷⁴.

Разумеется, все эти комбинации носили временный характер. И когда Фридрих II прибыл в Акру, Иоанн д'Ибелин тут же отправился в Бейрут, чтобы убедиться в способности города противостоять в случае необходимости штурму германцев. После этого Иоанн потребовал назначить заседание Высокого суда, чтобы оспорить действия Фридриха II на Кипре.

В это время в Левант пришли известия о том, что папа вновь отлучил императора от Церкви, после чего многие бароны, патриарх Иерусалима Герольд, магистры тамплиеров и госпитальеров высказали вслух сомнения в действенности клятвы, которую они принесли ранее Фридриху II. Лишь рыцари Тевтонского ордена сохранили ему верность. Даже с учетом того, что вскоре к императору прибыло небольшое подкрепление в количестве 500 рыцарей, эти соединенные силы были слишком малы для активных боевых действий. А потому Фридрих решил вести борьбу за Крест дипломатическими средствами. На его счастье, благоразумный альКамиль мыслил точно так же¹⁷⁵.

В скором времени германец вернулся к тайным переговорам с альКамилем и ФахрадДином, подкрепляя свои письма маневрами крестоносной армии из Акры в Яффу по пути короля Ричарда Львиное Сердце. Поскольку в это время альКамиль вместе с братом альАшрафом, правителем Джазире, осаждал Дамаск, где скрывался их племянник анНасир Дауд, сын покойного альМуаззама, присутствие Гогенштауфена с небольшой, но профессиональной армией становилось серьезным фактором, который нельзя было не учитывать.

АнНасир Дауд уже обратился за помощью в Хорезм, и если бы Фридрих II решил стать его союзником, дела братьев могли обернуться совсем плохо. Пришлось срочно менять условия, на которых император согласился бы на нейтралитет. Незаменимый ФахрадДин пытался урезонить германца, пытаясь сохранить за своим господином Палестину, но король открыл ему, что без возврата христианам Святого города никакие договоренности не образуются. Послудругу он доверительно пояснил, что Иерусалим, как таковой, лично ему не нужен. Однако город имеет большое значение в его борьбе с Римским папой. И в скором времени альКамиль согласился на предложение Фридриха¹⁷⁶.

18 февраля 1229 г. было подписано соглашение, согласно которому султан обещал 10 лет хранить военный нейтралитет, вернуть христианам Иерусалим, Вифлеем и Назарет в обмен на помощь в защите от внешних врагов, если таковые объявятся. Кроме того, к пилигримам отходил коридор, по которому можно было добраться до Яффы через Лидду и Западную Галилею вместе с городами Монфор и Торонто, а также оставшиеся мусульманские районы вокруг Сидона. Храм Гроба Господня, естественно, переходил в руки христиан, но Храмовая гора с «Куполом скалы» и мечеть альАкса – святыни Ислама оставались в руках турков. Султан даже разрешил восстановить стены Иерусалима, но эта уступка распространялась лично на Германского императора¹⁷⁷.

Это была уникальная дипломатическая победа: впервые за 40 лет Иерусалим вновь стал христианским. Причем сделал это в одиночку дважды отлученный от Церкви король, не проливший ни капли крови! Хотя конечно же далекий от того, чтобы его называли «святым».

17 марта германская армия вошла в Святой город, уже полностью к тому времени очищенный от мусульман. А 19 марта 1229 г. Фридрих II собственноручно возложил на свою голову королевский венец Иерусалима в храме Гроба Господня, а затем обратился с манифестом ко всем жителям Земли. В нем Гогенштауфен сравнивал себя с Ангелами, которые занимают промежуточное положение между людьми и Богом, а также с Израильским царем святым Давидом (1005—965 до Р.Х.), который, как известно, считался предвестником Христа, священником и пророком.

Это известие, дошедшее в Рим, окончательно вывело папу из себя. В новой энциклике Великой курии говорилось, что, самолично короновав себя, Фридрих II дерзнул совершить процедуру, сходную с Литургией. В состоянии крайнего раздражения понтифик писал одному своему контрагенту, желая представить Гогенштауфена в самом невыгодном свете: «Этот царь пагубы, как мы можем доказать, открыто заявляет, что мир был обольщен тремя обманщиками: Иисусом Христом, Моисеем и Мухаммедом, и двое из них умерли в почете, третий – на кресте. Мало того, он утверждает, что только дураки могут верить, будто девственница могла родить от Бога, Творца Вселенной; он говорит, наконец, что человек должен верить только тому, что может быть доказано силой вещей или здравым смыслом»¹⁷⁸.

Впрочем, недовольство высказал не только папа. Тамплиеры и госпитальеры были возмущены тем, что часть святынь по условиям договора осталась в руках неверных. А местные бароны, крайне озабоченные центристскими тенденциями Фридриха II, отказывались признать его своим господином: ведь он короновался Иерусалимским королем без консультаций с ними, будучи на тот момент всего лишь регентом своего малолетнего сына. «Насколько легитимна его коронация в этом случае?» – спрашивали они друг друга. Нет никаких сомнений, что для вопрошавших этот вопрос носил исключительно риторический характер. Разумеется, с учетом новых обстоятельств султан начал всерьез подумывать о расторжении договора и с большим трудом дал убедить себя сохранить его условия¹⁷⁹.

Более того, пользуясь отсутствием императора, мстительный папа организовал военное вторжение в Южную Италию с целью захвата Сицилии, чем вызвал шок и осуждение всей Европы. Что ни говори, но Фридрих II являлся крестоносцем и совершил беспрецедентный подвиг. Ни для кого не было тайной, что понтификом двигали исключительно своекорыстные

интересы и жажда наживы¹⁸⁰. Даже враги не могли не признать, что Гогенштауфен был и остается верным католиком; мало найдется людей, настолько преданных Богу и Церкви, сделавшего много доброго и очень желавшего спасти свою душу¹⁸¹.

Тем не менее в понедельник, 19 марта, в Иерусалим прибыл архиепископ Кесарии, наложивший на город интердикт. Естественно, Фридрих II пришел в бешенство от такого оскорбления и, бросив восстановительные работы, со своими солдатами отправился в Акру, но и там его не ждали оvation и цветы. Генуэзцы и венецианцы негодовали по поводу преференций, которые император предоставил своим союзникам пизанцам. А местные бароны окончательно уверились в том, что коронация германца была незаконной.

По этой причине император пошел на некоторый компромисс. Он созвал представителей местной элиты, чтобы отчитаться в своих успехах, а попутно объявил о скором отъезде. В качестве своих балы он оставлял Балиана Сидонского и Вернера фон Эгисхайма по прозвищу «Гарнь Немец». Что, впрочем, не помешало горожанам забросать его эскорт навозом и грязью¹⁸².

Многим не понравилась и религиозная толерантность германца. Дошло до того, что одним из обвинений в его адрес (заочных, разумеется) являлось беглое знание арабского языка. Понимая, что в Иерусалиме его ничто более не держит, Фридрих II отправился домой, лишь чудом избежав засады, устроенной тамплиерами, и 10 июня 1229 г. оказался в Бриндизи¹⁸³.

Там ему пришлось воевать с папскими войсками, гордо несшими на своих знаменах изображение ключей (герб Римского епископа), и применять против них сарацинские полки, специально нанятые для войны с понтификом. Сицилия и Южная Италия покрылись кострами военных сражений, и христиане с ужасом решали важнейший для себя вопрос: чью власть – папы или императора – признать над собой? Лишь в ноябре 1229 г. магистр Тевтонского ордена доставил Фридриху II радостные вести о том, что Римский епископ готов подписать с ненавидимым им императором мирное соглашение¹⁸⁴.

В не лучшем положении оказался и султан, которого осудили собственные имамы. Никто не желал слушать его объяснений относительно того, почему и как Святой город перешел в руки Германского императора¹⁸⁵.

Между тем этот прецедент мог иметь при будущем желании остальных современников далеко идущие последствия, демонстрирующие религиозную толерантность народов и их правителей, демонстрировавших прекрасные примеры. Как рассказывают, осматривая храмы и мечети Иерусалима, Фридрих II зашел в мечеть альАкса, где обнаружил католического священника с Евангелием в руках. Реакция императора была мгновенной – он повернулся к сопровождающему его сарацину и произнес: «Если еще один франк войдет сюда без разрешения, я прикажу снести ему то место, к которому у него крепятся глаза. Ведь султан по милости отдал нам наши храмы. И никто не смеет переступать установленных границ»¹⁸⁶.

Император отбыл к себе на родину, но едва его след остыл, как на Кипре началась междоусобная война. А осенью 1229 г. в Акру прибыла королева Алиса Кипрская и предъявила права уже на Иерусалимскую корону. Конрад, сын Фридриха II, заявила она, не имеет права считаться королем Святого города, поскольку до сих пор не прибыл в него, дабы принять присягу от подданных. А потому Высокий суд просто обязан признать законным правителем Иерусалима именно ее.

Увы, Суд отказал ей в этой чести, поскольку было совершенно немыслимо полагать, будто бы малолетний мальчик отважится на опасное и далекое путешествие, чтобы только соблюсти необходимые формальности. Но для успокоения совести судьи отправили посольство к Фридриху II, рекомендовав доставить Конрада сюда в течение года. Ответ императора был хладен и короток – он заявил, что поступит так, как сочтет нужным, и в свое время¹⁸⁷.

Так закончился бй Крестовый поход, не оправдавший замыслы Римской курии, зато вернувший христианам Иерусалим. Поняв, что взаимная борьба привела к обоюдному истоще-

нию и не принесла никаких дивидендов, вчерашние враги попытались найти повод для скорейшего примирения. В первую очередь Фридрих, желая избавиться от анафемы, пошел на многие уступки, но тем не менее примирение папы и императора шло долго и тяжело. Наконец, в июле 1230 г. оба противника встретились за обедом в Риме.

Как утверждают, вначале ситуация выглядела довольно напряженной, но постепенно император, гений коммуникабельности, разговорил папу, которому, конечно, льстило, что сам император явился к нему¹⁸⁸. Апостолик смирил гнев на милость и вполне дружелюбно оповестил Фридриха II, что утверждает его договор с альКамилем. Так «ученик Мухаммеда» снова стал «любимым сыном Церкви»¹⁸⁹.

Однако радость Гогенштауфена длилась недолго, и когда в 1235 г. папа Григорий IX объявит новый Крестовый поход, то публично заявит, что именно Фридрих II Гогенштауфен является самой серьезной помехой на пути крестоносцев¹⁹⁰. В 1236 г. без всякого смущения папа Григорий IX вновь напомнил Фридриху II, что именно Апостольский престол передал ему власть меча и царство, и Рим вовсе не собирается отказываться от своих собственных верховных прав на Империю. Иными словами, Германскому императору недвусмысленно дали понять, что он – ленник понтифика. «В пику» королю апостолик установил даже особый обряд папской интронизации – новый понтифик отныне садился на трон с короной на голове в виде земного круга. В близких к Римскому епископу кругах эта корона называлась «императорским украшением»¹⁹¹.

В таких условиях Гогенштауфен вполне естественно для себя искал союзника, которого с ним объединяют не только враги, но и сходство убеждений. А им был не кто иной, как св. Иоанн III Ватац. Хотя Рим и французы негодовали на него, но в целом Фридрих II придерживался той же «грекофильской» политики, которую избрали еще Конрад III и Генрих IV, дружившие с Комнинами против норманнов и Рима¹⁹². Правда, теперь их место заняли уже греки.

Эта прямая политика не могла не провоцировать Римского епископа на ответные меры; и наоборот. В 1237 г. произошло неудачное восстание ломбардцев, которых Фридрих II безжалостно разгромил. Для понтифика это был очевидный сигнал тому, что может ожидать уже и его самого в случае неудачи. Следующим этапом стали приготовления к свадьбе Энцио, незаконнорожденного сына Фридриха II, с девушкой из аристократической семьи, и назначение юноши королем Сардинии, которая относилась к папским владениям. Как и следовало ожидать, апостолика такая перспектива никак не устраивала, и он предпринял контрмеры; все опять вернулось на круги своя.

Накал страстей дошел до того, что император уже публично называл Римского епископа не иначе, как «развратником, помазанным елеем скверны», а тот в ответ объявил Гогенштауфена «зверем Апокалипсиса». Папские агенты разъезжали по Германии и Италии, подталкивая к выступлению против короля. А Фридрих тем временем вел тайные переговоры с кардиналами, чтобы лишить Григория IX папского сана¹⁹³.

В 1239 г. Фридрих II вновь был отлучен от Церкви и объявлен врагом всех христиан. В ответ он дошел до Рима и окружил город своими войсками. Не выдержав этого малопривлекательного зрелища, папа скончался. Новый папа, Иннокентий IV (1243—1254), 48-летний энергичный и властолюбивый генуэзец, продолжил политику своего предшественника и потратил громадные суммы денег для того, чтобы свергнуть могучего Гогенштауфена. Перебрав все варианты, понтифик не нашел ничего лучшего, как в 1244 г. объявить Крестовый поход против Фридриха (!), что привело к открытым военным действиям, перманентно продолжавшимся до смерти короля в 1250 г.¹⁹⁴

Для нас изложение этих событий интересно еще и тем, что позволяет иллюстрировать довольно очевидный факт: в лице Фридриха II и св. Иоанна III встретились два «империалиста», мыслящие христианскую цивилизацию только в форме Священной Римской империи,

власть над которой, включая, разумеется, главенство в церковном управлении Кафолической Церкви, принадлежит исключительно Римскому императору.

Теоретически для этого нужно было «всегонавсего» вернуть настоящему хозяину – Византийскому императору Константинополь, урезонить Римского папу и соединить две половины в одно целое. Конечно, на заключительной стадии потенциально должен был возникнуть вопрос о том, кто именно вправе претендовать на титул Римского императора – Никейский царь или Германский король. И не случайно, обещая вернуть грекам Константинополь, он тут же выставлял условие – чтобы св. Иоанн III Ватац признал себя его вассалом. Но до этого было еще далеко, а пока никаких противоречий Фридрих II и св. Иоанн III Ватац между собой не замечали.

Зато отныне любая попытка Запада помочь Латинской империи в ущерб Никее наталкивалась на активное противодействие Германского короля. Отчаявшись в одиночку справиться с бедами, в 1238 г. Балдуин II явился во Францию и, заложив Терновый венец Христа Французскому королю Людовику IX Святому (1226—1270), а также заняв у того некоторую сумму денег, набрал значительное войско. Однако Фридрих II Гогенштауфен просто запретил армии Балдуина II проход через свои земли¹⁹⁵.

Дезорганизующую политику Римской кафедры вскоре почувствовали на себе и пилигримы Леванта, положение которых стало отчаянным. Роберт, новый латинский патриарх Иерусалима, отчаянно взывал к западным государям. Но на его призыв, поддержанный папой, откликнулись лишь некоторые знатные персоны Европы. Граф Тибо IV Шампанский (1225—1253) и брат Английского короля Генриха III (1216—1272) принц Ричард Корнуольский (1227—1272) в 1239 и 1241 гг. организовали две небольших экспедиции, объединив отряды своих баронов – так называемый «Крестовый поход баронов». Правда, они имели некоторый успех, но, скорее, тактический: захватили Галилею и укрепили Аскалон.

Но и это были уже последние победы крестоносного движения. Скооперировавшись с папой и латинянами Леванта, новые пилигримы вступили в конфронтацию с Германской империей – император Фридрих II был категорическим противником возобновления военных действий, полагая, что дипломатией можно добиться куда больших успехов. Как следствие, государства Утремера остались без его могучей поддержки и теперь всецело зависели от рыцарских орденов, мощь которых также шла на убыль¹⁹⁶.

Пока европейцы воевали друг с другом, на Востоке появились новые лидеры. После смерти в марте 1238 г. альКамиля, благородного, мудрого и миролюбивого владыки, первенство получил его старший сын, родившийся от суданской рабыни, альСалих Айюбид (1240—1249). Вначале он наложил свою руку на Дамаск, но его дядя асСалих Исмаил вскоре отобрал этот город, организовав в нем государственный переворот. Тогда при помощи анНасира Керакского сын альКамиля захватил власть в Египте, отблагодарив своего союзника постом военного губернатора в Палестине.

А в ноябре 1239 г. случилось новое крупное несчастье. Пилигримы из Бретони под командованием своего графа Пьера Бретонского (1187—1250) напали на караван, принадлежавший анНасиру. Действительно, добыча, захваченная ими, была сказочной, но этот эпизод автоматически сделал их врагами правителя Палестины. В отместку тот немедленно двинулся на Иерусалим, который захватил почти без потерь 7 декабря 1239 г. Разрушив укрепления, которые начал восстанавливать еще Фридрих II, палестинец вернулся к себе в Керак.

В начале 1240 г. пилигримы, заключив союз с эмиром Дамаска асСалих Исмаилом, всеерьез опасавшимся султана Египта, попытались отомстить хорезмийцам. Но тут, как всегда, свою роль сыграла традиционная вражда между тамплиерами и госпитальерами. Забыв о том, что правитель Дамаска традиционно считался союзником крестоносцев, Великий магистр храмовиков подписал в Аскалоне мирный договор с альСалихом Айюбидом, который от радости, что сумел разрушить союз франков с Дамаском, предложил безвозмездно вернуть всех плен-

ных крестоносцев и даже Аскалон. Так завершилась эпопея Тибо Шампанского, которого проклинали одновременно и мусульмане, воочию убедившиеся в вероломстве франков, и пилигримы, которым теперь предстояло разрешать новый узел противоречий.

Относительный мир продержался ровно до того момента, пока вслед за Тибо Шампанским Палестину в мае 1241 г. покинул и Ричард Корнуоллский. Тамплиеры тут же отказались соблюдать договор, заключенный с Айюбидом, и в мае 1242 г. совершили набег на мусульманский город в районе Хеврона. АнНасир Керакский в отместку перерезал дорогу, ведущую в Иерусалим, и начал взимать пошлину с купцов и паломников. Вторым актом возмездия стало нападение храмовников на Наблус, который разграбили, сожгли великую мечеть и перебили множество местных жителей, среди которых было немало и грековхристиан. Очевидно, вновь назревала большая война.

Но пока еще шли мирные переговоры. Тамплиеры попытались наладить отношения с Дамаском, что не на шутку встревожило султана Египта, противостоящего на тот момент и асСалиху Исмаилу, и анНасиру. Поэтому, когда правитель Дамаска пообещал крестоносцам удалить с Храмовой горы в Иерусалиме всех мусульманских имамов, Айюб из Египта немедленно выступил с аналогичной инициативой. В конце 1243 г. тамплиеры подписали очередной мирный договор и после этого восторженно сообщили Европе о своих успехах. Увы, они не знали, какие беды ждут их впереди...

Как и следовало ожидать, весной 1244 г. разразилась война между альСалихом Айюбидом и асСалихом Исмаилом. Союзник Дамаска, молодой эмир Хомса альМансур Ибрагим, лично явился в Акру, чтобы заключить союз с франками против Египта. Он же предложил ордену громадные владения в Египте после неизбежного, как ему казалось, поражения Айюбида. Но и султан Египта нашел себе союзников – хорезмийцев, которые после гибели своего правителя ДжелаладДина бродили в Джезире и по Северной Сирии. Ихто и нанял Айюбид, приказав начать рейд на Дамаск и Палестину.

В июне 1244 г. 10 тысяч хорезмийских всадников пронесли по территории Дамаска, все сжигая на своем пути. Только сейчас пилигримы осознали грозящую им опасность. С великой поспешностью патриарх Иерусалима Роберт вместе с Великими магистрами госпитальеров и тамплиеров направился в Святой город, чтобы организовать его оборону. Но было уже поздно: 11 июля хорезмийцы ворвались в Иерусалим, сея повсюду смерть. Держалась лишь цитадель, откуда срочно направили гонца к анНасиру Керакскому с просьбой о помощи. И действительно, тот отправил небольшую армию, прибытие которой заставило хорезмийцев отменить штурм цитадели и согласиться на мирные переговоры. По их условиям остатки христианского гарнизона и мирные жители числом около 6 тысяч человек получили возможность уйти в Яффу. Правда, по пути на них напали арабские разбойники, и лишь около трех сотен христиан сумело спасти свои жизни.

Так Иерусалим оказался окончательно потерянным для христиан. После отступления гарнизона хорезмийцы сожгли все церкви в городе, выбросили из гробниц кости покойных королей Иерусалима, а попутно зарезали нескольких престарелых католических священников, которые совершали мессу в храме Гроба Господня¹⁹⁷.

Пока хорезмийцы опустошали Иерусалим, пилигримами была собрана значительная армия, включавшая в себя более тысячи рыцарей и 6 тысяч тяжеловооруженной пехоты, а также 4 тысячи сирийских всадников анНасира. Возглавлял армию крестоносцев и их союзников граф Яффы и Аскалона Готье IV де Бриенн (1205—1246). В стане пилигримов присутствовали рыцаритамплиеры и госпитальеры, а также бойцы Тевтонского ордена. Сопровождал эту армию, самую крупную за последние 100 лет, Иерусалимский патриарх Роберт. Им противостояли 10 тысяч хорезмийских всадников и 6 тысяч мамелюков из Египта. Возглавлял эти ударные части Рукн адДин Бейбарс, командующий египетскими войсками, будущий султан Египта¹⁹⁸.

17 октября 1244 г. на Гадарской равнине, у деревни ЛаФорби, состоялась историческая битва, которая закончилась очередным разгромом крестоносцев. Полегло несколько тысяч рыцарей из числа тамплиеров, иоаннитов, уроженцев Антиохии, Кипра и Германии. Достаточно сказать, что из 44 рыцарей Тевтонского ордена в живых осталось лишь трое¹⁹⁹. Помимо прочего, погибли Великий магистр тамплиеров Арман де Перигор (1232—1244) и архиепископ Тира. В плен попал магистр ордена госпитальеров, коннетабль Триполи и 800 французских рыцарей, спаслось только 33 тамплиера и 26 госпитальеров. Это поражение практически уничтожило военные силы Леванта²⁰⁰.

Без всякого промедления победители тут же направили своих коней на Аскалон, но укрепления города были слишком неприступны для конных хорезмийцев. Ограничились тем, что при помощи подошедшего египетского флота взяли город в осаду. Следом была Яффа, которую также не удалось взять штурмом, но по иной причине. От неминуемой гибели пилигримов спасла лишь размолвка, произошедшая между Айюбидом и его союзниками. Хорезмийцы надеялись, что после победы султан поселит их на богатых египетских землях, но тот недвусмысленно указал им рукой на Сирию и даже поставил по периметру свои отряды, дабы не допустить проникновения союзников на другие территории. В ответ хорезмийцы повернули назад, разорили Палестину до самой Акры, а потом присоединились к египтянам, осаждавшим Дамаск. Впоследствии они стали жертвами кратковременных договоров между Айюбом и анНасиром и почти полностью погибли в одном из сражений, где их вчерашние враги неожиданно стали союзниками. Но в итоге Дамаск вновь отошел к султану Египта, а анНасир получил в утешение Баальбек²⁰¹.

В данный момент еще раз возникла возможность использовать авторитет Гогенштауфена. Когда тамплиеры и госпитальеры предложили сарацинам выкуп за своих пленных братьев, султан ответил, что удовлетворит их просьбу исключительно в случае ходатайства Фридриха II. Более того, он даже обещал бесплатно вернуть несчастных их собратьям, если Гогенштауфен обратится к нему с соответствующим письмом. Недовольная таким оборотом событий, Римская курия попыталась навязать мусульманину свои услуги. Но когда папа Иннокентий IV обратился с предложением мира к султану, тот вежливо ответил, что одобряет стремления понтифика, однако согласно договору 1229 г. может заключать соглашения с христианами лишь при посредничестве императора Фридриха II.

Разумеется, такой ответ вызвал взрыв негодования у Римского епископа и новую волну ненависти к Гогенштауфену, который становился камнем преткновения во всех делах папы. Ситуацию усугубил отказ Фридриха II отправить продовольствие и войска в Сирию под тем предлогом, что, по словам императора, помощь Святой земле стала для папства лишь удобным аргументом, дабы вымогать из христиан деньги, которыми оно кичилось и жирело, утруждая себя лишь лицемерными проповедями об освобождении Иерусалима²⁰².

Как уже говорилось ранее, в том же 1244 г. Гогенштауфен сосватал за овдовевшего св. Иоанна III свою побочную дочь юную Анну Гогенштауфен и активно поддерживал зятя, отступившись от Латинской империи в тот самый момент, когда помощь ей была крайне необходима. Своим союзом с Никейским императором Гогенштауфен не оставлял «Новой Франции» в Константинополе никаких шансов. Справедливо отмечают, что к моменту его смерти, наступившей в 1250 г., участь Латинской империи уже была предрешена²⁰³.

На Лионском соборе 1245 г. Германский король был отлучен (в четвертый раз!) от Римской церкви и попутно лишен своего престола. Опасаясь, что германские епископы не поддержат инициативу Римской курии, папа Иннокентий IV написал, что избрал соборную форму для придания акту отлучения атмосферы торжественности. Но и это нововведение было принято далеко не всеми – ведь отлучали от Церкви и признавали дезавуированной коронацию не «рядового» короля или кандидата в императоры, а действующего императора²⁰⁴.

Например, Генрих IV, вечный враг папы Григория Гильдебранда, не являлся на момент унижения в Каноссе императором, а лишь собирался им стать. И вот теперь понтифик решился на небывалый поступок. Впрочем, Фридриху II вменили в вину многое: нерадение о делах веры, нечестивый союз с мусульманами и «греческими раскольниками» (откровенный намек на императора св. Иоанна III Ватаца), личное аморальное поведение, несоблюдение клятв и обещаний. Ввиду необычности предмета обсуждения, вплоть до последнего заседания Собора, которое состоялось 17 июля 1245 г., многие его участники надеялись на мирный исход, чего, впрочем, не произошло²⁰⁵.

Фридрих II ничуть не смутился этим и написал св. Иоанну III Ватацу: «Так называемый папа за наши отношения и любовь к ним, христианнейшим и самым благочестивым образом расположенным к Христовой вере, возбудил против нас свой необузданный язык, называя благочестивейших греков, от которых христианская вера распространилась до крайних пределов Вселенной, нечестивейшими и православных еретиками».

Горячий поклонник византийского «цезаропапизма», безусловно убежденный в праве (или, вернее, обязанности) монарха выступать в качестве блюстителя веры и главы церковного управления, он высказывал в адрес Римского папы следующие слова: «Все мы, земные короли и князья, особенно ревнители православной (orthodoxe) религии и веры, питаем вражду к епископам и внутреннюю оппозицию к главным предстоятелям Церкви. О, счастливая Азия! О, счастливые государства Востока! Они не боятся оружия подданных и не страшатся вмешательства пап»²⁰⁶.

В письме другому государю – Английскому королю Генриху III (1216—1272) содержатся не менее резкие строки: «Римская церковь опять воспылала горячей алчностью и охвачена столь очевидной жадностью, что, не довольствуясь церковными владениями, не стесняется отбирать у императоров, королей и князей мира сего их наследственную собственность и обложить ее налогами. Я уже не говорю о симонии, о различных и с начала времен неслыханных вымогательствах, непрерывно осуществляемых курией и папой против духовных особ, о явных и тайных ростовщиках, притесняющих весь мир. Словами слаще меда и глаже масла ненасытные кровопийцы постоянно толкуют, будто Римская курия – наша мать и кормилица, хотя она есть корень и начало всех зол»²⁰⁷.

Его ненависть к Риму была такова, что Фридрих II искренне обиделся, когда узнал о посольстве, направленном св. Иоанном III к папе. Сам факт общения с его заклятым врагом казался германцу оскорбительным для всякого честного государя. Впрочем, эта краткая размова никак не отразилась на взаимоотношениях двух венценосных правителей; они попрежнему откровенно помогали друг другу: никеец – деньгами, германец – вооруженными силами и дипломатией. Фридрих мечтал закрепить в Италии и искренне радовался, когда узнал о том, что Никейский император захватил наконецто Родос²⁰⁸.

Надо сказать, в целом общественное мнение было не на стороне папы. Когда во Францию прибыло папское послание об отлучении императора и лишении его короны, Людовик IX Святой приказал передать посланникам понтифика следующее: «Обвинение, исходящее от его недругов, а папа является злейшим из них, нельзя принимать на веру. Для нас император все еще невиновен (выделено мной. – А.В.). До сего дня он был для нас добрым соседом, и мы не видели от него ничего, что бы противоречило верности и вере в миру или христианской религии. Напротив, мы знаем, что он отправился в поход во славу Господа нашего Иисуса Христа, а также мужественно подверг себя опасностям моря и войны. Но у папы до сих пор не нашли такого благочестия. Мы не хотим подвергать нас опасности борьбы против могущественного Фридриха, которому помогли бы в борьбе против нас многие короли, и который найдет поддержку своему правому делу. Разве римлян заботит то, что мы прольем нашу кровь, удовлетворим мы только их ненависть. Если с нашей помощью и с помощью других папа одолеет

Фридриха, тогда станет папа всех князей мира попирать ногами, хвастливо поднимать свой кубок и будет расти его гордость, что погубил он великого императора Фридриха»²⁰⁹.

Тем не менее при посредстве и по инициативе папы Фридриха II лишили всех его владений в Леванте решением Совета баронов. А в 1247 г. король Кипра Генрих I де Лузиньян (1218—1253) был освобожден понтификом от клятвы верности Германскому императору и признан «сеньором Иерусалима»; все закрыли глаза на тот факт, что его мать Алиса сама являлась незаконнорожденным ребенком. Попутно государи и бароны Святой земли получили письменный приказ папы не подчиняться распоряжениям Гогенштауфена, которое исполнялось адресатами исходя из собственных мотивов²¹⁰.

Очевидно, эти события не могли укрепить обороноспособность Леванта и владений пилигримов, зато существенно облегчали положение Никейского царства. В это же время на другом конце земли закончил свой земной путь деспот Фессалоники Иоанн, тихий и благочестивый человек, и его брат Димитрий направил к св. Иоанну III Ватацу послов с просьбой закрепить за ним вдовствующий трон. Он получил просимое, но недолго пользовался властью. Вскоре от своих тайных агентов император узнал, что тот вовсе не собирается выполнять условия договора с Никеей. Кроме того, своим беспутным образом жизни Димитрий создал внутри города мощную оппозицию, решившую организовать заговор. Фессалоникийский деспотат уже давно не играл никакой самостоятельной роли, и его судьба была фактически предрешена.

Ватац не стал мешать заговорщикам, о которых ему донесли, и даже немного не напрямую приободрил их, пообещав свою помощь и поддержку. Осенью 1246 г. со своей армией император двинулся на Фессалоники и без труда овладел городом, лишив Димитрия титула «деспот», но сохранив ему жизнь и не ослепив, как того просили некоторые придворные. Впрочем, вскоре Димитрий заболел, принял монашеский постриг и скончался.

Новым наместником (уже) Фессалоники был поставлен Андроник Палеолог Комнин — опытный управленец и мужественный воин. А в 1247 г. св. Иоанн III овладел Визией и Цурулом²¹¹. Фессалоникийское, а ранее Эпирское царства перестали существовать, и слепой Феодор Ангел Комнин Дука, бывший царь Эпира, теперь являлся лишь правителем областей Водины, Старидола и Стровос²¹².

Продвигаясь по западным областям с войском, император узнал о кончине Болгарского царя Коломана и воцарении сына Асеня от последнего брака с Эпирской царевной Михаила II (1246—1256), совсем еще маленького мальчика. В планы царя не входила война с Болгарией, с другой стороны — совершенно неправильно было бы не использовать внутренний кризис сильного противника себе на пользу. Разослав своих дипломатических агентов, св. Иоанн III вскоре получил того, чего хотел.

В ноябре 1246 г. вся Македония практически без потерь досталась никейцам, а многие области Болгарского царства в единодушном порыве пожелали признать над собой власть сильного правителя, сын которого Феодор Ласкарис, к тому же приходился родственником по жене царственной семье Асений. Эти договоренности облекли в письменную форму, и границы Никейского царства расширились за счет Родопа, Стенимаха, Ценены, Стумпиона, Хотовоса, Велевудия, Скопия и Просака. А Болгарское царство потеряло почти треть своей территории²¹³.

В 1247 г. св. Иоанн III Ватац вернулся во Фракию и присоединил к Никейской империи несколько фракийских городов, принадлежавших Латинской империи. Теперь св. Иоанн Ватац стал во главе всего греческого мира. За исключением Константинополя, Средней Греции и Пелопоннеса, Византийская империя была практически восстановлена в прежних размерах²¹⁴.

Силы св. Иоанна Ватаца были теперь таковы, что он без труда мог позволить себе войну на два фронта. Когда в 1248 г. генуэзцы захватили Родос, он тут же направил морскую экспедицию, вернувшую в 1250 г. остров под власть Никейского царя. Французских рыцарей, помогав-

ших на Родосе генуэзцам, конечно, перебили, но благоразумный царь не стал портить отношения со своими традиционными союзниками, с которыми обошлись весьма снисходительно²¹⁵.

Даже смерть Фридриха II 13 декабря 1250 г. на пороге его 56летия не нанесла ущерба Никее, находившейся на подъеме. Как говорят, император был погребен в рясе цистерцианца, которая, по повериям того времени, должна защитить душу от огня «чистилища». Скорее всего, сказанное является надежным свидетельством того, что умер император как настоящий христианин. И не случайно его имя овеяно множеством германских народных легенд, в которых Фридрих II изображен героем, бежавшим от папских гонений за рубеж, где и готовится к возвращению на родину.

Поразительно, но с не меньшей героикой связано имя Фридриха II и у арабов, проживавших на Сицилии, для которых он являлся «Махди», спасителем, должным как халиф устанавливать царство мира. Лишь тогда, полагали сарацинские легенды, весь мир станет «одной овчарней Бога», утихнут все религиозные споры, и даже вражда между людьми и животными прекратится²¹⁶.

Примечательно, что кончина Германского императора вызвала совершенно неадекватную с точки зрения морали реакцию Римского престола. Иннокентий IV, живший в те дни в изгнании в Лионе, обратился к пастве со следующими, почти пасхальными словами: «Да возрадуются Небеса! Да наполнится весельем земля, ибо с падением тирана Господь Всемогуший сменил бури и грозы, которые посылал на ваши головы, на ласковый ветерок и питающий влагой дождь»²¹⁷. Едва ли эти строки способствовали укреплению авторитета Римской курии и близости отношений с другими европейскими монархами...

Глава 3. 7-й Крестовый поход и смерть императора

После поражения в 1244 г. положение дел латинян Леванта стало совершенно отчаянным. Они не только потеряли Иерусалим, но и понесли невосполнимые людские потери. Поэтому одна беда сменяла другую. 17 июня 1247 г. египетская армия захватила Тивериаду, а затем оккупировала Фавор и замок Бельвуар. На очереди оказался Аскалон, гарнизон которого мужественно защищался; тем не менее 15 октября того же года город все же пал. Почти всех крестоносцев перебили, и лишь их небольшая часть оказалась в плену. Правда, и силы Айюбида оказались небезразмерными. Разрушив Аскалон, он отправился в Иерусалим, где некоторое время руководил восстановительными работами, а потом в Дамаск, чтобы устроить там свой двор²¹⁸.

Но тут на помощь погибающему Латинскому королевству пришел один из понастоящему великих государей Запада Французский король Людовик IX Святой, задумавший организовать 7й Крестовый поход. Светловолосый и худощавый, чрезвычайно обходительный человек, он часто болел, порой довольно опасно. В декабре 1244 г., находясь в Париже, король внезапно сильно занемог и, прося помощи у Бога, дал обет крестоносца, засвидетельствованный Парижским епископом Гийомом Овернским.

Получив внезапное исцеление, Людовик Святой не посмел нарушить своей клятвы и горячо взялся за дело, с точностью педанта начав организацию крестоносной экспедиции. Как говорят, общая сумма расходов на Крестовый поход составила около 250 тысяч ливров – гигантские по тем временам деньги. Четыре года шли приготовления, было учтено, казалось, все. Оставалось лишь пожать плоды грядущего успеха, в котором никто не сомневался.

Напрасно Фридрих II пытался предложить свои услуги и возглавить этот Крестовый поход, надеясь таким способом восстановить свою репутацию. Как отлученный от Римской церкви, император не имел права принять участие в данном предприятии. Вскоре выяснилось, что Английский король также не был намерен участвовать в Крестовом походе. Британское священство было крайне недовольно поборами Рима и тем, что епископские кафедры на ост-

рове занимают итальянцы, ставленники понтифика. Поэтому кандидатура главы похода была всем ясна²¹⁹.

12 июня 1248 г. папский легат кардинал Тускулума Эд де Шатору вручил в Сен-Дени королю посох и суму, а также Орифламму – священное знамя Франции. В Париже Людовик босиком прошел до Нотр-Дам де Пари, отстоял мессу и простился с парижанами. И в августе того же года он отправился из Эт-Морта на Кипр с весьма внушительной армией, которую перевозили из Марселя венецианцы, весьма неодобительно относившиеся к этому походу из-за неизбежных потерь доходов в торговле.

С королем отправилась в поход его супруга королева Маргарита Прованская (1234—1270), братья – графы Роберт д'Артуа (1237—1249) и Карл Анжуйский (1227—1285), герцог Гюго IV Бургундский (1218—1272), Гюго X де Лузиньян (1219—1270), граф де Ла Марш, 25-летний Жан де Жуанвиль (1223—1317), сенешаль Шампани и множество других аристократов. Прибыли добровольцы из Германии, Норвегии и Шотландии, а также из Англии. Их привел Уильям II, граф Солсбери (1209—1250) по прозвищу «Длинный меч». В сентябре все войска собрались на Кипре. В рядах пилигримов состояло 20 тысяч солдат, из них 2,5 тысячи рыцарей, 5 тысяч лучников и арбалетчиков²²⁰.

Туда и прибыла императрица Мария де Бриенн (1225—1275), прося помощи у короля для своего супруга Балдуина II. Несмотря на радушный прием и две сотни посланий, которые многие крестоносцы передали через нее в Константинополь для своих друзей и родственников, императрица получила лишь весьма расплывчатые заверения в том, что после завершения Крестового похода добровольцам будет разрешено отправиться на помощь Латинскому императору²²¹.

Наступил сезон штормов, и потому пилигримам пришлось задержаться на Кипре. Пользуясь передышкой, вожди похода собрались, чтобы определить конкретную цель экспедиции. Тамплиеры надеялись, что король двинется в сторону Акры, чтобы оттуда идти на Иерусалим. Но тот все же решил плыть к Египту, повторив тем самым путь 5-го Крестового похода. Разумеется, это вызвало охлаждение рыцарей орденов к королю; часть храмовиков после этого покинула армию²²².

В целом 8-месячное ожидание на Кипре сказалось на крестоносцах чрезвычайно негативно: армия проводила время в бездействии, разлагавшем ее. Кроме того, войско понемногу таяло: множество просителей, получивших у Людовика IX аудиенцию, уводили с собой небольшие отряды солдат, с помощью которых надеялись решить собственные военные проблемы. Целые полки отбыли в Антиохию, Константинополь и даже Киликию, куда их сманили хитрые армянские послы обещаниями невероятных богатств. В ставке короля побывали даже татарские посланники Великого хана Гуюка (1246—1248) из далекого Мосула, предлагавшего напасть на Багдадского халифа²²³.

Кроме того, закончились денежные средства, которые король собрал для похода²²⁴. Но хуже всего было то, что внезапная эпидемия сильно проредила ряды пилигримов. В короткое время умерло 260 рыцарей, не считая простых солдат. Болезнь настолько запечатлелась в памяти современников и потомков, что никогда более Кипр не будет использоваться в качестве плацдарма для новых операций на Востоке, лишь для краткой стоянки кораблей²²⁵.

Пора было срочно собираться к отплытию. И тогда Людовик Святой письменно уведомил о своем походе Египетского султана, который, впрочем, и так был осведомлен об этой опасности, и предложил тому креститься для разрешения всех конфликтов. Понятное дело, Айюбид отказался.

В мае 1249 г. крестоносцы высадились у города Дамьетта в устье Нила, а им навстречу выдвинулось войско султана, состоявшее в основном из воинственных бедуинов Бану кинан. Руководил мусульманами Фар ад-Дин, друг императора Фридриха II. Первое столкновение было героическим: король в числе первых прыгнул за борт корабля и, находясь по грудь

в воде, под стрелами сарацин поспешил к берегу. Завязалась отчаянная схватка, в которой успех сопутствовал французам – они отбросили турок от берега; 6 июня 1249 г. крестоносцы вступили в город²²⁶.

Потеря Демьетты потрясла мусульманский мир. Умиравший султан приказал умертвить всех эмиров Бану кинан, не справившихся с обороной города, а Фахр адДин попал в опалу вместе с командирами мамелюков. Чтобы вернуть этот важнейший для обороны Египта город, султан предложил Людовику Святому обменять Демьетту на Иерусалим. Однако король категорично отказался вступать в какие бы то ни было переговоры с неверными. И, как казалось, судьба благоволила его начинаниям, поскольку буквально в эти дни, 23 ноября, Айюбид наконец скончался.

Если бы мусульмане узнали о смерти султана, Крестовый поход Людовика мог бы очень скоро завершиться грандиозной победой: армия египтян находилась на грани развала. Но в тот момент сарацин спасла вдова альСалиха этническая армянка Шаджар адДурр. Она подделала подпись покойного мужа и объявила Фарх адДина главнокомандующим всеми войсками, а наследником – своего сына Тураншаха (1249—1250), который в это время являлся наместником в далеком Джезире и уже стремглав мчался в Египет, получив тайное письмо матери. Таким способом дисциплина в войске была восстановлена²²⁷.

Вскоре вождя крестоносного воинства ждал первый неприятный сюрприз: наступил разлив Нила, делавший дальнейший поход на Каир совершенно невозможным. Пришлось оставаться в Демьетте, где бароны проводили время в пиршествах и поединках, а простые воины – в объятиях продажных женщин. Тем временем вокруг города кружили конные разъезды врага. Не ведающие дисциплины вожди крестоносцев совершали отдельные нападения на сарацин, заканчивающиеся, как правило, трагично. Зато египтяне каждую ночь убивали часовых и поджигали город. Надежда на пополнение, которое должен был привести брат короля граф Альфонс де Пуатье (1220—1271), оказалась тщетной. Нет, корабли с новыми крестоносцами прибыли, но налетевшая буря разметала их, и множество рыцарей утонуло в море, не успев сойти на берег²²⁸.

Поняв, что промедление окончательно разложит армию, король по совету брата и некоторых видных военачальников решил направить свое воинство на Вавилон и 28 ноября 1249 г. выступил из лагеря. Пока крестоносцы строили дамбу через Нил, чтобы двигаться дальше, стычки между ними и сарацинами не прекращались ни на один день. В открытых противостояниях успех, как правило, сопутствовал крестоносцам, впереди которых двигались отряды опытных тамплиеров. Но египтяне чрезвычайно успешно действовали через засады. Более того – они соорудили метательные орудия и снарядами с «греческим огнем» доставляли крестоносцам массу неприятностей. Каждый раз, когда начинался обстрел крестоносного лагеря из турецких орудий, король Людовик Святой поднимался из постели и молил Бога, чтобы Господь сохранил его людей от смерти²²⁹.

21 декабря 1249 г. армия короля добралась до речки Бахр асСагир, являвшейся притоком Нила, и разбила лагерь именно в том месте, где в 1221 г. останавливались крестоносцы под руководством кардинала Пелагия. Армия египтян под командованием другого полководца, ФакрадДина, расположилась на противоположном берегу, в 3 км от города альМансуры. Шесть недель противники стояли друг напротив друга, но в феврале какойто бедуин предал своих товарищей и за крупное денежное вознаграждение показал пилигримам брод на другой берег.

Эта операция, состоявшаяся 8 февраля 1250 г., принесла пилигримам успех, но стоила многих жертв. Уже с первых минут боя авангард крестоносцев подвергся яростной атаке турок, и очень скоро погибли граф д'Артуа, Рауль де Куси, Уильям, граф Солсбери и более 280 рыцарей-тамплиеров. Еще несколько сотен воинов получили тяжелые ранения. Правда, и сарацины несли потери, более того, в самом начале сражения погиб ФакрадДин: он столкнулся с двумя

рыцарям тамплиерами, и те зарубили его. Теперь командование на себя взял мамелюк Бейбарс²³⁰.

Войска христиан переправлялись на другой берег и тут же вступали в бой. Но турки сумели прорвать их центр и вклиниться между двумя частями крестоносного воинства. В скором времени в бой вступил уже сам король Людовик Святой со своими рыцарями. Наконец, сражение, длившееся весь день, завершилось. Город взять пилигримам не удалось, и они отошли в свой лагерь²³¹.

Но едва наступила ночь, как сарацины внезапно напали на них. Первыми атакам подверглись воины графа Анжуйского, брата короля, к которому тот поспешил на помощь, едва услышав звон оружия. А вслед за тем сражение закипело уже по всему фронту. К утру египтяне отступили, и крестоносцы праздновали победу, потеряв, правда, вновь немало прекрасных воинов и военачальников. Через 9 дней на поверхность воды стали всплывать трупы убитых при переправе рыцарей и мусульман. Их было такое множество, что король, опасаясь эпидемии, нанял сотню бродяг, которые за деньги взялись захоронить покойников.

В пятницу, 11 февраля 1250 г., мамелюки снова нанесли смелый и неожиданный удар по лагерю крестоносцев. Эти бесстрашные воины, набираемые в основном из числа белых мальчиков-рабов покоренных народов Кавказа (прообраз будущих янычар), наступали настолько дерзко и мощно, что многие пилигримы впоследствии говорили, будто никогда ранее не видели такой смелой атаки. Многие латиняне погибли в этом бою, Великий магистр тамплиеров Гильом де Соннак (1247—1250) потерял глаз и почти всех своих товарищей по Ордену. Однако и сарацины недосчитались 4 тысяч воинов²³².

Восемь недель простоял Людовик со своим войском в лагере, проводя время в обороне от вездесущих мамелюков. Но когда 16 марта 80 французских кораблей, которые должны были доставить пилигримам продовольствие, показались на горизонте, как тут же на них напали легкие египетские суда и потопили сразу 32 корабля. Вслед за этим в лагерь крестоносцев проник голод – самое страшное оружие. Подвоз продовольствия из Дамьетты был крайне затруднен – повсюду разъезжали конные отряды сарацин, и в крестоносном лагере наступила страшная дороговизна.

Как рассказывают современники тех событий, один бык стоил не менее 80 ливров, а баран или свинья – по 30 ливров. Вскоре положение французов стало бедственным – многие воины были ранены, а поправить здоровье им мешало отсутствие пищи. Чтобы избежать гибели, Людовик Святой решил отвести свои войска к Дамьетте, где располагался лагерь герцога Бургундского²³³.

Для обеспечения своего отхода Людовик IX попытался договориться с султаном, но Тураншах, уже прибывший в Египет и принявший командование армией, прекрасно осведомленный об истинном положении дел пилигримов, наотрез отказался от какихлибо переговоров. От безысходности 5 апреля французы и их союзники двинулись в обратный путь в полном окружении врагов. На следующий день вновь произошло сражение, в котором погиб магистр тамплиеров, получивший множество ранений.

Король находился впереди армии во главе отряда телохранителей и являл пример стойкости и мужества, но, не отличавшийся крепким здоровьем, заболел дизентерией. Однако ни за что не желал оставлять войско. «Отвага и выдержка короля, – писал один исследователь, – были выше всяких похвал». Он едва держался в седле и под конец дня потерял сознание. В довершение всех бед в спешке по чьейто ошибке забыли уничтожить сооруженный ранее понтонный мост, и теперь сарацины беспрепятственно перешли реку и бросились в погоню за крестоносцами²³⁴.

Королю становилось все хуже, раздавались даже голоса, что он не доживет до рассвета следующего дня. И потому пришлось срочно отправлять его в близлежащую деревню, Мунтьян АбуАбдаллах. А остальная армия стеклась к деревне Шаримши, где ее взяли в кольцо мусуль-

мане. Правда, пилигримы отбили все атаки сарацин, но тут некий гонец из числа французских сержантов по имени Марсель, подкупленный султаном, прибыл к латинянам и передал, будто король отдал приказ сложить оружие. Вслед за тем наступила очередь и короля – он оказался в плену вместе со своими товарищами! Капитуляцию подписал граф Филипп де Монфор, спасший короля и остатки армии ценой гибели всех раненых и больных пилигримов, которых оставили на верную смерть²³⁵.

Это была позорная, неслыханная ситуация – король Франции оказался в руках у турок. Помимо этого, сарадины захватили весь крестоносный флот, а также тысячи пленных. Не все из них имели счастливую судьбу: заболевших пилигримов египтяне безжалостно убивали на месте, а остальных пешком погнали в альМансуру. Там их партиями по 200—300 человек выводили на базарную площадь, принуждая принять Ислам; несогласных казнили тут же²³⁶.

Известия об этой катастрофе не сразу дошли до Европы, где все были убеждены в том, что Людовик IX захватил Египет. Когда первые гонцы прибыли в Париж со скорбными вестями, их сгоряча просто бросили в тюрьму, как распространителей ложных слухов. Но затем все подтвердилось. В отчаянии Римский епископ послал остальным монархам Европы и епископату письмо, в котором содержались следующие строки: «О, обманчивые страны Востока! О, Египет, царство мрака. Неужели ты сулил радостные новости в начале войны только для того, чтобы повергнуть нас в мрачную тьму и самому оставаться похороненным во тьме глубокой ночи?!»

Эффект от поражения крестоносцев был таков, что, по словам Матфея Парижского, в городах Италии многие разуверились (!). Но имела место и обратная реакция. Английское рыцарство возмутилось бездействием собственного короля, император Фридрих II отправил послов к султану с просьбой освободить Людовика IX, а король Кастилии Фернандо III Святой (1230—1252), несмотря на собственную войну с сарацинами, дал клятву отправиться на Восток для отмщения за погибших французских рыцарей²³⁷.

Ввиду бедственного положения супруга королевы Маргарите Прованской пришлось срочно приступить к переговорам о выкупе Людовика Святого, который тем временем находился под арестом в доме секретаря султана. За свое освобождение и выдачу пленных крестоносцев Людовик обещал султану вернуть Дамьетту и внести помимо этого еще 500 тысяч ливров. Тот требовал помимо этого Иерусалим, но король отвечал, что Святой город принадлежит не ему, а Конраду, сыну Фридриха II. Моментально после этих слов мусульмане отозвали свое требование. Явно насмехаясь над Людовиком, султан пообещал вернуть ему 100 тысяч ливров, вполне удовлетворяясь оставшейся суммой.

Для вызволения короля из Иерусалима прибыл латинский патриарх, но его участие никак не ускорило процесс переговоров. Венценосного крестоносца и его спутников держали в безобразных условиях, кормили червивой пищей и лишь на Пасху разрешили употребить яйца, окрашенные в разные цвета. В один из моментов всем крестоносцам, находившимся рядом с королем, казалось, что их ждет скорая и страшная смерть. Но 7 мая 1250 г. король и его товарищи были уже освобождены²³⁸.

Правда, самого султана в этот момент уже не было в живых. Своим поведением он настолько разозлил всемогущих мамелюков, что те, вступив в сговор с султаншей Шаджат адДурр, 2 мая, во время пира, умертвили правителя. Как говорят, сам Бейбарс лично прикончил несчастного Тураншаха, когда тот пытался спастись вплавь. Трое суток тело пролежало в воде, пока посол Багдадского халифа получил разрешение похоронить его по мусульманскому обряду. Ликующие заговорщики выбрали своим атабеком и регентом Египта Изз адДина Айбека (1250—1257), для легитимности женив его на Шаджат адДурр²³⁹.

В июне 1250 г. Людовик Святой прибыл в Акру, где был принят как настоящий герой. Несмотря на страшные потери и разочарования, он не желал оставлять Крестовый поход, хотя отослал Карла Анжуйского на родину. Все время пребывания в Акре благородный монарх упо-

треблял на то, чтобы выкупить из плена оставшихся крестоносцев. Вскоре к нему прибыли послы от Алеппского и Дамасского эмиров с предложением объединить усилия для войны с Египтом. Король отказался, ссылаясь на свой договор с султаном. Но тут же уведомил того о том, что в случае сохранения в сарацинском плену пленных рыцарей готов поддержать его врагов. Султан немедленно освободил 200 франков.

В своих мечтах Людовик Святой рисовал новый Крестовый поход, но им не суждено было сбыться по вполне объективным причинам. Испанский король скончался, а его преемник Альфонсо X (1252—1284) больше интересовался защитой собственной страны от африканских сарацин, чем далеким Египтом. Французский король активно агитировал на Кипре, Романии и Морее, но, несмотря на его титанические усилия, удалось собрать не более 700 рыцарей. Причем часть из них составляли те самые пилигримы, которых только что освободили из мусульманского плена. Нищие и раздетые, без средств к существованию, они не могли составить конкуренции сильным мамелюкам. Разумеется, с такой малочисленной и слабой армией не было никакой возможности начинать новую войну²⁴⁰.

Однако в это же время хрупкое единство мусульманского мира опять покрылось трещинами раздоров. Сирия отнюдь не горела желанием признавать над собой власть мамелюков – Айюбиды казались им гораздо ближе, а потому 9 июля 1250 г. Халебский эмир анНасир Юсуф оккупировал Дамаск, где его восторженно встретили как правнука прославленного Саладина. На этом фоне деятельность короля была далеко не безуспешной, хотя результаты носили, скорее, локальный характер. Еще в марте 1252 г. он, играя на противоречиях между Египтом и Дамаском, заключил союз с султаном Египта сроком на 15 лет, и в соответствии с его условиями сарацины освободили всех пленных пилигримов, включая и тех, кто попал в неволю еще раньше. К сожалению для Людовика IX, Багдадский халиф альМустасим (1242—1258) вскоре сумел примирить единоверцев. В результате сарацины, забыв о вражде, совместными усилиями овладели Сидоном, под рухнувшими стенами которого нашли свою гибель двенадцать сотен пилигримов.

Но вскоре Французский король нанес ответный удар. Введя строгую дисциплину, он вернул Сидон, захватил Баниас и чуть не овладел считавшейся неприступной крепостью Субейб. А на Пасху 12 апреля 1254 г. посвятил в рыцари Бальяна, сына Иоанна д'Ибелина, сеньора Арсуфа. Здесь же, проявляя благородство и деликатность, король подтвердил права внука уже покойного Фридриха II Гогенштауфена Конрада III (1254—1268) на титул Иерусалимского короля. Наконец, убедившись в бесполезности своих попыток освободить Святой город, король дал приказ готовить корабли к отплытию во Францию²⁴¹. 7й Крестовый поход завершился...

Как справедливо полагают, своим предприятием Людовик Святой вовлек христианский Восток в чудовищную военную катастрофу. И хотя его 4летнее пребывание в Акре во многом загладило провал основной военной операции, потери в людской силе так и остались невосполненными. Если Дамаск и Каир не продолжили свои походы на остатки земель пилигримов, то лишь из-за страха перед непобедимыми монголами, чье присутствие ощущалось все явственнее и ближе²⁴².

А что же наш герой? Используя выпавшую ему передышку, Никейский император приложил немало усилий для увеличения благосостояния своих подданных. Оставив себе столько земли, сколько необходимо для обеспечения царского стола, а также для содержания немощных и больных из государственной казны – не более того, св. Иоанн III раздал остальные имения никейцам. Он приказал делать запасы из урожая каждого года, а также разводить лошадей, коров, овец и свиней. Вскоре эти мероприятия обеспечили хороший достаток для всего населения. И когда у турок случился неурожай и его естественное следствие – голод, византийцы по высоким ценам продавали сельджукам продукты питания. Казна государства и частных лиц быстро наполнилась деньгами. Рассказывают, что, продав все яйца, которые понесли

его курицы, царь на вырученные деньги купил императрице корону с драгоценными камнями. Ее так и называли – «яичной короной».

Кроме того, заботясь о благосостоянии подданных, император категорически, под угрозой лишения звания и состояния, запретил никейцам приобретать дорогие иностранные ткани, на покупку которых уходили, как правило, большие деньги. Это больно ударило по венецианцам, формально сохранившим торговые привилегии, но, с другой стороны, лишенным рынка сбыта дорогих изделий в Никейской империи. Купцы Республики терпели громадные убытки, напротив, «пышность у римлян вошла в границы, и богатство потекло из дома в дом же»²⁴³.

Но достаток и новые завоевания во Фракии и Македонии являлись не главным; впереди у императора св. Иоанна III была высшая цель – Константинополь, ради достижения которой он мог пожертвовать многим. Хотя его дипломатические маневры вызывали законное недовольство Фридриха II Гогенштауфена, Никейский царь регулярно отправлял посольства в Рим. Поразительно, но царь сумел таки убедить папу Иннокентия IV в том, что помехой воссоединения Западной и Восточной церковью является не Никейское царство, а Латинская империя (!). Правда, потом понтифик разуверился в этих умозаключениях, но было поздно – в 1251 г. византийцы уже подступили к стенам Константинополя и начали осаду. В ответ Римский епископ направил осажденным латинянам послание, в котором обещал денежную помощь, если те выдержат осаду в течение 1 года.

К этому времени дипломатическая линия Германия – Никея несколько ослабла. Дела Конрада II (1250—1254), сына покойного Фридриха II Гогенштауфена, шли не очень хорошо, к тому же в апреле 1254 г. он скончался. А регент Манфред (1232—1266) при малолетнем короле Конраде III уже не имел возможности так стойко противостоять Риму, да и сам относился к грекам с нескрываемым подозрением²⁴⁴.

Ситуацию усугубил понтифик, направивший посланников в Венецию для организации нового Крестового похода. Однако Ватац тут же внес необходимые коррективы, чтобы отвести опасность от Никеи. Дипломатия царя, который «играл с Римской курией не хуже болгар», была понятна и близка византийскому священноначалию, поддерживавшему своего царя. В 1253 г. патриарх Мануил (1244—1255) направил папе послание, согласованное с царем. В нем он соглашался признать главенство понтифика в Кафолической Церкви, включить его имя в диптихи, присягнуть апостолику, подтвердить за папой право председательствовать на Вселенских Соборах и единолично высказываться по догматическим вопросам, если только такие суждения не будут противоречить древним канонам и общеустановленным догматам. Нет сомнений в том, что патриарх и император хорошо поняли друг друга: пусть понтифик вернет ромеям Константинополь, а уж потом будет видно, на какие уступки можно пойти, а на какие – нет.

В 1254 г. царь направил пышное посольство во главе с Арсением Авторианом, будущим Константинопольским патриархом, митрополитами Кизикским и Сардикским, в Рим. Выступая от имени всей Восточной церкви, св. Иоанн III соглашался признать примат Римского папы в Кафолической Церкви при условии немедленного удаления Латинского императора из Константинополя и передачи ему, Ватацу, древней византийской столицы. А также выдворения всех латинских священников из греческих земель²⁴⁵.

Конечно, Иннокентию IV не могли не понравиться подобные инициативы. Он ответил в том духе, что готов выступить в качестве посредника между св. Иоанном III и Балдуином II, а также обеспечить права Никейского императора по мере того, как тот начнет выполнять свои обещания. Это была большая дипломатическая победа – Римский папа добровольно и публично отказался от звания защитника Латинской империи²⁴⁶.

Как полагают, был даже подготовлен проект договора на этот счет. А примиряющая политика Ватаца привела к тому, что стал возможен новый Вселенский Собор, на котором мог бы

быть решен вопрос о примирении Церквей. К сожалению, ранняя смерть Иннокентия IV оборвала эту перспективу. А затем вмешались иные, трагичные обстоятельства²⁴⁷.

Согласно преданию, окончив дела в Македонии и Фракии, царь распустил войско по домам и возвращался в любимую им Nikeю. По дороге ему сделалось дурно – очень болела голова; некоторые даже думали, будто у св. Иоанна III открылась эпилепсия. Три дня он был недвижим, и только искусство врачей вернуло его к жизни. Почти год болезнь медленно одолевала закаленное тело царя-воина, причиняя ему нестерпимые боли. Наконец, 3 ноября 1254 г. св. Иоанн III Дука Ватац скончался. Похоронили императора в монастыре Спасителя в Созандрах, который они возвели с царицей Ириной близ Нимфеи, где находится резиденция дома Ласкарисов²⁴⁸.

Результаты многолетнего царствования св. Иоанна III Дуки Ватаца очевидны. Прекрасно ориентируясь в тонкостях дипломатических игр, чувствуя нюансы отношений между своими противниками и замечательно используя их, св. Иоанн III уберег Никейскую империю от многих неприятностей. Более того, император разгромил Фессалоникийское царство, смирил болгар, собрал под свое знамя большинство греческих земель – причем наиболее богатых и густонаселенных. Ватац полностью обессилил Латинскую империю, и как справедливо говорят, просто случайность, что он не овладел Константинополем.

Внутри государства василевс усмирил аристократию, навел порядок в финансах, причем без возложения на рядовых обывателей дополнительных тягот и налогов. Действительно, царь был несколько подозрителен – объяснимая черта характера для человека, в отношении которого дважды как минимум устраивали заговоры со стороны самых близких товарищей и даже родственников. Но при всем этом св. Иоанн III никого не отправил на эшафот ради подозрений, всегда считая необходимым устроить публичное судебное разбирательство и дать возможность подсудимому оправдаться.

Это был настоящий самодержец, «народный царь», воля которого являлась безусловной по всем вопросам. Он имел непререкаемый авторитет среди всех слоев населения, но никогда не злоупотреблял своим правом императора творить суд и закон²⁴⁹.

Как говорили, «мировой столп, который поднял власть ромеев на поднебесную высоту и сделал ее известной всем, покачнулся и разрушился. Упало высокое дерево с широкой кроной, которым осенялись все земли во вселенной. Погасло славное и светлое солнце, благодаря которому мы избежали камней преткновения, благодаря которому нам был приятен свет и при котором мы достойно совершали путь как днем»²⁵⁰.

Память о нем долго жила в Византии, а с его личностью в устных преданиях связывались многие чудотворения. Как рассказывают, спустя 50 лет, в 1307 г., когда турки начали наступление на границы воссозданной Византийской империи, местный правитель Агталиоты приказал перенести мощи св. Иоанна III в Магнезию. И, действительно, туркам не удалось взять штурмом этот город, что отнесли к заступничеству и помощи святого императора. «Призрак Ватаца» вносил сумятицу и страх в ряды турок, и позднее, когда город был все же взят, мстительные мусульмане сбросили мощи св. Иоанна III Дуки в овраг²⁵¹.

III. Император Феодор II Ласкарис (1254—1258)

Глава 1. «Певец царской власти» и византийский «просвещенный абсолютизм»

Новый Никейский император, Феодор II Ласкарис, сын св. Иоанна III Дуки Ватаца, вступил на престол в возрасте 33 лет, избранный после смерти отца на общем собрании войска и вельмож и поднятый на щит по старинному римскому обычаю. Интересно, что при жизни Ватац решительно не желал объявлять Феодора II своим соправителем, как это было обычно принято. На это имелись свои причины. Вопервых, обычная неспешность и вдумчивость мудрого царя, вовторых, более веские соображения. Своим приближенным св.

Иоанн III Ватац объяснял, что опасается, как бы после объявления сына соправителем к тому не прильнули молодые повесы, способные сбить царевича с праведного пути. Смирняя горячего сына – а это качество в Феодоре II отмечали практически все современники, св. Иоанн III Дука не спешил с решением. Однако при этом втайне сделал все для того, чтобы после его смерти Феодор II смог без каких-либо проблем стать новым царем²⁵².

Это было особой удачей, настоящим подарком судьбы, что Провидение сжалилось над Византией, послав подряд ей трех замечательных и энергичных государей династии Ласкаридов. Первый Ласкарис создал в Никее национальный центр, который смог не просто устоять в борьбе с болгарами и латинянами, но и сплотил вокруг себя практически всех греков. Святой Иоанн III Ватац нейтрализовал главные опасности и значительно расширил границы Никейского царства, по праву именуясь уже не Греческим, а Римским императором. А его сыну выпала доля укрепить основы самодержавной власти и создать предпосылки для преобразования Никейской империи.

Внешние враги боялись его ничуть не меньше предыдущих императоров. Некий анонимный историк XIII века так писал о нем: «Многие удивляются его несравненной любви к знанию и мудрости, другие – его искусству военачальника и храбрости, которыми он поразил всех своих врагов. И его соседи сельджуки пришли вместе со своим государем на поклон и с дарами. И даже Арабский князь прислал ему ценные дары. Иные, наконец, прославляют его за щедрость и великодушие»²⁵³.

Надо сказать, Феодор II Ласкарис был одним из самых образованных людей своего времени, к тому же неоднократно пробовал себя в гимнографии. В частности, его перу принадлежит Великий молебный канон Богородице «Колесницегонителя Фараона погрузи...», вошедший в славянские Октоих и Псалтирь с исследованием²⁵⁴. Им написано множество тропарей и ирмосов и подобраны музыкальные переливы, трогающие душу всякого верующего христианина. Любимые слова молитвы царя: «Кому, как не к Тебе, Пречистая, обратиться мне, погрязшему в грехах?», по справедливому замечанию одного историка, могут принадлежать только верующей и пламенной душе, которой, безусловно, обладал Ласкарис²⁵⁵.

Как отмечал современник Феодора II, он был рожден для того, чтобы стать царем. Хотя по глубокомыслию и благоразумию молодой император явно уступал отцу, зато отличался похвальной быстротой, великодушием и воинственностью. От матери он приобрел необыкновенную душевную щедрость и любовь к наукам, отличаясь высоким стилем и способностью к писательству. Достаточно сказать, что за свой короткий век император оставил большое количество сочинений философского, богословского, политического и риторического характера. Известность получили такие его труды, как трактаты против латинян, обширная работа «Восемь книг христианского богословия» и «Раскрытие космических явлений»²⁵⁶.

Благодения, которыми он одаривал своих подданных, буквально текли рекой, и никто не уходил от него, не получив какого-нибудь подарка. Ученые и поэты, философы и учителя, нищие и больные – все они становились объектами тщательного внимания со стороны василевса. Пожалуй, единственное, что угнетало самодержца, – слабое здоровье, окончательно расшатанное впоследствии тяготами государственного управления и сознанием высокой личной ответственности за судьбу отечества, съедавшей его изнутри. Император слишком близко принимал к сердцу любые неурядицы, отдавая всего себя без остатка для торжества собственных идеалов.

Благочестивый донельзя, как, наверное, уже не было «принято» в то время, император не пропускал ни одной Литургии, принимая в них самое деятельное участие. Каждый раз, когда нужно было идти на церковную службу в память того или иного святого, царь оставлял все дела и «сам совершал наилучшее служение празднуемому святому», оказывая бесчисленные благодеяния чтецам и клирикам.

Убежденный в том, что пышность императорского двора и лично Римского царя являются неперемненными атрибутами его власти, он не жалел денег на торжества – благо, государственная казна была полна. Вместе с тем «милостивый царь», как его звали в народе, был воспитан в строгих правилах и скромности.

Как рассказывают, еще на заре юности его отец заметил на сыне золотую одежду. Остановив его, св. Иоанн III Дука Ватац скорбно заметил: «Разве ты не знаешь, что эти золотошвейные сирские ткани вытканы из римской крови? И что их надо употребить только тогда, когда через это ты хочешь оказать пользу римлянам? Когда, например, нам представляются иностранные послы, мы, величаясь одеждой, даем знать иностранным дворам о богатстве римлян. Ведь богатство царя почитается богатством его подданных. И употребление его не для этой цели, а для порабощения себе других своих соотечественников достойно клятвенного отрицания. Ты не размышляешь, сколько делаешь вреда, употребляя одежду попусту». Конечно, такие уроки не проходят даром, и с тех пор Ласкарис не давал повода отцу сделать себе замечание²⁵⁷.

Набожный, но самостоятельный во всех государственных и церковных делах, он совершенно отодвинул епископат от управления Никейской империей, закрыв тему «восточного папизма» в годы своего царствования. Его финансы были в полном порядке, причем без наложения на греков новых повинностей, и Ласкарис всегда располагал полной казной для реализации собственных замыслов. Фанат армии, он мечтал создать национальные вооруженные силы и многое сделал для этого. Но попрежнему с охотой использовал наемников. Кроме того, царь организовал милиционные части, охранявшие восточные границы от сельджуков и татар. «В некоторых отношениях он возвысился над византийской рутинной еще более своих великих предшественников», – справедливо писал о нем один исследователь²⁵⁸.

Василевс был настоящим певцом царской власти, прекрасно чувствуя свою ответственность перед Богом и людьми. Интересна переписка императора со знаменитым монахом Влеммидом, одним из самых образованных людей современности, в ходе которой раскрылась идея царской власти в редакции Феодора II Ласкариса. Когда Влеммид обвинил Ласкариса в гонениях, устроенных им на аристократов, тот отвечал: «Удел царя – защищать государство от врагов. Нужно выбирать между интересами государства и разумной справедливостью, с одной стороны, и мотивами человеколюбия, с другой. Ты настаиваешь, чтобы царская справедливость уступала неразумным обладателям власти, дарованной им разумно моим родителем. Деятельность его имела целью истинное познание интересов родины и справедливый суд в отношении подданных».

Возражая на упрёки в сребролюбии, василевс отвечал: «Разве на излишние расходы требуем мы золота? Тратим ли его на охоту, на пиры, на неумеренные попойки, на беспутную невоздержанность или на ненавистные новшества? Какая существует для нас забава или

высшее занятие? Мы во цвете лет состарились душой. На восходе солнца, проснувшись, мы посвящаем свои заботы солдатам, а когда солнце поднимается – более высокому делу, приему послов. Далее мы делаем смотр войскам, в полдень – рассмотрение текущих дел по гражданскому управлению, и мы едем на лошади разбирать тяжбы лиц, не имеющих доступа внутрь дворцовых ворот. Когда солнце склонится к закату, я исполняю решения склоненных предомной вельмож и утверждаю представленные приговоры. На закате же, так как душа связана с материей, должен я естественно вкушать пищи, и тогда не переставая говорить о нашем уделе. А когда солнце уйдет за берега океана, мы печемся о делах, касающихся походов и снаряжений. Что праздное мы делаем? За что бранят нас? Мы бодрствуем и благодарим Бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих. Вражья сила бушует, и народы ополчаются на нас. А кто поможет нам? Иконийский султан поможет эллину? Итальянец особенно неистовствует, болгарин тоже самым очевидным образом, а серб угнетается и унывает – он то наш, то не наш. Только эллинский народ сам себе поможет, обходясь собственными средствами. Решимся ли мы урезать войско или средства на его содержание? В обоих случаях мы лишь поможем врагам»²⁵⁹.

Главную задачу царя Ласкарис сформулировал следующим образом: «У меня одна истина, одна цель, одно стремление – всегда собирать Божье стадо и охранять его от враждебных волков»²⁶⁰. Император Феодор II был необычайно строг при определении обязательных добродетелей и качеств царей. По примеру Платона он считал оптимальным, чтобы над обществом царствовал царь-философ и царь-полководец, но сам же отмечал, что это – идиллия. Как правило, отмечал император, цари находятся в рабстве своих страстей и творят многие несправедливости. Однако когда они подпадают под влияние народа или аристократии, положение дел в государстве становится еще более плачевным. Образцом царя, по мнению Ласкариса, являлись Моисей и Иисус Навин, отличавшиеся богобоязненностью, мужеством, справедливостью и ревностью о судьбе своего народа. В итоге Феодор II Ласкарис полагал, что царь должен стремиться во всем соответствовать Богу, от Которого и получил свою власть²⁶¹. Согласимся – высочайшие требования!

Но, к сожалению, в нем присутствовали и дурные качества – Феодор II Ласкарис немедленно рубил сплеча, когда, как ему казалось, возникла опасность для императорского достоинства. Кроме того, он иногда бывал несдержанным по отношению к своим приближенным и грубым. Как мы вскоре увидим, его решительность, твердость и горячность, помноженные на идейный категоризм, в скором времени породят явления, едва ли украшающие светлый образ царя.

Еще одна немаловажная особенность – Ласкарис, воспитанный на Аристотеле и произведениях классических греческих философов, стал глашатаем эллинизма. Не случайно в предыдущем отрывке встретился термин «эллин» и «эллинский» народ. Как отмечают исследователи, у него был исключительный энтузиазм возрождения национальной эллинской культуры. Все это не было, разумеется, случайностью: Восточная церковь еще раньше приняла наименование «Греческой церкви», а теперь «римляне», ромеи, сменились «эллинами». И хотя эти термины еще не стали общепризнанными, тенденция отказа от имперских ценностей и лексики совершенно очевидна.

Почему это произошло? Византийцы времен Никейской империи не могли не отдавать себе отчет в том, что не они одни являются «римлянами». И что на Западе живут такие же «римляне», как и они сами. А потому возрождение народного духа стало возможным, по их мнению, исключительно за счет реставрации эллинизма²⁶². Поэтому в глазах Феодора II и многих его современников интеллектуалов перерождение и обновление Византии должно случиться не под знаменем обезличенного в национальном отношении «ромейства», но исключительно под влиянием античного национального эллинизма.

Император любил греческий язык «более дневного света», распространяя эллинское образование и просвещение самыми разнообразными способами. Византийская империя как бы осталась прежней. Но теперь вместо политикоправового понятия «римлянин» основой государственности стала этническая категория «грек». И если ранее «эллин» обозначал язычника, нехристианина, то теперь это слово получило положительное содержание, как антитеза европейскому бескультурью и «западноримскому» духу, с которым греки как раз боролись.

Процесс эллинизации совпал с бурным ростом религиозного патриотизма – Православие стало для византийцев смыслом жизни и буквой повседневного закона. В общих чертах этот процесс понятен: в Никею эмигрировало духовенство, спасшееся из Константинополя; здесь создались богословская и философская академии. «Обращение к старым традициям, сознательно противопоставлявшимся ненавистной латинской культуре, было не только естественным, но и в какойто мере неизбежным», – справедливо сказал один автор. Возрождение национального самосознания играло виднейшую роль и проявлялось повсеместно: в политическом, культурном и религиозном планах. Никейская империя признавала себя православной в противоположность латинскому Западу. Различие между культурнополитической жизнью и религиозной фактически исчезли. Носителем религиозной идеи стала Восточная Церковь. Именно она сумела сохранить свое монолитное единство в трагический для Византии момент. И борьба с Западом и латинянами была не только национальной и культурной, но в первую очередь религиозной задачей.

Неудивительно, что для Ласкариса просвещение стало национальным проектом, и при Никейском дворе преклонение перед античным прошлым стало обычным делом, своего рода «правилом хорошего тона». В своем произведении «Похвала мудрости» Феодор II отмечал, что наука делает человека разумным и доводит до Бога. Основа мудрости – боязнь Бога; а, уча добродетели, мудрость сама становится основой добродетели. Лишь тот, кто познает науку до конца, владеет добродетелью, а невежда остается рабом страстей и заблуждений. В другом трактате, «Об общении природных сил», василевс обосновывал тот вывод, что образование для человека то же самое, что форма для материи. Иначе говоря, образование – вторая, высшая природа человеческой личности²⁶³.

При Феодоре II Ласкарисе, как никогда ранее, открылось множество школ и собрался широкий круг ученых мужей, с которыми император коротал редкие свободные минуты. Он очень любил обсуждать такие вопросы, как организация школьного дела, учебные программы и задачи обучения. В одном из своих писем василевс писал: «Ничто другое так не радует душу садовника, как видеть свой луг в полном цвету. Если же он по красивому и цветущему саду судит о цветении растений, то на основании этого может предположить, что в свое время будет наслаждаться плодами приятности и красоты. Хотя я страшно охвачен страшным недугом изза предводительских обязанностей, в то время как мой ум отвлекался в разные стороны восстаниями, битвами, противодействиями, сопротивлениями, хитростями, переменами, угрозами, тем не менее, мы никогда не удаляли нашей главной мысли от красоты луга умственного»²⁶⁴.

При Ласкарисе Византийская империя начала утрачивать свои вселенские черты, перерастая в национальное государство, сохранявшее, тем не менее, при этом имперские формы и традиции. Наверное, для крепости государственных устоев Никейской империи это было полезно и объективно необходимо. Но для традиционной Византии такое положение дел было, конечно, неприемлемо. Оно являлось первым предвестником скорой смерти тысячелетнего римского духа.

Феодор II Ласкарис искренне полагал, что причина крушения Византии в 1204 г. заключалась в забвении национальных основ, растворении титульной нации и размывании древней эллинской культуры. А также потому, что царская власть была недостаточно самодержавной. Теперь эти ошибки нужно было исправлять. Преобразование государства, по мнению императора, мыслимо лишь на основе крупных и широкомасштабных культурных и социальнопо-

литических преобразований. Ласкарис мечтал создать «национальную народную монархию», а не восстанавливать аристократическую Империю времен Дук или Ангелов.

А это было далеко не простым делом, если учесть, что в Никейской империи роль провинциальной аристократии, владевшей громадными земельными наделами, была чрезвычайно велика. Феодалные тенденции, проявлявшиеся еще при Ангелах, в силу ослабления государства и царской власти необычайно окрепли. Отдавал себе отчет в опасности такого положения дел еще св. Иоанн III Дука Ватац, делавший ставку на «средних» землевладельцев. Теперь же Феодору II со своей идеей «просвещенного абсолютизма» предстояло довести его дело до логического конца, невзирая на сопротивление никейских феодалов, с которыми он вступил в жесткую конфронтацию²⁶⁵.

Глава 2. «Мы во цвете лет состарились душой»

После торжественных похорон отца молодой император сразу же отправился в Никею, где первым делом озабочился избранием нового «Константинопольского» патриарха. Собралось до 40 архиереев, и возник горячий спор о предстоятеле Восточной церкви. Некоторые предлагали избрать патриархом Влеммида, монаха, известного своей ученостью и твердостью характера – именно он в свое время не допустил царскую пессию в храм, обвинив ее в блуде. Но, как говорят, против него активно высказывались многие епископы. Вероятно, и сам василевс втайне побаивался образованного и слишком самостоятельного монаха, предпочитая видеть его в качестве мыслителя, но не высшего церковного иерарха.

Когда ситуация зашла в тупик, царь предложил решить вопрос жребием. Брали Евангелие и наугад открывали страницы. Некоторым кандидатам попадались слова «потонули», другим – «им не удастся», наконец, монаху Арсению из обители у Апполониадского озера, выпали слова «Он и Его ученики». Все посчитали это добрым знаком, и новый «Вселенский патриарх» Арсений (1254—1260, 1261—1264) после утверждения Ласкарисом результатов выборов вступил на вдовствующий престол. Нет сомнений в том, что это была креатура царя, поскольку ни образованностью, ни иными заслугами Арсений не мог составлять конкуренции монарху – идеальный типаж патриарха, по мнению Феодора II. За одну неделю Арсений был посвящен в диаконы, пресвитеры и патриархи. И уже на Рождество 1254 г. он венчал Феодора II на царство²⁶⁶.

Однако василевсу не удалось заняться мирным строительством. Вскоре взбунтовали болгары, считавшие, что после смерти страшного для них св. Иоанна III Ватаца им нечего бояться. С ними скооперировался Фессалоникийский правитель Михаил, решивший отложиться от Никеи. Но Феодор II все делал обдуманно, не торопясь. Вначале он пролонгировал договор с турками и только после этого обратил свой взор на Запад. Ласкарис созвал совет, на который были приглашены его дядя – Михаил и Мануил Ласкарисы, которых царственный племянник только что возвратил из ссылки. Опасаясь неудачи, робкие и нерешительные, они предложили Феодору II не спешить с походом. Напротив, сверстник и близкий товарищ императора Георгий Музалон рекомендовал немедленно отправиться в поход; и оказался прав. Никейское войско нанесло болгарам под Адрианополем тяжелое поражение, их царь Михаил II Асень (1246—1256) бежал, а византийцы попутно захватили Охриду, Родопы и Старую Загору (Веррию).

Не менее эффектно разобрались и с Фессалией. Поняв, что его дело безнадежно, изменник Михаил Фессалоникийский отправил к императору свою жену, которая выпросила дочь царя Марию в жены своему сыну Никифору, а также возвратила Ласкарису все, что ранее было захвачено фессалоникийцами²⁶⁷. Император согласился простить мятежника, но потребовал сверх того Диррахий и Сервию; его условия были, конечно, приняты²⁶⁸.

Несмотря на успех византийской армии, некоторые военачальники, недовольные строгой дисциплиной, установленной императором, отказались подчиняться ему – в частности, Стратигопул и Торник, родственники семьи Палеологов. Испугавшись трудностей зимней войны, они отозвали войска и попытались вернуться в Малую Азию. Узнав об этом, император в гнев потребовал от них вернуться туда, откуда пришли, и продолжать войну²⁶⁹.

Пока шли эти странные «маневры», начальник меленикского войска Драгота, этнический болгарин, поднял мятеж и осадил крепость Мельник в Родопах, которую защищали Феодор Нестонг и Иоанн Ангел. Они мужественно сопротивлялись бунтовщикам, но недостаток воды вынудил их в скором времени сдать город. Феодору II Ласкарису пришлось проявить всю свою энергию, чтобы сломить сопротивление восставших и спасти героический гарнизон. В течение всего 10 дней он перевел армию из Адрианополя в Серес и разбил врагов в ночном сражении. Сам Драгота был ранен под копытами коней отступавших солдат и через 3 дня скончался²⁷⁰. В этот момент царь тяжело заболел какойто эпидемической болезнью и был вынужден оставаться до полного выздоровления у Водены.

Затем император перешел в Македонию, занял Водену, Велес и Прилеп, но потом едва не погубил все войско, решив зимой штурмовать крепость Чепена в Родопах, господствующую над дорогой из Филиппополя в Македонию. В суровых условиях, почти без продовольствия, сумев удержать армию в порядке, он продолжил военные действия, но потом все же отступил к Стенимаху, а весной повторил попытку. К несчастью, и она оказалась безуспешной. Тогда василевс вернулся в Малую Азию, категорично запретив своим полководцам, которых он оставил в Болгарии, вести без него военные действия.

В Никее царь продолжил политику своего отца, повсеместно вытесняя из государственного управления знатных аристократов и заменяя их верными служаками из простых семей. Знатного протовестиария Алексея Рауля он отстранил от должности и назначил на его место верного Георгия Музалона, даровав любимцу титул протовестиария и женив на девице из семьи Кантакузенов, родственников Палеологов²⁷¹.

Должности строевых игеменов получили такие «выросшие на ячменном хлебе напополам с мякиной» лица, как Мануил Ласкарис и Константин Маргарит. Вскоре Георгий Музалон, которого царь любил больше всех, стал протосевастом, его брат Андроник – великим доместиком, Иоанн Ангел – протостратором, Карионит – протовестиарием. Аристократия была крайне недовольна этими назначениями, но царь проигнорировал ее протесты, изза чего вскоре открылось настоящее противостояние между царской властью и самыми знатными семьями Никейской империи, лидерами которых являлись Палеологи²⁷².

Видимо, в эту минуту сказался горячий нрав Феодора II Ласкариса, не привыкшего смотреть на какое бы то ни было посягательство на свою власть, сколь иллюзорным оно ни казалось. Вместе с тем очевидно также, ему пришлось столкнуться реальными поползновениями на прерогативы царя. Получив соответствующие сведения о намечающемся заговоре, император приказал ослепить знатных аристократов – Константина, сына Алексея Стратигопула, Феодора Филеса и некоторых других вельмож²⁷³.

Сам Алексей Стратигопул, позднее ставший героем Византии, томился в тюрьме. Рядом с ним ожидал своей смерти будущий император Михаил Палеолог. Начальнику царской канцелярии Алиату отрезали язык, а паракимомен Загароммати был пострижен в монахи вместе с Торником, родственником Палеологов. Поскольку семейство Палеологов вызывало особую неприязнь и страх у Феодора II Ласкариса, он однажды под влиянием не самых нравственных мотивов приказал выдать замуж за старика, не способного к супружеской жизни, девицу Феодору, уже обрученную племянницу Михаила Палеолога. Затем ее обвинили в колдовстве и посадили в мешок, полный голодных куниц. В результате девушка приняла страшную смерть²⁷⁴.

Конечно, эти страницы ничуть не украшают биографию нашего героя, но вместе с тем едва ли подобные наказания носили массовый характер – летописцы не оставили каких-либо широких проскрипционных списков. Повидимому, устранялись отдельные подозрительные фигуры, хотя и здесь не обошлось без ошибок. Кроме того, все приговоры санкционировал «Вселенский патриарх» Арсений – верное свидетельство тому, что царской власти действительно угрожали, и не раз²⁷⁵.

Внутренние угрозы царской власти сочетались с внешними опасностями Никейскому государству. Весной 1256 г. Болгарский царь Михаил II Асень вторгся во Фракию и разбил Мануила Ласкариса, послушавшегося приказа василевса, причем в плен попали многие видные греческие военачальники. Получив об этом известия, царь за один день сделал переход длиной 400 стадий и прибыл с войском к Болгарофигу (БабаЭски). Болгары частично были разбиты, частично бежали в панике, едва завидев императорский штандарт. Болгарский царь немедленно запросил мира и получил его в обмен на крепость Чепены.

Могущество Никейской империи вызывало уже не просто уважение, а страх. Римский папа Александр IV (1254—1261), озабоченный спасением Латинской империи и заключением соглашения с Феодором II Ласкарисом, направил к нему в 1256 г. своего легата. Тому были даны инструкции согласиться на условия унии, которые ранее предлагал Римскому папе Иннокентию IV император св. Иоанн III Дука Ватац. За это апостолик предлагал свое посредничество между Никейским и Латинским императорами. Более того, обещал папа, если вдруг Балдуин II заупрямится, то он сам готов обеспечить удовлетворение всех требований Никейского императора. Попутно понтифик предлагал вынести вопрос о статусе Восточного патриарха на Вселенский Собор, разрешая вековой спор о полномочиях Константинопольского архиерея и Римского папы и их местах в иерархии священноначалия. Но тут же оговаривался, что лично готов признать Арсения патриархом сразу после взятия греками Константинополя.

Однако теперь Ласкарис мог позволить себе сбросить с лица маску, которую временами надевали его предшественники. Он был абсолютно убежден в том, что и без содействия папы Латинская империя вскоре падет. Единственным союзником латинянам в Константинополе традиционно считался Французский король. Но как раз в это время король Людовик IX Святой отходил от сарацинского плена и унижений бго Крестового похода и ему явно было не до пилигримов. Кроме того, Никейский царь был прекрасно информирован о том, что все поездки Балдуина II по дворам европейских государей ничего, кроме небольших денежных вспомоществований, ему не принесли.

Предложения понтифика не произвели на Феодора II никакого впечатления. И папского легата просто не пустили в Никею (!), уведомив еще в Македонии о том, что царь не намерен вести с ним переговоры. Затем Ласкарис направил письмо понтифику, в котором категорично отверг идею подчинения Греческой церкви Риму и предложил подумать о воссоединении Церквей путем взаимных уступок и компромиссов. По примеру императора св. Юстиниана I Великого, который являлся для василевса образцом для подражания, Феодор II Ласкарис соглашался созвать Вселенский Собор. Но, конечно, не для обсуждения прерогатив Константинопольского патриарха, а для урегулирования догматических и обрядовых разногласий. И только при обязательном условии своего председательства на нем.

«Но обрати внимание и вот на что, священнейший человеце, – пишет император. – Из столь многих бывших Соборов, на которых сходились все архиерейски председательствующие в церквах, ни один Собор не произошел по повелению когонибудь из таковых архиереев: ни блаженнейшего папы старейшего Рима, ни патриарха Константинопольского, ни папы Александрийского, ни Иерусалимского, ни иного кого, но все Соборы собирались по царским повелениям. Ибо царь был имеющим власть их созыва, и без царского приказа ничего такого не совершалось. Ведь и издержки делались царем. И созыв, и собрание в нужном месте и, еще важнее, то, что когда освященные разногласили о догматах, кто кроме самого царя мог бы отли-

чить глаголющих истину? Ибо он сидел среди них с избранными сенаторами и выдающимися чиновниками, и они выносили суждение, вроде: “Эти говорят истину, а те расположены противно истине”. Случалось, что и царь, причастный образованности, сам по себе познавал того, кто истинствует. Если же царь был не таковой, недостаток восполнялся изрядными мужами из сенаторов. Ибо без такового судии и различителя, который нес силу начальства и был препоясан мощью власти, как возможно было бы одних принимать как мыслящих истину, а других отсылать осужденными как еретичествовавших и истину не догматствующих? Ибо он был царем не более тех, чем этих; царь существует равно для всех и равно всеми и именуется, и чтится, и с равным расположением относится ко всем. Пусть не боятся единоплеменничества или иноязычия. Царь не угождает в большей степени единоплеменным, но он ко всем равен и подобным образом расположен ко всем подчиненным и есть судия истины и отличитель акривии. Ибо некогда еретичествовавших грекоязычных царь, будучи им единоплеменным, осуждал как еретиков и высылал, и иноязычных, исповедующих истину, принимал, и наоборот. Так что и вновь, если необходимо созвать Собор для исследования истины, должно быть так, и царскими указами сойтись в том месте, где он прикажет, так что и средства туда будут собираться, и все необходимое. И царь воссядет посреди, чтобы по старому тому обыкновению рассуживать говорящих. Если сие так произойдет, истина, наверное, будет легчайше установлена силой лучшего, и ложь отражена благодатью Духа. Ибо иначе не может произойти исправления мнения»²⁷⁶.

Папа Александр IV не являлся прирожденным дипломатом, а потому, получив такое письмо, категорически отказался от дальнейших переговоров. Хотя, очевидно, император занимал более традиционную позицию²⁷⁷.

Помимо уже известных по предыдущим векам двигателей истории в это время все активнее проявлял себя новый народ, о котором писалось выше, – монголотатары. После смерти 11 декабря 1241 г. Великого хана Угедея регентство в империи монголов получила его вдова Туракинехатум (1242—1246), чей сын Гуюк (1246—1248) был возведен на ханский трон курултаем (24 августа 1246 г.).

Как и многие лица из числа монгольской высшей аристократии, хан Гуюк открыто благоволил несторианцам, которые нередко служили мессу прямо напротив его шатра. Более того, все его главные министры, советник Хадак и канцлер Чинкай также являлись несторианами. Более того, принадлежность верхушки монгольской аристократии к христианству становилась фактором, существенно влияющим на самые сложные политические вопросы. В частности, король Киликийской Армении Хетум I (1226—1270) направил в 1248 г. к хану послом своего брата, признал себя вассалом Великого хана, заключил договор и был освобожден от всех податей и дани. «Восточные христиане, – писал он, – стали под покровительство Великого хана, который принял их с великой честью и объявил, что запрещает чинить им обиды».

В ближайшее время союзниками вассалами татар стали христиане Ближнего Востока, ассирийцы и греки, видевшие в них своих освободителей, а также князь Антиохии Боэмунд VI (1251—1275). Более того, при монголах резко упрочили свои позиции христиане Грузии, также ставшие верными вассалами Великого хана²⁷⁸.

Однако, как выяснилось, религиозная толерантность, в целом присущая монголам, не мешала Гуюку оставаться настоящим Чингизидом и мечтать о завоевании всего мира. По счастью для Европы, в скором времени хан вступил в борьбу с родственниками боковых ветвей, в действиях которых небезосновательно замечал сепаратистские мотивы. Выступив против них в поход, Великий хан внезапно умер в возрасте 43 лет 24 апреля 1248 г. – полагают, что его организм, истощенный частым возлиянием алкоголя и женщинами, просто не выдержал физических нагрузок²⁷⁹.

Здесь вполне уместно открыть ответ на вопрос, почему христианство было столь широко распространено среди монгольской элиты? А дело заключается в том, что некогда гонимые официальными властями Византии, несториане устремились на Восток, в земли, где еще не

закрепился Ислам. Монголы и подчиненные им тюркские народы, пребывавшие в язычестве, оказались чрезвычайно податливыми влиянию несторианских миссионеров. Кроме того, позднее, в походах на Запад, монголы взяли в плен множество ремесленников христиан из Руси и стран Западной Европы. И, будучи весьма толерантными, быстро поддались прямому или косвенному миссионерству с их стороны.

Поэтому не удивительно, что среди монголотатарской знати было много христиан, в становищах отстраивались храмы, звонили колокола, стояли кресты. Причем среди монголотатар оказались не только несториане, но и ортодоксальные христиане, число которых быстро пополнилось за счет захваченных русских пленных, перешедших на татарскую службу. Правда, при этом среди монголов уже было довольно много мусульман и буддистов.

При всем том не только толерантность, но и врожденное любопытство заставляли монголов выяснить для себя далеко немаловажный вопрос: какая вера лучше? В мае 1254 г. Великий хан даже организовал диспут между послом Французского короля францисканским монахом Гийомом (Вильгельмом) де Рубруком, буддистами и мусульманами. Но ничего путного из этого не получилось: мусульмане цитировали Коран, буддисты медитировали, монах безуспешно рассуждал о Боге. Закончилось в традиционном для монголов духе: все участники и зрители перепились и завершили диспут уверениями о всеобщей и вечной дружбе²⁸⁰.

Тем не менее связь христиан с монгольской верхушкой укреплялась. В скором времени католикос несторианцев и другие клирики стали видными лицами среди монголов. Они располагали целыми селениями, доходы с которых шли на их содержание, монастыри и духовные школы. А попутно умело действовали через членов ханской семьи, всегда готовых защитить католикоса в случае опасности. К чести несторианцев, они всегда охотно поддерживали представителей других ветвей христианства, если тем угрожала опасность. Однако неопределенность и резкие колебания в отношениях с ханским дворцом создавали для христиан постоянную тревогу²⁸¹.

Разумеется, Римская курия также не могла остаться в стороне от дипломатических сношений с Великим ханом, однако, в силу субъективных обстоятельств, они получили далеко не позитивный характер. В 1242 г. понтифик направил к Чормагану посольство, однако к тому времени тот вследствие инсульта был парализован и вынужден был оставить свой пост. Впрочем, и его преемник испытывал самые добрые чувства к христианам — до приезда папского посольства, возглавляемого неким доминиканцем Асцелином. На свою беду, доминиканец решил присоединиться к ним своему собрату по ордену Гишару Кремонтскому, с которым вместе прибыли в ставку полководца Байджу (1201—1260), наместника Великого хана в Малой Азии, Азербайджане и Закавказье.

Не обладая дипломатическими талантами, Гишар без обиняков потребовал (!) от монгольского военачальника прекратить убийства мирных жителей во время войны и подчиниться Римскому епископу. В довершение всего он категорически отказался выполнять монгольский этикет и трижды поклониться в ноги монгольскому военачальнику. Конечно же, эти дипломатические гримасы могли родить в душе у Байджу только желание немедленно казнить все посольство целиком. По счастью, в эти же дни к нему прибыл специальный посланец Великого хана Элджигитай, который сумел микшировать скандал. В результате посланец отвез Великому хану Гуюку донесение от Байджу, которое трансформировалось позднее в официальный ответ Римскому папе. Разумеется, кроме желания поставить его на место и четко указать, кто является владыкой Вселенной, в нем ничего не было²⁸².

Несмотря на первую неудачу, между Римским престолом и татарами все же завязалась активная переписка, хотя и с вполне прогнозируемым результатом. Так, папское посольство, которое возглавлял монах кордильер Джованни дель Плано Карпини, прибывшее в ставку Великого хана еще 22 июля 1246 г., было удостоено высокой аудиенции. Однако ответ хана едва ли мог понравиться понтифику. Ссылаясь на «божественное право», монгол заявил, что

является единственным властителем мира, а потому угрожающим тоном требовал от апостолика и всех христианских государей явиться в его ставку для принесения вассальной присяги.

Сходная ситуация возникла два года спустя, когда 14 декабря 1248 г. к Французскому королю Людовику IX Святому, пребывавшему на Кипре, явилось посольство хана Хулагу (1217—1265), другого внука Чингизхана – о нем речь пойдет ниже. Послы предложили королю союз против турок, поскольку собирались вторгнуться на земли Багдадского халифата. Но это, так сказать, на текущий момент. А в целом монголотатары описали перспективы захвата всего мира под главенством хана Хулагу, который также являлся несторианином по вероисповеданию.

Послы поведали, что его старшая жена Докузхатум, весьма влиятельная женщина, христианка и покровительствует Церкви. Несторианином являлся и один из самых удачливых полководцев Хулагу Найман Китбука, с которым мы вскоре встретимся еще раз. Хан передал, что очень надеялся при помощи Людовика IX и в союзе с ним обратить в христианство всех монголов (!). В этих словах не было ни бравады, ни лжи – хан и его жена слыли благочестивыми людьми и добрыми христианами. Как сказал современник тех событий, «Бог знает, были ли они (т.е. хан и его супруга. – А.В.) по благочестию ниже св. Константина Великого и его матери Елены»²⁸³.

Если бы Французский король отдал себе отчет о грядущих перспективах, он не стал бы легкомысленно относиться к предложению Хулагу. К сожалению, король не видел будущего у этого союза, ответил неопределенно и всего лишь направил к Великому хану обратное посольство, подарив тому чаши, литургические украшения и шатер в виде часовни, изготовленный из тонкой ткани. Увы, возможность систематической и последовательной христианизации монголов была упущена, что вскоре повлечет за собой новые неисчислимые бедствия для всех участников исторического процесса тех седых веков²⁸⁴.

Сходная картина разыгралась и позднее, когда посол Римского епископа прибыл к новому Великому хану Мункэ (1251—1259), наследовавшему хану Гаюку. Верховный вождь без обиняков спросил, кто является властителем Западного мира, и получил ответ: Римский епископ и император. Разумеется, с точки зрения монгола, второй был явно лишним. Поэтому он отправил апостолику обратное письмо, в котором величал себя «крепостью Божьей», «повелителем всех людей», а папе оставил титул «великий». Хан подтвердил свое желание заключить мирный договор с Западом при условии, что апостолик и король придут к нему в ставку для того, чтобы признать над собой его власть. Однако, помимо прочего, это подразумевало закамуфлированную просьбу принять татар под папский омофор – важная деталь, которую Римская курия не разглядела²⁸⁵.

Это был бы в буквальном смысле слова исторический союз, способный резко изменить жизнь сразу нескольких континентов. Ведь в самом скором времени выяснилось, что монголы всерьез решили подчинить себе Халифат, на что имелись не только военные причины. Помимо христиан среди подданных Великого хана было уже так много мусульман, что сам собой встал вопрос о подчинении ему и главных религиозных институтов мусульманского мира.

Татары не испытывали особой враждебности к представителям Ислама, но и не собирались расставаться со своими политическими принципами в угоду субъективных чувств. Точно так же предложив вернуть Иерусалим христианам, они последовательно предполагали, что этому будет предшествовать вассальная присяга с их стороны. Не удивительно, что пилигримы Леванта не спешили следовать примеру Боэмунда VI. Их многовековые враги турки казались франкам более привычными и понятными, чем малоизвестный дикий народ, взявшийся ниоткуда и творящий страшные зверства на своем пути²⁸⁶.

В это же время хан Хулагу, получивший в 1251 г. от Мункэ в правление Иран при условии уничтожения исмаилитов и захвата Багдада, был занят как раз подготовкой к новым походам. Уже в 1253 г., был организован так называемый «Желтый Крестовый поход», направленный

против исмаилитов-нizarитов (или ассасинов). Как всегда, монголы действовали чрезвычайно умело и организованно: дороги через Туркестан и Персию были приведены в порядок, у местного населения реквизированы телеги и кони, пастбища освобождены от стад, чтобы монгольским лошадям хватило травы. Все племена Монгольской империи должны были прислать пятую часть своих боеспособных воинов. В состав экспедиционной армии вошли отряды от Батухана, возглавляемые тремя его племянниками, а также 1 тысяча китайских лучников. Поход завершился полной победой монголотатар, подчинивших себе ассасинов и взявших все три оплота этого племени.

Затем с войском выступил и полководец Байджу, получивший от Хулагу приказ оставить Муган и переместиться на равнину Малой Азии. Как полагают, у Байджу не было намерения начать новую войну, скорее – наглядно показать, кому принадлежат эти территории. Но сторонники сопротивления под руководством Изз ад-Дина Кей-Кавуса II, собравшего всех под своей рукой, попытались остановить монголов. Любопытно, что среди них оказался и Михаил Палеолог, будущий Византийский император, скрывавшийся в то время от царского гнева у сельджуков. В битве у Аксарая удача сопутствовала татарам, которые вслед за тем заняли и Конью²⁸⁷.

Чуть позднее пришел черед халифа. 11 января 1258 г. в битве у Анбара армия духовного вождя правоверных чуть ли не в полном составе погибла под татарскими мечами и стрелами. А 10 февраля 1258 г. пал Багдад, халиф которого аль-Мустасим (1242—1258) самонадеянно отказался сдать город татарам. На грозное предупреждение: «Берегись вступать в войну против нашего Знамени!» – халиф высокомерно ответил: «О юноша, едва вступивший в жизнь, который в опьянении десятидневного процветания считает себя выше целого мира, известно ли тебе, что от Востока до Магриба все, чтящие Аллаха, от царей до нищих, все являются рабами этого двора и что я могу приказать им соединиться?» Однако Айюбиды Сирии и Египта, напуганные монголами, даже не пошевелили пальцем, чтобы спасти своего «мусульманского папу»²⁸⁸.

Как всегда, реакция победителей была ужасной: почти всех жителей Багдада перебили, при этом особенно свирепствовали грузинские войска, решившие излить свою месть до конца. Лишь некоторым счастливицам удалось избежать смерти, но их всех ждало рабство. Хан получил гигантские сокровища, которые халифы Аббасиды собирали почти 5 веков. В городе оставили бывшего визиря Мувайяда, за которым тем не менее должны были приглядывать монгольские чиновники. Примечательно, что патриарх-несторианин Макика получил от хана богатые дары и бывший дворец халифа в качестве резиденции. В скором времени Багдад очистился от жертв и трупов и почти восстановился²⁸⁹.

Участь бывшего халифа была куда печальнее. В наказание за сопротивление он и все его потомки по мужской линии были приговорены к смертной казни. Впрочем, в последнюю минуту, из уважения к статусу халифа, он и его родственники были умерщвлены по монгольскому обычаю – без пролития крови. Их зашили в мешки или ковры и забили копытами коней.

Интересно, что в ходе недолгой осады монголы использовали усовершенствованный порох, который заимствовали у китайцев. Они изготовили и использовали различные виды невиданного мусульманами оружия: протогранаты, дымовые бомбы, протомортиры и даже, вероятно, первые пушки, при помощи которых разрушили часть городской стены.

Вслед за Багдадом настала очередь Сирии, которую Хулагу решил захватить при помощи армянских отрядов. Как повествует современник, король Киликийской Армении Хетум I собрал у Эдессы огромную армию и пошел на соединение с монголами, чтобы захватить Иерусалим. Поскольку же он являлся зятем Боэмунда IV Антиохийского, новое интернациональное войско включало в себя помимо монголов и армян еще и франков.

В сентябре 1259 г. монгольская армия выступила из Азербайджана в направлении Сирии. Первой ее жертвой стала Джебзире, эмир которой аль-Камиль даже приказал распять яковитского священника, который явился к нему в качестве посланника монголов. В ответ город

Майяфаракина взяли штурмом, а альКамиля страшно пытали, заставив съесть собственную крайнюю плоть, а затем умертвили. Затем хан захватил Насибин, Харран, Эдессу, перебил жителей Саруджа, оказавших ему сопротивление, овладел АльБирой, затем перешел Евфрат и осадил Алеппо. Вскоре к нему подошли союзники, и уже в январе 1260 г. Алеппо оказалось в плотном кольце осады.

Правитель Алеппо и Дамаска анНасир Юсуф (1236—1260) немедленно послал своего сына азАзиза присягать хану в качестве вассала. Но это не спасло город от уничтожения, поскольку клятва запоздала. Защищал город старый аюбский принц Тураншах, но всего через 6 дней город пал. Как обычно, когда города оказывали сопротивление монголам, участь жителей была страшной: татары массово и методично умерщвляли их, пока Хулагу не остановил убийства. Большая часть добычи досталась Хетуму I в награду за верность и помощь, а Боэмунд IV вернул себе земли Антиохийского княжества, завоеванные еще во времена Саладина. Однако по необъяснимому капризу судьбы Хулагу пощадил Тураншаха и остатки его воинов за храбрость, которую они продемонстрировали при осаде²⁹⁰.

Не сумев примириться с монголами, анНасир Юсуф, который в это время находился в Дамаске, от отчаяния предложил египетским мамелюкам признать их власть над собой. Те согласились, но военную помощь высылать не спешили. Эмир пытался спастись бегством в Египет, но был схвачен монгольским разъездом. А 1 марта 1260 г. татары вошли в Дамаск. Теперь, когда пали Багдад, Халеб и Дамаск, всем казалось, что Исламу пришел конец²⁹¹.

Поразительно, но всего за 2 года монголы сумели сделать то, что крестоносцам не удалось совершить за 200 лет! Они захватили сердце арабского мира и вышли на побережье Средиземного моря, покорив все мусульманские земли в Азии; свободными оставались жители Аравийского полуострова и Северной Африки. Торжеству христиан, почти пять столетий пребывавших под властью мусульман, не было предела. Как говорят, именно тогда появилось предание, будто монголы выписали из Армении поросят и обязали в каждом мусульманском городе держать их по две сотни. Сарацины должны были мыть зверушек по субботам, кормить финиками и миндалем, а потом употреблять в еду. Кто ослушивался, того ждала смертная казнь. Правда это или нет – судить сложно (хотя, повидимому, такая практика едва ли могла иметь широкие масштабы), но предание весьма полно характеризует отношения христиан с мусульманами той эпохи²⁹².

В скором времени монголы оказались у стен Антиохии, правитель которой Боэмунд VI был вынужден выполнить их требование и поставить патриархом города грека Евфимия II (1260—1269) вместо франка. Это произошло, во первых, не без участия Никейского императора, а, во вторых, как результат здравого размышления вождя монголов – он прекрасно понимал значение греческого элемента на Востоке.

Оставался один Иерусалим, до которого монголы, однако не дошли. Как раз в это время скончался Великий хан Мункэ, и после его смерти, как нередко бывает, возник конфликт между двумя братьями покойного: Хубилаем и Аригбугом. Хубилай оказался расторопнее и 4 июня 1260 г. был провозглашен на курултае своими сторонниками новым Великим ханом. Однако и Аригбуг, пребывающий в Каракоруме, также принял титул Великого хана. Его активно поддерживал такой политический «тяжеловес», как кереитнесторианин Болгай, бывший при покойном Менгу главным министром.

Но хотя на стороне Аригбуга были принцы из династии Угэдэидов, правившие в Тарбагатае, Хубилаю удалось разбить в нескольких сражениях своего брата. В конце концов тот сдался, был пощажен, но до самой смерти, наступившей в 1266 г., проживал в качестве почетного пленника близ Хубилая. Однако его ближнее окружение было казнено, включая, разумеется, и Болгаю²⁹³.

Пока шла эта гражданская война, значительная часть монгольских войск была выведена ханом Хулагу из Сирии, оставив там своим наместником Китбуку во главе 20 тысяч всадников.

Этим немедленно воспользовались египетские мамелюки, посчитавшие, что в новых условиях они способны бросить вызов непобедимым завоевателям. Султан мамелюков Айбек альМуизз (1250—1257) для обеспечения легитимности своей власти женился на уже знакомой нам султанше Шаджар адДурр и даже назначил своим соправителем мальчика из династии Айюбидов. Но в скором времени они рассорились, и султанша прикончила супруга руками его же евнухов. Однако и сама прожила недолго: 2 мая 1257 г. ее насмерть забили камнями, а султаном сделали 15летнего сына покойного мамелюка ДурадДин Али (1257—1259). Но уже в декабре 1259 г. юношу низложил и умертвил бывший соратник его отца СайфадДин Кутуз (1259—1260). В скором времени часть мамелюков, ранее благоразумно убывших из страны, вернулись в Египет; среди них был и Бейбарс.

В начале 1260 г., явно не рассчитав свои силы, хан Хулагу потребовал от мамелюков признать свое верховенство над Египтом. В ответ султан просто приказал казнить посла, осмелившегося обращаться к нему со столь дерзким предложением, и направился со своей армией в Сирию, чтобы встретить монголов на их территории. Уже 26 июля 1260 г. авангард мамелюков под командованием султана Кутуза выступил из Египта по направлению к Палестине. Небольшой монгольский авангард во главе с Байдаром, занимавший Гагу, был буквально раздавлен ими.

Если бы не только Боэмунд VI, наглядно убедившийся в выгодах союза франков с монголами, но и акрские бароны занимали эту позицию, участь Леванта была бы совсем иной, нежели та, которую ей уготовили грядущие события. Однако, видя в монголах всего лишь варваров, граф Жюльен де Сидон (1239—1260), женатый на дочери короля Киликийской Армении Хетума I, однажды беспричинно напал на монгольский патруль и убил племянника Китбуки. Разумеется, в ответ татары разгромили и сожгли Сидон. Стало ясно, что былой союз более не существует. Вслед за тем франки Акры, вместо того чтобы помириться с монголами, разрешили мамелюкам беспрепятственно пройти через их земли и пополнить запасы продовольствия прямо в городе²⁹⁴.

В сражении 3 сентября 1260 г., которое мамелюки дали монголам, все решило численное превосходство египтян. Сам Китбука сражался как герой, но попал в плен и достойно принял смерть от рук мамелюков. После этого Кутуз с триумфом вошел в Дамаск, кроваво отплатив христианам за недавние унижения мусульман. Вся Сирия до самого Евфрата вновь оказалась присоединенной к мусульманским владениям – на этот раз к Египетскому султанату. Не имея достаточно войск для того, чтобы поквитаться с Кутузом, Хулагу направил в Сирию другой отряд своих воинов, которым удалось вновь разграбить Алеппо. Однако затем, в декабре того же года, он был отброшен мамелюками назад, на Восток от Евфрата²⁹⁵.

Эта победа в буквальном смысле слова стала спасительной для Ислама. Ведь войди монголы в Египет, участь мусульман была бы решена. Конечно, соблюдая принцип религиозной толерантности, монголы едва бы стали стеснять мусульман, которых в их владениях было множество. Но, безусловно, что в этом случае позиции христиан различных деноминаций укрепились бы в Монгольской империи невероятно сильно. Теперь же ситуация складывалась с точностью до наоборот. Через некоторое время монголы, оставшиеся в Западной Азии, начнут переходить в Ислам, что резко ускорит грядущую гибель крестоносных государств Утремера.

Победа, одержанная Кутузом, была грандиозной, однако сам победитель ненадолго пережил побежденного врага. По дороге домой он решил поохотиться на зайцев, и коварный Бейбарс поразил его мечом в спину. В Каир Бейбарс (1260—1277) вернулся уже новым султаном Египта. Правда, Дамаск, власть в котором захватил другой эмирмамелюк, Саджар альХалаби, не признал его верховенства. Что ж, без какого-либо промедления Бейбарс двинулся на Дамаск и 17 января 1261 г. у стен непокорного города разбил войска своего конкурента²⁹⁶.

К сожалению, Хулагу ничем не мог помочь своим товарищам в Сирии и Иране, поскольку в это же время резко осложнилась обстановка на кавказской границе, где хану угрожал его род-

ственник кипчакский хан Берке (1257—1266), сын покойного Джучи, брат Батухана, внук Чингизхана. По непонятному капризу судьбы он являлся мусульманином и так же благосклонно относившийся к единоверцам, как Великий хан к христианам. А потому резко упрекал родственника за ту резню, которую Хулагу организовал при взятии Багдада. Этот представитель старшей линии Чингизидов, царствовавший в южнорусских степях, высказался совершенно недвусмысленно: «Хулагу разорил города мусульман, он, не посоветовавшись ни с кем из родни, погубил халифа. Если мне поможет Аллах, я потребую отчета за такое количество невинной крови, пролитой им».

Поразительно, но во имя своей веры Берке, первый из монгольских аристократов принявший Ислам, был готов расторгнуть родственные узы и сойтись с врагами своих братьев. Без каких-либо колебаний он предложил союз мамелюкам, считая их первыми защитниками Ислама. И потому в 1263 г. заключил официальный союз с Бейбарсом против Хулагу.

Вслед за тем Берке объявил войну сородичу и начал активные военные действия вдоль кавказской границы. Конечно же Бейбарс получил от этого союза двойную выгоду: во-первых, отныне он мог открыто вербовать мамелюков из числа монголов, а во-вторых, Берке самым фактом своего присутствия близ границ Хулагу вынуждал того дробить свои силы. Разъярившись, Хулагу приказал казнить всех купцов, прибывших из Кипчакского ханства; Берке ответил тем же²⁹⁷.

Первым начал военные действия Хулагу: он перешел через Дербентский проход и углубился в кипчакскую территорию, достигнув Терека. Однако там был остановлен объединенными войсками Берке и его племянника хана Ногая (1240—1300) и отброшен в Азербайджан. Хроники повествуют, что это отступление было спорадическим и привело к многим жертвам, поскольку монгольские всадники, вынужденные переправляться зимой через Терек, во множестве тонули, проваливаясь под лед²⁹⁸.

Как легко понять, все эти события развивались либо непосредственно близ границ Никейской империи, либо напрямую касались ее соседей, что конечно же затрагивало интересы и византийцев. Не без внимания, конечно же, император следил за событиями в Иконийском султанате, где сыновья погибшего султана КейХосрова II Кылыч Аслан IV (1246—1264) и Иконийский султан КейКавус II (1245—1256; 1257—1261) явились к хану Хулагу, надеясь получить от него ярлыки на правление уделами.

Дрожа от страха, КейКавус II подарил грозному хану специально сшитые для него сапоги, на подошве которых приказал нарисовать собственный портрет (что само по себе беспрецедентно для мусульман, не допускающих художественного изображения лица человека). «Ваш раб смеет надеяться, — промолвил он, — что его государь пожелает оказать честь голове его слуги, поставив на нее свою августейшую ногу». Но усилия КейКавуса II были тщетны — монголы не забыли, как в 1256 г. он противостоял их армии, а его грубая лесь лишь возмутила хана.

В таких условиях Феодору II нужно было сохранять предельную осторожность в отношениях с соседями, чтобы не поспорить с могущественными татарами и сохранить в целостности свои владения. Разделенный между братьями Иконийский султанат также недолго оставался в состоянии мира. КылычАслан IV активно интриговал против брата, обвинил того в переходе в христианство (!), и КейКубад II погиб в 1257 г. при невыясненных обстоятельствах. КейКавус II попытался начать тайные переговоры с султаном Египта о совместных действиях против брата и татар, но его переписка стала известной врагам, и он бежал в Никею²⁹⁹.

Связанный договором, заключенным еще его отцом, Феодор II выделил сельджуку 400 всадников, не могущих играть никакой роли в предстоящих баталиях, и отказался открыто вмешиваться в противостояние монголов с турками. В свою очередь, чтобы у татар создалось превратное, преувеличенноопасное впечатление о его стране, он приказал вести их посольство, вскоре прибывшее к нему, самыми трудными горными дорогами. Когда те, наконец, прибыли

к дворцу, их встретили многочисленные отряды византийских воинов, закованных в броню. Монголотатары подумали и решили заключить мир, Никейская империя была спасена от татарского нашествия³⁰⁰.

Но здоровье царя оказалось подорванным тяжелой борьбой и внезапно открывшейся болезнью. Ласкарис резко похудел, и никто из врачей не мог ему помочь. Лицо его стало багрово-красным, и он, теряя сознание, нередко падал наземь без чувств³⁰¹.

Умирал Феодор II очень тяжело, прекрасно понимая, что Палеологи не забудут и не простят ему тех обид, которые он им нанес. И наверняка захотят сполна расплатиться с 8-летним Иоанном IV Ласкарисом – единственным отпрыском мужского рода в императорской семье, ставшим новым царем. Со слабой надеждой он назначил регентом своего верного Георгия Музалона, ненавистного аристократии всей Никейской империи, первого министра двора³⁰².

Как рассказывают, перед смертью император принял вначале малую, а потом великую схиму. Призвав архиепископа Митиленского, он исповедался у него, прерывая слова криками: «Оставил я тебя, Христе мой!», и 16 августа 1258 г. скончался в Магнезии на Ерме. Похоронили Феодора II Ласкариса рядом с отцом в монастыре Спасителя в Созандрах ³⁰³.

IV. Император Иоанн IV Ласкарис (1258—1261)

Глава 1. Страсти вокруг царственного агнца и «конституционная монархия» Палеолога

Царствование нового императора, краткое, но содержательное, примечательно тем, что ни одного активного или волевого действия со стороны царя по причине его малолетства не произошло. Юный Ласкарис был и оставался царственным агнцем, влекомым судьбой и человеческими страстями по волнам истории. Весь его удел состоял в том, чтобы прикрыть своим статусом стремительное возвышение другого человека, настоящего спасителя Византии, одного из ее главных и, увы, не оцененных героев, худая молва о котором искажила истину. Но, поскольку в течение нескольких лет Византийская держава официально находилась под главенством этого мальчика, мы не станем нарушать традицию и доведем повествование об его правлении до последнего дня.

У покойного императора Феодора II Ласкариса осталось после смерти пятеро детей – четыре дочери и мальчик Иоанн IV Ласкарис. Двух дочерей он успел выдать замуж – одну за этолийца Никифора, вторую – за будущего Болгарского царя Константина I Тиха (1257—1277). Две другие, выражаясь словами современника, «были обречены на иго сиротства». В последние дни своей жизни Феодор II Ласкарис позаботился о том, чтобы хоть как-то закрепить права сына на царство и обезопасить его. Он составил письменный договор об опекуновстве с Георгием Музаломом и патриархом Арсением, скрепленный письменными клятвами всех знатных лиц Никейской империи. Интересно, что клятвы давались дважды: первый раз перед смертью царя, второй раз – сразу после его кончины.

Но, как известно, византийцы были не особенно щепетильными в таких вопросах, и уже вскоре многие аристократы начали возмущаться по поводу незаслуженного, с их точки зрения, возвышения Георгия Музалона. Нет, конечно, никто не собирался оспаривать прав малолетнего царя Иоанна IV, но это вовсе не означало, что все были согласны с кандидатурой его опекуна. Вспоминали, что Музалон не принадлежал к знатному роду, что именно он часто указывал покойному императору на кандидатуры аристократов, недовольных властью Ласкариса, и те вскоре оказывались в тюрьме. Кроме того, отдельные вельможи напрямую подозревали Музалона в стремлении присвоить себе царскую власть, пользуясь малолетством наследника престола.

Музалон, однако, всегда отличался проницательностью, а потому поспешил созвать совет, на котором предложил выбрать другого достойного человека, которому мог бы передать опекуновство над юным императором. С ответной речью выступил Михаил Палеолог, счастливо спасшийся от неминуемой гибели вследствие смерти Феодора II и освобожденный из темницы.

Он заявил, что никто не в состоянии найти лучшего опекуна мальчику-царю, чем это сделал покойный государь: «Ведь ты и по достоинствам выше других, и по уму, в котором нет недостатка, над всеми первенствуешь. Итак, властвуй, пекись и о царе, и о делах Римской империи. Мы с удовольствием последуем за тобой, ибо не всем же начальствовать, не всем повелевать – многоначалие есть безначалие». Закончив, Палеолог окинул взором зал, стараясь увидеть несогласных с его мнением. Таковых не нашлось – напротив, все присутствующие в третий раз подтвердили слова присяги и собственные клятвы, и каждый призывал Небесные кары на свой род, если нарушит их. Успокоившийся Музалон направился в Магнезию, пригород Никеи, где располагался царский дворец, и занялся обычными государственными делами³⁰⁴.

Но эта счастливая картина длилась недолго. Когда на 9 день после кончины императора Феодора II Ласкариса военачальники и вельможи собрались в монастыре Спасителя в Созандрах, где находился прах царя, в храм, где совершалась поминальная служба, внезапно ворвались солдаты с обнаженными мечами. Они вошли в Святой алтарь, где несчастный опекун искал спасения, и изрубили в буквальном смысле слова на куски Георгия Музалона, двух его братьев и секретаря, которого ошибочно приняли за другого человека. Как рассказывают, этими солдатами были наемники-латиняне, а убил Музалона некто Карл, осмелившийся войти в Святой алтарь и совершить в нем святотатство. Ошалевший народ толпами повалил из храма, по полу которого и стенам обильно текла кровь³⁰⁵.

Прошло несколько дней, патриарх Арсений долго и безрезультатно размышлял над тем, кому можно было бы перепоручить управление государством вместо погибшего Музалона. Ситуация складывалась очень непростая: при мальчике-царе находилось много представителей знатных фамилий, каждый из которых начинал осторожно заводить разговоры о своей персоне как потенциальном опекуне Иоанна IV. Здесь были Кантакузены, Стратигопулы, Ласкарисы, Ангелы, Нестонги, Тарханиоты, Филантропины, и каждый из них имел родственные связи с прежними царями и нынешним императором.

Но один человек, очевидно, имел некоторые преимущества – Михаил Палеолог. Отличаясь приятной наружностью, веселым характером, щедростью, неоднократно отличившийся на полях сражений, он слыл кумиром аристократов и простых никейцев. А также являлся неформальной главой аристократической партии, с которой Феодор II Ласкарис так долго и жестоко воевал. Михаил происходил из царского рода – его бабушка приходилась дочерью Алексею III Ангелу и впоследствии была выдана замуж за Алексея Палеолога, получившего почти царственный титул деспота. Авторитет Михаила Палеолога был таков, что сам патриарх Арсений доверил ему ключи от царской казны и делился своими тайными мыслями о грядущих судьбах Никейского царства³⁰⁶.

Являясь сам по себе обеспеченным человеком, Палеолог теперь получил возможность использовать еще и средства казны для собственных целей, щедро подкупая клириков из числа ближайшего окружения патриарха и помощников вельмож. И когда на тайных совещаниях вновь и вновь вставал вопрос о кандидатуре будущего опекуна, с уст епископов и монахов все чаще стало срываться имя Михаила Палеолога. Так и решили, а патриарх утвердил результаты общего избрания.

Здесь возникла интересная сцена: узнав о принятом решении, Михаил Палеолог неожиданно заупрямился и отказался принимать в свои руки бразды правления государством, ссылаясь на клятву, которую он дал покойному Феодору II Ласкарису. Палеолог был совсем не глуп и думал не только о сиюминутных благах, но и дальних перспективах. Уже тогда он втайне замыслил покуситься на царскую власть, а потому хотел обеспечить легитимные основы своего будущего царства. Естественно, эти мысли не высказывались вслух, и все выглядело как действительное нежелание со стороны Михаила Палеолога идти на клятвопреступление. Делать нечего, патриарх и синод составили письменный акт о том, что Палеолог освобождается от клятвы, и не только не даст ответа на Страшном Суде Христовом, но и, напротив, заслужит особую благодать Божью за то, что стал спасителем «христоименитого народа»³⁰⁷.

Но тут же возникло еще одно обстоятельство – титул опекуна. Византийцы всегда были аккуратны в вопросах формы, и сан опекуна, становившегося по факту третьим человеком в Никейской империи (после царя и патриарха), имел далеко немаловажное значение. Изначально предполагалось, что Палеолог получит титул великого дукса, но это означало, что, по византийской «табели о рангах», между ним и юным императором будут находиться «промежуточные» фигуры, обладавшие большими полномочиями. В таком случае положение опекуна не отличалось бы устойчивостью. И Михаил вполне резонно, хотя и невзначай, почти вскользь,

отметил, что его нынешний сан мало пригоден для той высокой миссии, которую он на себя взял.

Чтобы по праву слыть вторым после царя человеком в государственном управлении, ему нужен был сан деспота. Вновь собрали совет, на котором присутствовал синклит и Синод. Опять началось обсуждение вопроса, причем, как можно легко понять, Палеолог заранее проговорил со своими сторонниками данную тему и вполне определенно мог рассчитывать на то, что его поддержат.

«Для чего бы Палеолог стал ежедневно беспокоиться заботами и питать в себе столь сильный страх, если бы, принимая под свою опеку такой народ, не имел в виду своей пользы? – риторически вопрошали многие архиереи. – Опекуну царя позволительно уже величаться деспотом. Через это он сохранит чувство любви к тому, кто самым своим рождением назначен царствовать, и воздаст ему благодарность за свое достоинство. Что странного носить титул деспота тому, чей дед по матери, деспотствуя, совершил важнейшие подвиги против итальянцев? Разве мы не знаем, как чтит он Бога, как ревнует о добре, как сильно любит монахов и все церковное? Хорошо, если бы опекун царя, помимо чести быть отцом царя, был почтен и другими достоинствами».

Епископам возражали некоторые аристократы, замечая, что живы царственные дочери Ласкариса, и каждая из них после замужества может почтить царскими титулами своих избранников-мужей. В таком случае деспот Палеолог, если, конечно, он получит желанный титул, станет невольной помехой будущим царям. Им оппонировали давний друг Палеолога Алексей Стратигопул и представители семьи Торникиев: «Не для одного ребенка все эти хлопоты о такой Империи и о таких делах. Мы должны подумать о правительстве, чтобы самим спастись. Разве неизвестно, в каком бедственном положении находится сейчас Римская империя? У нас верность престолу почитается, конечно, делом хорошим. Но если нет спасения – верность становится напрасной. Какой вред царству, если к его попечителю присоединено будет самое достоинство? Мы бы удивились, если бы кто вздумал управлять Римской империей как-нибудь иначе, а не монархически»³⁰⁸.

Иначе говоря, сторонники Палеолога полагали, что деспотство Михаила укрепит царскую власть юного Иоанна IV Ласкариса, а только в ней залог безопасности и процветания Византии. Наконец, как и ожидал опекун, его сторонники взяли верх, а голоса их противников смолкли.

Поняв, что это – практически единодушное мнение епископата и синклита, патриарх Арсений утвердил данное решение и ввел Палеолога на высшую (после царя, конечно) ступень в византийской иерархии, объявив того деспотом³⁰⁹.

И, как оказалось, это назначение состоялось очень вовремя. Внешнее положение Никейского царства, окруженного врагами, оставалось очень сложным, и только человек сильной власти, человек харбктерный, способный сконцентрировать все силы государства для отражения очередной агрессии, мог справиться со сложившейся ситуацией. В частности, узнав о смерти Феодора II Ласкариса, правитель Этолии и Эпира Михаил II Ангел, чей сын Никифор был женат на царской дочери Марии, решил заявить собственные права на Никейское царство.

Вскоре к нему подоспели союзники, преследовавшие, однако, свои цели в грядущем походе Михаила за царскую власть: король Манфред Сицилийский (1258—1266) и герцог Ахейский и Пелопоннесский Гийом II Виллардуэн (1246—1278). Сообща они собрали большое войско и летом 1259 г. начали поход. Получив сообщения о продвижении латинян и эпирцев, Михаил Палеолог не стал медлить, направив навстречу врагам своих братьев севастократора Иоанна и кесаря Константина вместе с великим domestikом Алексеем Стратигопулом и великим примикием Константином Торникием с большим войском. Интересно, что помимо национальных греческих отрядов в армии византийцев насчитывалось много половцев, славян и турок³¹⁰. Ускоренным маршем полководцы переправились через Геллеспонт, присоединяя

к себе по дороге все ромейские гарнизоны и части. Наконец, на равнине Авлона, в Македонии, противники встретились.

Соотношение сил было не в пользу никейцев, а потому они пошли на хитрость, воспользовавшись тем обстоятельством, что все три союзника принадлежали к разным национальным группам, и их разъединяло гораздо большее, чем соединяло. Ночью перед битвой какой-то человек из византийского лагеря пробрался к правителю Эпира Михаилу II и поведал тому, что якобы герцог Ахайи и Сицилийский король тайно направили своих послов в византийский лагерь для переговоров. А потому, пока соглашение с ними еще не подписано, следует поспешать и спастись бегством. Михаил повелся на эту уловку и побежал, увлекая за собой свое войско. Проснувшиеся сицилийцы и латиняне не могли ничего понять, поутру обнаружив отсутствие союзника. И в это время началась атака византийской армии, закончившаяся полным поражением противника; сам герцог Ахайи попал в плен к грекам. Победа была полная и яркая³¹¹.

После такого события Михаилу Палеологу не стоило особого труда провести комбинацию, вследствие которой аристократы подняли вопрос о царском достоинстве опекуна-деспота. Казалось бы, никаких оснований для этого не было: он не приходился ему родственником и не был назначен покойным Ласкарисом в соправители Никейской империи. Однако здесь Палеологу невольно помогли представители аристократической партии, поставившие довольно неожиданный для византийского правосознания общий вопрос о легитимности наследственной монархии.

«Есть причины опасаться, – говорили друг другу некоторые высокие сановники, – что рожденный на престоле, имея нужду в очищении себя и образовании для хорошего царствования, будет особенно нечист. Потому что в царском дворце сопровождает его роскошь и нега, беседует с ним лесть, закрывается от него истина, и самое дурное подделывается для него под самое хорошее». И далее: «Наилучшее царствование есть не наследственное, которое получить, по скользкому жребию судьбы, может иногда человек недостойный. И не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, каким хороший правитель не захотел бы дать место и в ряду своих подданных – но то, какое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести».

Иными словами, царь должен быть избран из числа аристократов синклитом и священноначалием. Идеологам такой философии активно поддакивал Палеолог, заявивший, что, если, к примеру, его сын будет признан недостойным царствования, он своими руками устранил его с престола³¹². Это было смелое заявление: по существу, Михаил солидаризовался с олигархами, посчитав не вполне легитимной власть юного императора Иоанна IV Ласкариса.

Данное обстоятельство в корне меняло дело: если все решили, что «правильный» царь тот, кто избран аристократией, то соответственно Михаил Палеолог мог стать и выбранным императором, не имея для своих амбиций никаких традиционных обоснований. То, что наряду с ним будет продолжаться царствование Иоанна IV Ласкариса, пока никого не смутило и не удивило. Сановники решили: пусть пока в Империи будут два царя – один избранный, второй – наследственный. А там будет видно... Соломоново решение! Похоже, что они готовы были бы совершенно устранить Иоанна IV: физическим путем или посредством отобрания у ребенка царской власти – это уже имело второстепенное значение.

Пожалуй, если и можно говорить о пике олигархизма в истории Византийской империи, так применительно именно к данному периоду времени. Ни до, ни после никто не дерзал и не осмелился более заменять божественную основу царской власти выборными началами в стиле самых слабых монархий Западной Европы. Примечательно, что обсуждался этот вопрос без синклита и патриарха, тайно, в узком кругу самых обеспеченных лиц, которым уже давно надоело жить по принципам, установленным патристическими Ласкаридами, в условиях жесткой дисциплины и абсолютной власти императора.

По требованию вельмож Палеолог клятвенно пообещал безусловное выполнение неких обязательств. В частности, никогда не вторгаться в дела Церкви и не претендовать на главенство в церковном управлении – аристократы заранее решили смягчить легко ожидаемую негативную реакцию патриарха Арсения путем наделения его дополнительными гарантиями неприкосновенности духовной власти. Затем назначать на высшие должности не родственников или знакомых, а лишь людей, опытом и знаниями доказавших свои способности. Из аристократов, конечно, и по совету с наиболее знатными людьми Империи.

Будущий царь обещал также строго следить за законностью, чтобы ничьи права не нарушались. Палеолог клялся и в том, что не будет никого сажать в тюрьмы по доносам – только по суду. Отменялись судебные поединки и испытание железом, широко введенное в практику императором Феодором II Ласкарисом. За военачальниками остались старые привилегии и поместья, в целом армия должна была сохранить то положение и содержание, какие имела при предыдущем царе. Наконец, Палеолог обещал поддерживать науку и сохранить жалованье ученым³¹³.

Конечно, это была самая настоящая «конституционная монархия» – дело невиданное в истории Византийской империи. И, конечно, нежизнеспособное – по крайней мере, как вскоре выяснится, сам Михаил Палеолог принимал эти условия только в качестве тактического хода, вовсе не собираясь выполнять их, когда власть достанется ему в руки. Но в целом дело было сделано. 1 января 1260 г. в Магнезии его подняли на щит и провозгласили Римским императором, соправителем Иоанна IV Ласкариса, Михаилом VIII Палеологом.

Патриарх Арсений в те дни находился в Никее и был поражен неожиданной вестью. Первым его порывом было предать анафеме и Палеолога, и тех, кто провозгласил Михаила царем. Но, подумав, архиерей счел за лучшее связать Михаила VIII клятвами и сохранить за ним власть для блага государства. Вскоре патриарх Арсений сделал то, чего так не хотел – со священного амвона провозгласил Михаила VIII Палеолога царем и украсил его голову императорской диадемой. Правда, тут же оговорился в присутствии синклита и народа, что Палеолог обладает царской властью только на время, до совершеннолетия Иоанна IV Ласкариса – важное уточнение, едва ли предусмотренное «реформаторами». Михаил VIII легко дал требуемое согласие, закрепив его словами клятвы, произнесенной публично³¹⁴.

Правда, в свою очередь и Палеолог потребовал клятв и письменной присяги от Иоанна IV в том, что тот не задумает никакого заговора против своего соправителя. Наверняка это была сцена, должная показать всем вовне якобы чистые намерения Михаила VIII. С другой стороны, встречные клятвы маленького царя явились бесспорным подтверждением в глазах всех греков тому, что Иоанн IV Ласкарис также признал легитимность «выборного» царя³¹⁵.

Глава 2. Возвращение Константинополя. Конец династии Ласкаридов

Но, конечно, Палеолог вовсе не собирался выполнять слова присяги, прекрасно понимая всю шаткость своего положения. Если не сам Иоанн IV, когда подрастет, так какойнибудь другой соискатель царского сана мог бы со временем сместить Михаила VIII. В конце концов, монархия стала «выборной», и где гарантии, что не изберут царем другого? Поэтому Палеолог начал деятельно создавать положительное о себе общественное мнение и формировать группу союзников.

Первым делом он наградил полководцев, участвовавших в последнем сражении, почетными титулами и званиями. Севастократор Иоанн получил сан деспота, великий доместик – кесаря, а кесарь Константин, брат царя, – севастократора. Одновременно с этим под различными предлогами Михаил VIII освободил от должностей лиц, близких к семейству Ласкари-

дов, а самого близкого им человека, протовестиария Карианита, посадил в темницу по надуманному обвинению в государственной измене³¹⁶.

Зато все лица, ранее сосланные Феодором II Ласкарисом или посаженные в темницу, получили полную реабилитацию. Кроме этого, Палеолог начал деятельно женить своих родственников на представителях самых знатных и влиятельных семей Византии, быстро создав «группу поддержки», заинтересованную в стабильности его власти³¹⁷.

Наступил день коронации, и патриарх Арсений впервые жестоко разочаровался в своем простодушии. Накануне, когда вся церемония была уже проговорена и утверждена, Михаил VIII внезапно заявил некоторым архиереям, что негоже мальчику шествовать впереди взрослого мужа, прославленного на полях сражений и в мирной деятельности. Епископы согласились и пообещали убедить в необходимости корректировки торжественной процедуры патриарха Арсения. Но в действительности «Вселенский патриарх» узнал об этом только в самый день коронации.

Естественно, он возмутился, но, как выяснилось, его поддерживали только епископы Андроник Сардский, Мануил Фессалоникийский и Дисипат. Остальные архиереи были целиком на стороне Михаила VIII. Возникла непредвиденная заминка; день проходил, но никакого решения не принималось. Наконец, окружавшие патриарха сановники и архиереи буквально заставили его начать церемонию. Палеолог шел первым с венцом на голове, а Иоанн IV Ласкарис, накрытый всего лишь священным покровом, но без императорской диадемы, шествовал сзади³¹⁸.

Фактически это означало, что венчан на царство был один Палеолог – было от чего прийти в отчаяние патриарху. Отметим также, что первоначально Михаил Палеолог задумывал повести вместе с собой крошечного сына Андроника Палеолога, как будущего соправителя Никейской империи. Но затем передумал, опасаясь вспышки гнева со стороны аристократической партии, не желавшей восстанавливать монархические начала в их истинной редакции.

Вскоре в Никею прибыли послы от Латинского императора Балдуина II, потребовавшего вернуть ему Фессалию. Спокойно, но твердо, как человек, чувствующий силу, Палеолог ответил в том духе, что это – земля его предков, которые правили в ней, а потому передавать Фессалию латинянам он не намерен. Тогда послы повели разговор об уступке других территорий, но Михаил VIII неизменно находил удачный повод, чтобы отказать им. Латиняне уехали ни с чем.

Надо сказать, Палеолог деятельно подтверждал свои права на власть, щедрой рукой раздавая деньги византийцам из государственной казны и быстро восстанавливая старые крепости и города. Вскоре он стал чрезвычайно популярным в народе. Победа над эфирцами, латинянами и сицилийцами открыла византийцам новые возможности: за освобождение из плена герцог Ахайи отдал Никейской империи три лучших города – Спарту в Лакедемонии, Монемвасию и Мену у Левктров, а также принес оммаж Михаилу как ленник. Палеолог отправил правителем этих городов брата Константина, наделив того широкими полномочиями, и уже вскоре севастократор отвоевал у пелопоннесских латинян множество новых греческих городов, одержав блестящие победы. Эти события также легли в «копилку» популярности Михаила VIII.

Активность Михаила VIII Палеолога не укрылась от патриарха, и буквально в считанные месяцы между ними произошел конфликт, завершившийся освобождением «Вселенского архиерея» от кафедры и добровольным удалением на покой в Магнезию. Официально был запущен слух о том, что якобы патриарх Арсений дерзко вел себя с малолетним Иоанном IV Ласкарисом – версия, в правдоподобие которой совершенно не верится.

Этот демарш не входил в планы Палеолога: патриарха нельзя было снять по решению Синода, поскольку тот ни в чем не провинился перед Православием и царской властью, но и возвращаться Арсений не желал. Михаил VIII был потрясен, Синод боялся царя, но никак

не мог ни вернуть патриарха на кафедру, ни избрать нового. Наконец, вместо Арсения на патриаршество был возведен Эфесский митрополит Никифор (1260)³¹⁹.

К сожалению, новый предстоятель Византии решил за благо для себя опорочить предшественника, активно распространяя мнение, будто тот получил патриарший сан в противоречии с канонами, поскольку всего за неделю прошел все степени посвящения. На самом деле Никифору должно было знать, что эта практика не являлась чемто из ряда вон выходящим в старые времена, и многие светильники Православия из числа Константинопольских архиереев стали патриархами именно таким способом³²⁰. Впрочем, правил Церковью Никифор всего 1 год, затем почив в Бозе, а вместе с ним и почти все епископы, которые подстроили изменение протокола венчания царей на царство. Византийцы справедливо посчитали, что свершился Божий суд над клятвопреступниками и клеветником.

Единственным выходом из случившегося кризиса власти были внешние успехи, позволяющие Палеологу завоевать симпатии населения. В 1260 г. Михаил VIII Палеолог переправился с войском во Фракию и осадил Константинополь со стороны крепости Галата, надеясь, что после овладения ею древняя столица Византии непременно падет. Однако осада не задалась – латиняне крепко сидели в Константинополе, хотя и терпели муки голода. Изза отсутствия топлива французы пустили на растопку множество прекрасных зданий, но держали оборону.

Приказав войску возвращаться в Никею, Палеолог приказал оставшимся маневренным отрядам кавалерии производить постоянные набеги на латинян и оккупировать все близлежащие городки, чтобы Константинополь продолжал оставаться в кольце. Но, конечно, это была мнимая блокада, с которой франки разделились без особого труда. Примечательно, что при отступлении греков в пригороде Константинополя были случайно обнаружены останки императора Василия II Болгаробойцы, ранее выброшенные латинянами из царской гробницы. Узнав об этом, Палеолог тут же распорядился прислать парчовые покровы и предать прах торжественному погребению. Император Василий II нашел покой в монастыре Христа Спасителя в Силивкии³²¹.

Возвращение Палеолога случилось вовремя, поскольку с Востока поступили вести, что татары, перейдя через Евфрат, вновь вторглись в Сирию, Аравию и Палестину. На следующий год они повторили нападение, дойдя до Каппадокии и Киликии и завладев Иконией, столицей Иконийского султаната. Султан явился к Михаилу Палеологу и напомнил о том, как некогда приютил его у себя, когда Феодор II Ласкарис устроил настоящую охоту на слишком властолюбивого аристократа. Но Палеолог, как человек сугубо прагматичный, не пожелал удовлетворять его просьбы: или дать войско для войны с татарами, либо предоставить султану область греческой земли в правление. Однако и лишать султана надежды не хотел, и император тонко уходил от прямых ответов³²². В общем, благодаря его дипломатии, ромеям в очередной раз удалось уйти в сторону от потенциального конфликта с татарами.

Решив проблемы на Востоке, Михаил VIII поставил перед собой задачу максимум: любым способом овладеть Константинополем и разрушить ненавистную Латинскую империю. Настойчивый и целеустремленный, Палеолог делал все, чтобы ослабить и без того уже «дышащее на ладан» Латинское царство. В марте 1261 г. он заключил торговый договор с генуэзцами, которые прекрасно понимали, что Рим не одобрит такой сделки. Но уж очень выгодными казались им ее условия!

В свою очередь византийцы получали крепкого союзника, сильный флот и «добро» на территориальные приобретения: итальянцы согласились признать права Михаила VIII Палеолога на острова Кипр и Эвбею, а также город Смирну, если тот сможет их отвоевать. Византийцам в очередной раз удалось расколоть Запад, внеся в его ряды расстройство, и получить дополнительные возможности в будущих войнах³²³.

Летом 1261 г. вновь поднял мятеж Эпирский правитель Михаил II Ангел, буквально год тому назад принесший клятву верности Никее. Поскольку византийская армия была разбро-

сана по различным направлениям, под рукой у Палеолога находился всего лишь небольшой конный отряд численностью 800 всадников, который он предоставил кесарю Алексею Стратигопулу, поручив ему по дороге присоединить к себе разрозненные ромейские гарнизоны во Фракии и Македонии. Попутно он приказал полководцу пройти мимо Константинополя и немного потревожить латинян, чтобы держать тех в страхе.

Переправившись через Пропонтиду, Алексей стал лагерем у Регия, где случайно встретился с греками, продавцами лошадей, направлявшимися из Константинополя с товаром. На всякий случай кесарь решил расспросить их о силах франков в столице, и те неожиданно поведали, что основная армия латинян отправилась в экспедицию на остров Дафнусий, а в самом городе остался лишь Балдуин II и небольшой гарнизонный отряд. Торговцы сказали также Стратигопулу, что знают тайный ход у храма Пресвятой Богородицы «У живоносного источника», через который одновременно могут пройти 50 солдат.

Это было совершенно неожиданное открытие, но византийскому полководцу некогда было направлять вестовых в Никею, чтобы получать инструкции. Как минимум ранее трижды греки пытались вернуть свой любимый город, и каждый раз удача отворачивалась от них. И вот теперь она сама шла в руки. Стратигопул был смелым и опытным военным, а потому без сомнений решил рискнуть, понимая, что такой шанс дается только раз в жизни. Один день ушел на подготовку, а затем византийцы сделали смелую вылазку в город. Чтобы посеять панику среди латинян, они пустили огонь по крышам домов ночного Константинополя, предав пожару венецианские кварталы.

Когда Латинский император Балдуин II проснулся и понял, что на город произошло нападение, он тщетно попытался собрать разбросанных по ночлегам сонных французов. Никто не знал, какими силами и откуда в Константинополь проникли византийцы, а, как говорится, у страха глаза велики. Бросив знаки императорского достоинства, одержимый одной мыслью – спасти свою жизнь, Балдуин II спешно сел на лодку и отплыл куда глаза глядят. К утру 25 июля 1261 г. Константинополь вновь стал византийским³²⁴.

В тот же день остатки разгромленных и деморализованных французов достигли острова Дафнусий. Латиняне не стали терять времени и, срочно погрузившись на корабли, отплыли к городу, надеясь штурмом вернуть его обратно. Однако толком никто не знал, какими силами византийцы захватили его, а опытный Алексей Стратигопул постарался создать видимость многочисленного войска. И когда латиняне подплывали к одним стенам, на них изза бойниц смотрели копья. На самом деле Алексей привлек местных жителей, восторженно приветствовавших свержение ненавистных латинян, переодев их в воинов и коекак вооружив. В конце концов, боясь потерпеть сокрушительное поражение, последние остатки французской армии отплыли в Италию, печально сообщая страшную для Запада весть о кончине Латинской империи³²⁵.

Михаил VIII Палеолог в это время спал в своем дворце в Никее, когда вдруг среди ночи получил известие от своей сестры Ирины, принявшей монашеский постриг с именем Евлогия. Ее служитель случайно по дороге узнал об этом замечательном событии и поспешил обрадовать госпожу. Сестра ворвалась в спальную комнату Михаила VIII и громко крикнула: «Государь! Ты овладел Константинополем!»

Палеолог очнулся, но ничего не понял. Тогда Евлогия произнесла: «Встань, государь, Христос даровал тебе Константинополь!» Срочно император созвал сановников, спрашивая у них, насколько верны выслушанные им известия. Как обычно, мнения кардинально разделились: кто-то уверял, что так все и есть, другие утверждали, что такой подвиг невозможен. Неизвестность давила на всех еще сутки, и лишь в следующую ночь прибыл гонец от Алексея Стратигопула с письменным известием об освобождении Константинополя³²⁶.

Во все концы уже не Никейской, а Римской империи понеслись гонцы с царскими грамотами. «Вы знаете, – писал Палеолог, – мужи, подданные Римского царства, и вельможи,

и сродники наши по крови, и простолюдины, что некогда предки наши по попущению Божьему изгнаны были из отечества итальянцами, будто бурным ветром, и как стеснены были пределы нашей Империи. Наша область ограничивалась Никеей, Бруссой, Филадельфией и окрестными странами. Да и этим нельзя было владеть безопасно, пока недоставало нам столицы. Кто только ни нападал на нас, ни оскорблял наших послов, как лиц, не имеющих города и по необходимости живущих вдалеке от царского престола? Ныне наступил торжественный день Божьего милосердия и, странно, наступил в наше царствование, тогда как о нас что можно сказать хорошее? Итак, по истине за возвращение престольного нашего города надо благодарить Господа и надеяться, что, как по падении его, пало и прочее, так по возвращении его нельзя не возвратиться и прочему. Теперь, по воле Бога, настало время переселения не под тень повозок, осененных ветвями, а под сень Божьей благодати»³²⁷.

14 августа 1261 г., когда Константинополь спешно подготовили к приезду царей, Михаил VIII Палеолог торжественно вошел через Золотые ворота. Прежде чем зайти в столицу, он потребовал внести в город чудотворную икону Божьей Матери «Одигитрия», по Преданию, написанную святым Евангелистом Лукой. Были прочитаны молитвы, и народ вместе с василевсом 100 раз на коленях провозгласил: «Господи, помилуй!» Затем царь отправился в Студийский монастырь, из него – в Храм Святой Софии и оттуда – в Большой царский дворец.

Город ликовал: не было такого места, где бы ни раздавались счастливые крики, и человека, чье лицо не озаряла бы радостная улыбка. До сих пор никто не верил, что стал свидетелем Божьего чуда – так неожиданно свершилось это удивительное событие.

Империя восстанавливалась, и необходимо было срочно найти кандидатуру предстоятеля Константинопольской церкви. Из ссылки срочно был вызван Арсений, которому предложили вновь занять патриарший престол – он оставался все еще вакантным вследствие смерти патриарха Никифора. Арсения раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, ему очень хотелось войти в древнюю столицу Византии в качестве настоящего «Вселенского патриарха», с другой – волновала судьба царственного мальчика, которая легко угадывалась по минувшим событиям. В конце концов долг победил в нем, и Арсений принял предложение, став в очередной раз Константинопольским патриархом.

Он прибыл в столицу, и император в присутствии многочисленных архиереев и константинопольцев провозгласил, держа Арсения за руку: «Вот престол твой, владыка, которого ты был так долго лишен! Займи же теперь свою кафедру!»³²⁸ Не был обойден почестями и кесарь Алексей Стратигопул, которому даровали триумф в Константинополе, украсили голову венцом, похожим на царскую диадему, и повелели поминать его имя на Ектиниях вместе с царями³²⁹.

Чтобы несколько затушить порыв латинян отвоевать Константинополь обратно, василевс целые дни проводил в приеме генуэзцев, венецианцев и прочих западных христиан, указывая им места для проживания и убеждая, что их интересы после возвращения Константинополя не пострадают. Кроме того, желая хотя бы частично восстановить численность опустевшего при французах Константинополя, он приглашал деревенских жителей переселиться в столицу, выделял охотникам земельные участки и деятельно восстанавливал святыне обители и храмы, пострадавшие при латинянах³³⁰. Василевс затеял также посольство в Рим, надеясь успокоить папу. Но из этого ничего не вышло: послы потерпели бесчестье, а один из них, Никифорица, был умерщвлен страшной смертью – итальянцы содрали с него кожу.

Наступила последняя стадия двоецарствия – возвращение Константинополя и восстановление Византийской империи с железной неизбежностью ставили вопрос о царской власти. Михаил VIII всерьез опасался заговора со стороны недовольных вельмож и сторонников Ласкаридов, а потому спешил предпринять превентивные меры. Он спешно выдал двух оставшихся в девичестве дочерей покойного Феодора II Ласкариса: одну – за благородного, но

незнатного латинянина, прибывшего по делам в Пелопоннес, другую – за генуэзского графа, приказав обоим немедленно покинуть пределы Империи³³¹.

Желая подчеркнуть, что отныне он является единственным легитимным царем, Палеолог попытался провести с патриархом Арсением переговоры о возможности своего повторного венчания на царство. Михаил надеялся, что архиерей, утомленный недавней ссылкой, не станет упорствовать. Для подкрепления своей просьбы царь передал Святой Софии множество даров и, к собственному удивлению, легко перехитрил патриарха Арсения. Тот посчитал, что венчать вторично великого дарителя и благотворителя Церкви после занятия древней столицы – благое дело и не заподозрил никакого подвоха. В назначенный день 1261 г. Михаил VIII Палеолог был вновь венчан на царство как законный император³³². Об императоре Иоанне IV Ласкарисе, которому уже исполнилось 10 лет, както «забыли».

Но его черед уже настал. По приказу Палеолога мальчика отнесли в крепостную башню и там ослепили. Изза сострадания к ребенку его ослепляли не раскаленными спицами, а остывшим железом, так что зрение у мальчика немного сохранилось. В день Рождества, 25 декабря 1261 г., его, находящегося без сознания, перевезли в башню Никитской крепости неподалеку от Никомидии и оставили там для постоянного проживания³³³. Теперь Михаил VIII Палеолог стал единовластным правителем Византийской империи.

Конечно, с нравственной точки зрения этот поступок невозможно оправдать, и объяснения типа: «Жестокое время – жестокие нравы» едва ли могут быть приняты во внимание. С другой стороны, нет никаких оснований демонизировать фигуру Михаила VIII Палеолога. При всех честолюбивых помыслах и известной неразборчивости в средствах это был настоящий патриот своего отечества и опытный царедворец, прекрасно понимавший, что Иоанн IV обречен.

Время и логика событий требовали сильной руки на кормиле власти Византийской империи, а царственный мальчик в силу возраста, очевидно, не был способен справиться с грядущими задачами. Неизбежно возникла бы новая комбинация с целью передать единоличную власть сильному правителю, но уже другому, и обосновать его права на царство. Останься юный Ласкарис у власти, и легкомысленная толпа с подачи другого претендента могла снести Палеолога с царского трона, как человека, не по праву получившего императорство. Поэтому для Палеолога ситуация выглядела следующим образом: «Или – благосостояние государства, или – царственный мальчик»; и он после долгих сомнений и колебаний сделал свой выбор.

В качестве легкого оправдания можно напомнить, что, в отличие от других «жертв истории», Иоанн IV Ласкарис не был казнен или тайно умерщвлен, как это, например, имело место в отношении мальчика-императора Алексея II Комнина. Применили способ, традиционно преграждавший путь на вершину власти для любого претендента, ослепление, и сделали так, чтобы Иоанн IV сохранил какуюто способность видеть. Да, с того дня покои бывшего царя охраняла крепкая стража, но мальчику было дано хорошее содержание, соответствующее его бывшему сану.

Позднее его попытались использовать враги Византийского государства – французы Карла Анжуйского помогли ему бежать из заключения, но после поражения сицилийской армии бывший царевич был возвращен в свою крепость. Когда же смерть смежила веки и его обидчика – Михаила VIII Палеолога, новый василевс, Андроник II Старший Палеолог, предпринял попытку хоть както оправдаться в действиях отца. Он прибыл к Ласкарису в крепость и распорядился, чтобы царственный муж был обеспечен в полном избытке всем необходимым ему и сопутствующим его сану³³⁴.

К тому времени Ласкарис принял монашеский постриг под именем Иосаф. При встрече с императором Андроником II он подтвердил отказ от какихлибо прав на царский титул и простил Михаила VIII за зло, что тот причинил ему лично и семье Ласкарисов. Иоанн IV Ласкарис прожил долгую жизнь и умер естественной смертью в 1305 г. Как говорят, некоторое время

после смерти в православном народе сохранялось почитание покойного царя-монаха, не подержанное, впрочем, официальной Церковью. И мощи императора Иоанна IV, «святого царя Ласкариса», находились в монастырском храме Св. Димитрия в Константинополе³³⁵.

Закончился славный род Ласкаридов, восстановителей Римской империи. В права царствования вступила последняя династия Византийских царей, Палеологи, которым предстоит еще бороться за свое отечество и увидеть его окончательное падение два века спустя.

Династия Палеологов

V. Император Михаил VIII Палеолог (1261—1282)

Глава 1. «Новая Византия» и ее окружение

Родоначальник знаменитой династии Палеологов родился в 1224 или 1225 гг. Все отмечают, что в нем природная красота лица органично соединялась с быстрым, острым умом, скоростью исполнения собственных решений, энергией, отвагой, щедростью и деловитостью. Как уже говорилось, он происходил из знатной семьи, состоявшей в родстве с царями. Не случайно Михаил VIII Палеолог подписывался: «Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог»³³⁶.

Его дед Алексей Палеолог был женат на дочери императора Алексея III Ангела, имел титул деспота, а бабушка Ирина, как первенец семьи Ангелов, еще в детстве получила право носить пурпурную

обувь. Если бы смерть не прервала жизненный путь ее мужа, то Алексей Палеолог имел все основания заявить права на царскую власть после кончины Алексея III. Их дочь впоследствии была выдана замуж за Андроника Палеолога, которого император Феодор I Ласкарис почтил саном великого доместика. Конечно, эти обстоятельства, положенные на честолюбивую душу Михаила VIII Палеолога, предопределили его будущие планы. Кроме того, по неопределенным свидетельствам современников, еще в ранней юности Палеолог получал неоднократные знамения и пророчества о грядущем царском сане, что, конечно, только усилило в нем желание стать императором³³⁷.

Честолюбие Михаила VIII Палеолога не было «тайной за семью печатями». Еще во времена царствования св. Иоанна III Дуки Ватаца, в 1252 г., на Михаила был сделан донос о попытке составить заговор с целью захвата власти. Правда это или нет – достоверно неизвестно. Характерно другое – как Михаил VIII Палеолог держался на допросе, который был учинен при производстве следствия. Поскольку обвинения против Палеолога казались малоубедительными, ему предложили пройти испытание «Божьим судом» – взять в руки раскаленное железо. Считалось, что если руки останутся целыми, то обвиняемый невиновен; в противном случае его признавали преступником.

В ответ Михаил VIII не без иронии заметил стоявшему поблизости члену суда Фоке, митрополиту Филадельфийскому: «Я – человек грешный и не творю чудеса. Но если ты, как митрополит и человек Божий, советуешь мне это сделать, то оденься во все священнические одежды, как обыкновенно приступаешь к божественному жертвеннику и предстоишь Богу, и потом своими святыми руками, которыми обыкновенно прикасаешься к божественному жертвоприношению Тела Господа нашего Иисуса Христа, вложи в мои руки железо. И тогда я уповаю на Владыку Христа, что Он презрит мои прегрешения и откроет истину чудесным образом».

Архиерей возразил, что это – варварский обычай, заимствованный римлянами из других стран, а потому он, как священник, не может участвовать в нем. Но Палеолог без труда нашелся: «Если бы я был варвар и в варварских обычаях воспитан, то я по варварским законам и понес бы наказание. А так как я римлянин и происхожу от римлян, то по римским законам пусть меня и судят!» Как нетрудно догадаться, обвинения с Палеолога сняли и признали невиновным³³⁸.

Палеолог продолжил свою карьеру и вскоре зарекомендовал себя самым лучшим образом. Его боготворили за приветливость и щедрость рядовые византийцы, а солдаты, неодно-

кратно под его началом одерживавшие победы над противниками, считали за счастье служить под командованием Палеолога. Зато откровенно не любили в семье Ласкаридов, где успехи молодого человека вызывали обоснованную тревогу.

В 1256 г. Михаил Палеолог узнал, что император Феодор II Ласкарис приказал его ослепить по очередному обвинению в измене и попытке захватить царскую власть. В то время Палеолог являлся контоставлом (конюшенным) и командовал войсками в Вифинии. Видимо, подозрения оказались не безосновательными, поскольку однажды Палеолог просто-душно заявил товарищам: «Кому Бог дает царствовать, тот не виноват, если позовут на царство его»³³⁹. Едва ли это был единичный эпизод – наверняка до императора и раньше доходили слухи о планах, которыми делился Михаил с близкими людьми.

Однако и на этот раз Палеологу удалось избежать опасности. Герой столичной аристократии, выходец знаменитого рода, он повсюду имел друзей, а потому немедленно отправился к Иконийскому султану КейКавусу II переждать грозу. Тот с радостью принял замечательного полководца и даже поручил ему командовать отрядом византийцев, находящийся на турецкой службе, во время войны с татарами³⁴⁰. Феодор II Ласкарис забеспокоился: он понимал, что при помощи турок Михаил Палеолог может предпринять далеко не безнадежную попытку захватить власть в свои руки. Поэтому император срочно направил посла к опальному аристократу с предложением вернуться на родину на условиях полного прощения.

Вняв советам друзей, через год Палеолог возвратился в Никею и в свою очередь также дал клятву царю никогда не посягать на его власть. Подозрительный император наградил Палеолога должностью великого коноставала (командира иностранных подразделений), дал ему довольно слабый отряд солдат и направил на Запад в надежде, что там Михаил и погибнет.

Но Палеолог и на этот раз показал свои блестящие военные дарования, разбив эпископов и лично победив в поединке сына деспота, командовавшего вражеским войском. А затем начал брать город за городом. Эти победы вызвали при дворе новый всплеск ярости со стороны завистников и самого василевса – Палеолога попытались даже обвинить в колдовстве, а затем в очередной раз арестовали. Он долго томился в тюрьме, не имея никаких шансов быть хотя бы выслушанным императором.

В тот год многие родственники Палеолога лишились должностей, а некоторые даже сложили голову на плахе, но самому Михаилу VIII повезло – буквально накануне его казни царь Феодор II Ласкарис скончался³⁴¹. Наконец, после многих перипетий Михаил Палеолог реализовал свою мечту и, ослепив юного Иоанна IV Ласкариса, стал единоличным Византийским императором.

Надо откровенно сказать, ему выпала не самая легкая доля. При всех успехах, сопровождавших династии Ласкаридов, Византийская империя была восстановлена далеко не в том виде, какой она была, скажем, при Македонцах или Комнинах. Почти все бывшие черноморские владения принадлежали теперь независимой от Константинополя Трапезундской империи. Попрежнему существовал Эпирский деспотат, занимавший юг Албании и часть Этолии.

Среди других греческих государств, не признававших Никейского царства, следовало опасаться Великой Валахии, которой принадлежала Фессалия, Локрида и Фотида. Низвержение Латинской империи не коснулось пока еще таких автономий, созданных на византийских землях, как Афинское герцогство и Морейское княжество. Многие острова у Константинополя принадлежали венецианцам и генуэзцам. Собственно говоря, в нынешнем виде Византия включала в себя только бывшие владения Никейской империи, Фракию, Македонию и Фессалоники, а также ряд островов: Родос, Лесбос, Самофракия и Имброс.

Территория убывала, а многочисленные враги остались. Кроме того, как и раньше, Византийской империи противостояла Болгария, хотя и существенно ослабленная, и Сербия, набравшая силу и стремившаяся обладать той властью, которую ранее имела Византия на Балка-

нах. Азиатские турки, получившие сильнейший удар от татар, малопомалу приходили в себя и начинали вновь представлять грозную силу³⁴².

Экономическое и военное превосходство латинян также являлось безусловным. Политические события резко отразились и на церковных отношениях Востока и Запада, хрупкой целостности которых был нанесен непоправимый ущерб³⁴³.

Более того, в начале царствования Палеолога отношения Византии с Западом существенно ухудшились по сравнению даже с недавними годами. Захват Константинополя – вершина славы Михаила VIII Палеолога, на удивление, принес много новых проблем, решение которых оказалось не по плечу не только самому василевсу, но и его преемникам. Если во времена Никейской империи между греками и Западной Европой находилась Латинская империя, то теперь этот промежуточный балласт, постоянно требовавший помощи от папы и позволявший Византийским царям играть на противоречиях своих врагов, исчез.

Итак, Империя была почти восстановлена, но отныне ее василевсам пришлось напряженно столкнуться с теми западными государями, которые считали делом своей чести возродить Латинскую империю или присоединить к себе ее бывшие земли, ссылаясь на многочисленные акты и договоры, заключенные Балдуином II. Династические союзы и браки внесли столько сумятицы и неразберихи с правовой точки зрения, что теперь не только бывший Латинский император, но Германский и Французский короли считали себя наследниками бывших владений Балдуина II.

Кроме того, годы латинского ига оставили глубокие раны на теле блистательной ранее Византии. «Великая глава, Константинополь, венчала ослабевшее, подвергающееся со всех сторон нападениям тело», – справедливо писал один автор. Венеция и Генуя полностью доминировали на море. Сербия и Болгария, разумеется, не осмелились бы в одиночку напасть на Византийское государство. Но могли поддержать удар в направлении Константинополя. Западные державы также не являлись друзьями Византийской империи. Поэтому, объединение их в одну группу неминуемо повлекло бы гибель Византии³⁴⁴.

Позиция Римской курии также резко изменилась: ранее папы были готовы пойти на большие уступки грекам, но теперь, с испугом и страхом взирая на восстанавливающуюся Византию, играли на угрозе объединения всего Запада в борьбе со «схизматиками». Понтификам было тяжело взирать на то, что византийцы, бывшие почти в их власти, ускользнули из их рук. Верные своим вековым представлениям о главенстве Апостольской кафедры, они ни при каких обстоятельствах не соглашались мириться с фактом существования независимой Восточной церкви. Единственный на тот момент времени интегрирующий центр всей западной цивилизации, Рим, мог в одночасье решить судьбу Византийской империи – как в положительном смысле, так и в отрицательном.

Следует сказать, что никогда ни до, ни после Рим не достигал такого могущества, как в XIII веке. Достаточно напомнить, что IV Латеранский собор 1215 г. официально объявил Римскую церковь матерью всех Церквей и наставницей всех верующих, а ее епископа – стоящим выше патриархов Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. А папа Климент IV (1265—1268), о котором речь пойдет ниже, высказал искреннее убеждение об абсолютном праве понтифика распоряжаться всеми Церквями, церковными должностями, положениями и бенефициями.

Теоретически еще сохранялся вопрос, кто главнее – папы или Вселенские Соборы, но на практике апостолик считался главой церковного управления, верховным законодателем и судьей Западной церкви. А потому самостоятельно определял те правила, которые затем послушно принимались на «Вселенских» Соборах. Глава Апостольского престола закрепил за собой также право облагать налогами все Церкви, подчиненные Риму. К нему теперь обращались не иначе как к «наместнику Христа на земле», «святейшеству», *sanctitas* или *sanctissimus*. Со времени папы Иннокентия III стали считать, что легендарный библейский царь Мелхиседек

есть прообраз Римского епископа, сочетающего в себе функции Римского императора и священника³⁴⁵. Как известно, ранее образ Мелхиседека олицетворялся в сознании современников исключительно с Римским царем; более чем заметная разница.

Именно в этом столетии на Западе папам стали официально приписывать эксклюзивные права отпускать наиболее тяжкие грехи – святотатство, кровосмесительный брак, содомию, убийство духовных лиц и т.п. Только апостолик отныне мог канонизировать святых и признавать подлинными их мощи. Кроме того, понтифику принадлежало полномочие изъятий тех или иных имуществ из епископских юрисдикций. Исключительно он принимал решение о созыве «Вселенских» Соборов Западной церкви. Ни один архиерей отныне не мог оставить свою должность без согласия Рима или быть перемещенным с одной кафедры на другую. Каждый архипастырь вступал в свою должность не ранее, чем давал клятву верности Римскому епископу и получал от него палии. Поездки *ad limina*, которые епископы обязаны совершать в Рим после своей хиротонии, отныне становятся безусловным правилом. Как следствие, латинские архиереи начали именовать себя следующим образом: «Епископ по милости Божьей и святого Апостольского и Римского престола».

Наконец, столь знакомая нам «теория непогрешимости» Римского папы, когда он вещает *ex cathedra*, уже в середине XIII века получила публичное признание на нескольких западных «Вселенских» Соборах. Не возвысившись еще до степени верования *de fide*, она, по словам исследователей, становится верованием *prope fide*. Даже могущественный Французский король Людовик IX Святой, относящийся к папе как к собственному епископу и чуткий к правам галликанского священства, составивший в 1269 г. «Прагматическую санкцию», регулируюшую права Римского престола, вынужден был соотносить свою политику с требованиями и пожеланиями понтифика³⁴⁶.

Достаточно было папе, обладавшему таким могуществом, объявить новый Крестовый поход на Константинополь и дать свое духовное благословение, как западное воинство поднялось бы на Византию. И, наоборот – без согласия понтифика ни один христианский государь не осмелился бы в XIII веке начать войну на Востоке. Правда, эти легкие в теоретическом отношении конструкции в действительности осложнялись многими привходящими практическими обстоятельствами.

Запад не был единой силой, и его правителей раздирало множество противоречий, застарелых споров и обид, требовавших деятельного участия Римского папы, как универсального посредника и арбитра. Понтифику постоянно приходилось вмешиваться в межгосударственные и межличностные конфликты сильных мира сего, выискивая компромиссные варианты. Кроме того, власть апостолика при всей ее значимости и величии не казалась безусловной для всех монархов. Достаточно напомнить многовековое противостояние Рима и Германских королей, достигшее к середине XIII столетия своего очередного пика.

Римскую курию чрезвычайно волновала и судьба Италии, ставшая в очередной раз объектом спора между Германией, Францией и самим папством. В частности, весьма серьезно встал вопрос о том, какой нации принадлежит право устанавливать *Imperium* – германцам или французам. Папыфранцузы активно работали на пользу Людовика IX Святого, но немцы активно противодействовали им. Они прекрасно понимали, что именно идея Империи создала германскую нацию и позволила немцам возвыситься над всеми европейскими народами. Потерять *Imperium* – значит потерять себя, свое могущество.

Чуть позднее описываемого периода, в 80х гг. XIII века, видный германский клирик, долгое время проживавший в Риме и занимавший высокую должность в папской курии, Александр фон Роэц, откровенно потребовал законом закрепить *Imperium* за германской нацией. Он был готов признать за Италией *sacerdotium* (первосвященство), за Францией – *stadium* (преданность), но не соглашался отчуждать комулибо имперское звание, которое по праву принадлежало, с его точки зрения, исключительно Германии³⁴⁷. Конечно, это были не единственные

противоречия, разъединявшие народы Запада, и далеко не все из тех, которые мы упомянем позднее.

Данные обстоятельства давали шанс Византийской империи выйти «сухой из воды», но только при наличии нескольких обязательных условий. Власть императора должна была найти дипломатическое подтверждение на Западе – в противном случае он попросту не признавался лицом, правомочным на заключение необходимых соглашений, и договоры с ним не имели бы никакой юридической силы.

Нельзя забывать, что существовала Трапезундская империя, цари которой, ссылаясь на свою родословную, претендовали на императорский титул и вообще считали Михаила VIII Палеолога узурпатором. Перед Дуками, Комнинами и даже Ангелами такой задачи не стояло – они по праву преемственности занимали престол древних Римских царей в условиях единой Византийской империи. Ни у кого на Западе не закрадывалась мысль о том, что эти василевсы должны комуто и чтото доказывать. Даже германские короли, традиционно претендовавшие на титул Римского императора, не могли игнорировать исторические факты и саму действительность.

Так было до 1204 г., но после захвата Константинополя все стало иначе. Уже Ласкариды были вынуждены доказывать свою «римскую родословную» и права на Константинополь, поскольку на Западе считалось, что древняя столица Византии теперь «по праву» принадлежит Латинскому императору, которому ее уступил Алексей IV Ангел – последний законный василевс Восточной Римской империи. Выборы первого Латинского монарха, Балдуина I, были произведены на легитимных для западного сознания началах. И в глазах латинян Михаил VIII Палеолог являлся узурпатором, да еще и «схизматиком» – обстоятельство, не располагающее для нормального и равноправного общения с ним.

Запад и Рим, конечно, не признали никакой восстановленной Римской империи, поскольку во главе нее стоял ересиархпатриарх и «Греческий царь» – максимальный титул, который понтифики и западные государи могли признать за Палеологом. В таких условиях попытки Византийского царя вести переговоры даже с традиционными союзниками – генуэзцами были обречены на провал или в лучшем случае на необходимость оглядываться на реакцию понтифика. Можно сказать, что у Михаила VIII Палеолога на момент начала самостоятельного правления не было ни одного друга на Западе – только враги или в лучшем случае индифферентные персоны.

Поскольку же в Западной Европе продолжалась «война всех против всех», фактически единственным лицом, чье признание власти Михаила VIII Палеолога, как законного правителя Константинополя, не требовало «переутверждения», являлся Римский папа. Хотел того Палеолог или нет, но сами обстоятельства времени и места вынуждали его идти на союз с Римской курией. А это означало, что рано или поздно должен возникнуть вопрос о церковной унии.

Помимо очень непростой внешней ситуации, Михаилу VIII Палеологу приходилось считаться с внутренним положением дел. Изнутри его царство было уже далеко не тем, что раньше. Политическая элита, целое поколение которой выросло на западноевропейских политических понятиях, перестала воспринимать монархическую идею в ее естественной для византийского сознания редакции. Это стало возможным еще и потому, что в составе аристократии Никейской империи находилось множество лиц западного происхождения, этнических латинян, занявших вскоре привилегированное положение при дворе василевса. Несмотря на угрозу отлучения от Римской церкви, латинские наемники охотно поступали на службу к Византийскому царю, прельщенные наградами и перспективами. Большинство из них являлись выходцами из Франции, Испании и Скандинавии. Как полагают, не менее 23 самых знатных родов, или 17 % аристократов, имели иностранное происхождение. Включая такие известные фамилии, как Раули, Торникии, Петралифы, Нестонги, Враны, Камицы, Цики, Хавароны, Конто-

фры, Римпсы. И, очевидно, их политические традиции, принесенные с родины, широко распространились среди греческой знати³⁴⁸.

Нет, безусловно, в то время и на Западе никому в голову не могло прийти оспаривать сакральные основания королевской власти. Но наряду с ее сакрализацией все активнее проявляется публично-правовой оттенок. Считалось, что король должен «служить» обществу, и права ему даны обществом для «общей охраны», даже если полномочия монарха неотчуждаемы³⁴⁹.

Право выборов Западного Римского императора, вьевшееся в плоть и кровь германской аристократии, оказалось даже сильнее попыток Римских пап подчинить себе все политические институты Западной Европы. И папа Иннокентий IV (1243—1253) был вынужден признать, что хотя и обладает в Западной Римской империи полнотой власти *de jure*, но *de facto* власть принадлежит все же выборщикам-князьям³⁵⁰.

Теперь эти веяния достигли Византии. Не случайно уже Ласкаридам пришлось деятельно потрудиться, чтобы убить зарождающуюся в Империи идею «выборной» монархии, согласно которой император получает все политические права и полномочия от общества, как «первый среди равных». Сам Михаил VIII Палеолог вырос на волне «аристократической революции» и в силу необходимости согласился выполнить те обязательства, которыми его сковали представители самых знатных семей Византии. Но, объективно говоря, в тех тяжелых условиях «выборная монархия» выглядела откровенным nonsense для византийского сознания и не позволяла решить задачи, которые суровое время ставило перед Михаилом VIII Палеологом.

Не удивительно поэтому, что первые мероприятия императора были направлены на укрепление своей власти и восстановление традиционных основ Византийской государственности. Как свидетельствует летописец, с первых же дней своего самостоятельного правления Михаил VIII делал все для того, чтобы создать собственную династию и обеспечить преемственность власти сыну Андронику Палеологу. А это оказалось сделать очень непросто.

Чтобы преодолеть сопротивление и выйти изпод влияния аристократии, Палеологу следовало обеспечить признание своего императорства со стороны Константинопольского патриарха, обладавшего почти неограниченной духовной властью. Однако патриарх Арсений никогда не согласился бы признать законной власть Палеолога, доставшуюся ему путем клятвопреступления. Любая попытка василевса повернуться в сторону Римской курии только усугубляла отношения с «Вселенским патриархом»; но без добрых отношений с папой о мире с Западом нечего было и думать.

Готовясь к неизбежной войне, император начал восстанавливать служилую политическую элиту, которая традиционно обеспечивала стабильность политической власти в Византии. Сделав ставку на эту общественную группу, Палеолог покупал ее верность деньгами, собранными Ласкаридами. Одновременно с этим император быстрыми темпами начал восстанавливать централизованное управление, для чего пришлось пожертвовать интересами провинций в пользу столицы. Михаил VIII воссоздал фискальную систему прежних веков, но и это не принесло больших результатов. Содержание золота в монетах уменьшилось до неприличных пропорций – из 15 частей драгоценного металла 9 заменялось лигатурой. В дальнейшем содержание золота в монетах стало еще менее значительным³⁵¹.

Спешно отстраивались дома, храмы, царский дворец. Но эта политика, должная восстановить былую пышность двора Византийских императоров и обеспечить общественный слой, служащий царю, истощила провинцию. Деньги из регионов рекой текли в Константинополь, откуда власть присылала лишь армии чиновников, далеко не всегда безупречных с точки зрения закона и личной совести. Зато таким способом василевс сумел создать новую политическую силу, способную обеспечивать полнокровность его власти, и армию, чтобы защищать Византию от врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.